

А.В. Иванов

ЛОГИКА СОЦИУМА

ЦСП и М

Москва • 2012

УДК 740(091)
ББК 60.0
И20

Иванов А.В.
И20 **Логика социума : [монография] / А.В. Иванов. – 256 с. – М.: ЦСП и М, 2012.**

ISBN 978-5-906001-20-7.

Книга содержит изложенную в форме социальной философии систему взглядов на историю цивилизации. Опираясь на богатый антропологический материал, автор осуществил ретроспективный анализ развития архаичных сообществ людей, логически перейдя к критическому анализу социологических концепций цивилизационного развития в эпоху монополистического рынка и перманентного наступления глобализма. В книге также уделено серьезное внимание проблемам, тормозящим цивилизационное развитие России.

**УДК 740(091)
ББК 60.0**

ISBN 978-5-906001-20-7

© Иванов А.В., 2012
© Центр социального прогнозирования
и маркетинга

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
РЕКОГНОСЦИРОВКА	11
ОСОБЬ, ГРУППА	31
Первое необходимое отступление	42
РАЗМЕР ГРУППЫ И ТЕМПЫ ЭВОЛЮЦИИ	62
ГРУППЫ, ЧЕЛОВЕК, СОЦИУМ	74
Теории Маслоу необходимо учиться	125
ЛОГИКА СОЦИУМА И СОЦИАЛЬНЫЕ АКСИОМЫ	139
Второе необходимое отступление	185
<i>Кризис социальности?</i>	185
ЭЛИТА И КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	211
Заключение	239
Список литературы	244

ВВЕДЕНИЕ

Название «Логика социума» насколько тенденциозное, настолько же и отражающее суть излагаемой концепции¹. Слово «логика» имеет множество контекстов. В данном сочетании это слово употреблено в смысле внутренних, органических закономерностей развития человека и социума, предопределенных их многовековыми отношениями.

Закономерности развития мира давно изучаются наукой, они рассмотрены многими гениальными учеными, и можно утверждать, что именно эти закономерности являются той логикой, в русле которой развивается мир. Вопрос лишь в том, как воспринимать ее, как относиться к этой логике — как к атомистическому дарвинизму или как к ноосферному тейяризму, как к светскому «секулярному» гуманизму (Secular humanism) или как к «творческому христианскому гуманизму»²? Я склонен более ко второму, если слово «христианский» понимать не столько как принадлежность к вере, а прежде всего как причастность к филогенезу, к европейской эпохе развития земного социума, которая называется «нашей эрой», впитавшей античные и средневековые знания, верования и социальные ценности. Я не могу назвать себя верующим, но христианское многовариантное отношение к жизни мне милее бихевиоризма. В заключении к «Феномену человека» Тейяр де Шарден пишет о растущей самоорганизация человеческих мириад, об одновременном и параллельном возрастании технической организации

¹ Возможно, этот опус можно отнести к социологии социальности, но что такое — социальность, и не является ли это в какой-то мере тавтологией?

² <http://jesuschrist.ru/news/2008/12/01/15469> Епископ Иларион назвал «обманом гуманистов атеистического толка» противопоставление гуманизма религии: «Мы, мол, за человека, а вы, попы и церковники, против человека». Владыка Иларион отметил, что: «Самоутверждение человека приводит к самоистреблению человека», в то же время, по его словам, «мы должны не отрицать всякую правду гуманизма, как делают многие реакционные теологические направления, а утверждать творческий христианский гуманизм». Вроде бы все верно, да только похоже на воинствующую религию.

и психической напряженности, осознании времени и пространства, о вкусе и способности к открытиям. Он отмечает, что невозможно не видеть в этом союзе технического упорядочивания и психической сосредоточенности действия «извечной великой силы», произведшей нас. Что все тот же циклон продолжает все крепче сжимать в едином объятии всех людей, стремясь довести каждого до завершенности, и одновременно органически связать друг с другом [Шарден, с. 316–317].

Я не отрицаю теории Дарвина, однако, если встать на позиции дарвинизма, то теперь следует лишь уповать на разумность естественного отбора, на то, что «отбираться» будут не только физическая сила и приспособленчество, не только ницшеанская «воля к власти» и накопительству, но и человеческие любовь, совесть, сострадание, интеллигентность, забота, самоотверженность...

Если принять точку зрения Тейяра де Шардена, что настоящий филогенетически-онтологический «циклон» не закончен, и это — процесс самоорганизации, то социуму необходимо озаботиться: а) созданием возможностей для развития каждым индивидом его конечного значения, определяемого его собственным потенциалом, и б) объединением этих развивающихся разрозненных «зернистостей» в организованное всеобщее. Но для этого социуму необходимо понять суть этого процесса, его закономерности и его логику. А поняв их, не по-мичурински «брать милости от природы», а осознанно и сознательно двигаться в русле этого природного «родового» процесса. В первую очередь — здесь, а не в «инноградах» нужны инновации и инновационные люди, поскольку нарушение природных законов, к которым относятся и закономерности развития человеческого общества, ведет к природным и социальным, а значит — и к экономическим катаклизмам.

Созидательным может быть только развивающийся и свободный человек, способный и имеющий возможность хоть изредка подниматься над обыденностью и рутинной, оценивать окружающую действительность, принимать самостоя-

тельные решения и предпринимать созидательную деятельность. И если в теории Дарвина верно схвачены основные факторы эволюции мира живой природы на уровне отдельных организмов и видов, то нынешняя концентрация социальности уже, пожалуй, неподвластна его теории.

Этот опус возник как побочный продукт технических и управленческих изысканий, хотя в современном обществе невозможно уже назвать никакого вида человеческой деятельности, не связанного, так или иначе, с социальными обязательствами. Зачатки этого «побочного продукта» появились довольно давно — еще в прошлом веке, а дозрели они — с появлением новых знаний, прежде всего благодаря книге И.Р. Сушкова «Психология взаимоотношений»³, вышедшей в 1999 г. Я не знаю до сих пор как коротко и ясно донести смысл того, что излагается ниже. Этот смысл — многослойный, он не схватывается сразу, на лету, если ты не погружен в тему, если у тебя нет опыта социальных взаимодействий на разных их уровнях. Один из моих Учителей очень давно, после бурных технических совещаний тактично преподал мне профессиональный и пожизненный моральный урок: излишне пользоваться аппаратом высшей математики и сопромата там, где достаточно простого арифметического счета. О том же прекрасно сказал О. Шпенглер: «Одна необходимость для жизни определяет степень ценности учения ...О том, что не охватывает и не изменяет всей жизни эпохи вплоть до ее сокровенных глубин, лучше было бы не говорить» [Шпенглер, с. 63, 65–66].

³ Во вступительной статье к этой книге доктор психологических наук, профессор П.Н. Сихирев указывает, что исследования межгрупповых отношений в России и СССР развивались «обычным» путем: прозрения плеяды мыслителей Серебряного века; марксизм-ленинизм, закрывший эти прозрения для поколений советских ученых; подглядывание за «их» результатами и методами и попытка их адаптации через «критический анализ буржуазной науки» в «нашей» теоретической схеме. Он называет книгу И.Сушкова — первой попыткой синтезировать достояние отечественной (а не только советской) и зарубежной науки на новой основе, а также — единственной монографией в данной области, вышедшей в России и СССР за последние 80 с лишним лет. *Подспорьем* к ней названы еще всего две монографии.

Оформив свои многолетние и мучительные поиски «истины для себя» в очерк, я пребывал в смятении и недоумении. С одной стороны я считал, что высказываю мысли, пусть не известные в своей совокупности, но тривиальные, а потому мало кому интересные. С другой стороны, если это так, то почему люди — в том числе обличенные нашим доверием и наделенные властными полномочиями, то есть, обязанные по определению все это знать — поступают по-другому?

Своей целью я считаю не приглашение читателя к сопереживанию моим чувствам, а принуждение его к собственным мыслям. Мысли — вот чего не хватает нам сейчас. Мысли, выраженной в деятельности. Облеченная в эмоциональные объяснения, дезинтегрирующая личная правота каждого — критикующего и критикуемого, разделяют нас, позволяют властвовать эмоциям, заводят нас в очередные «исторические тупики». Нам же сейчас, прежде всего, не хватает единства мысли, или знания и понимания идеи дальнейшего развития — идеологии. Да-да, идеологии, но не политизированной и уже потому ограниченной и замызанной и ее сторонниками, и ее противниками, а идеологии социума, т.е. понятного и общепринятого способа социального мышления и социальной деятельности. Попытаемся, поэтому, проследить путь развития человека и его социальности, понять — что и, главное, как нам следует делать, чтобы хотя бы наши дети могли обоснованно надеяться на счастливую жизнь их внуков. Невозможно ни увидеть каких-то новых тенденций, ни понять сути происходящих процессов, не сравнивая их с прежними состояниями, не поднимаясь над общим «средним уровнем», правящим теперь социумом. Поэтому некоторые «очернительские» оценки следует относить не только на желчность характера автора, но и на то, что сравнение «среднего уровня» с возможным должным не выдерживает критики.

Любая организованная система, каковой являются и электронные устройства, и человек и социум, обладает собственной системой координат, привязанной к единой мировой системе координат. Это возможно потому, что все они

функционируют на основе одних физических законов, а их сравнение производится стандартными средствами измерения. Меняются микросхемы, растут мощности, изменяются частоты, изменяются электронные устройства, но остается единая принятая для них и стандартизованная наукой и производством система координат, благодаря которой понятен прогресс самих приборов.

Человек тоже имеет собственную систему координат — воспринятые и усвоенные в процессе социализации и интериоризации знания, культуру, социальные ценности, отношение к окружающему; приобретенные, сохраняемые и развиваемые (или напротив — прожигаемые) здоровье, физические силы, качество работы его физиологических и психических систем. Это — его индивидуальная система координат, ведущая его в окружающей действительности. Каждый человек при рождении воспринимает ее и только ее истинной и единственно правильной. И если дальнейшая социализация не поможет ему освоить некоторую единую (пока — принятую наличным социумом) систему координат, не поможет сориентировать и совместить индивидуальную систему координат с общепринятой единой, то он так и останется сам для себя и единственным поводырем, и единственным судьей, а его жизненный путь только случайно может совпасть с должным направлением развития.

Выскажу первую крамолу: *людям не хватает социальных стандартов.*

За любым неприятием оценки собственной персоны со стороны другого индивида повисает прямо не произносимый вслух вопрос — «А судьи кто?». А за этим вопросом скрывается и основное противоречие современности: *человечество пока не обрело систему координат, связующую его с Миром.* Каждый социум — явно или неявно — принимает, пропагандирует и развивает собственную систему координат своего существования. Хотелось бы добавить слово «развитие», но — «А судьи кто?». Какая социальная система ведет к развитию — шведский социализм, американский индивидуализм, немецкий *Recht und Ordnung*, советский

коммунизм? Если род «Номо» един — независимо от расы и национальности, — почему так много социальных систем координат? Какая из них ведет к развитию? А может быть, ни одна из существующих социальных систем не гарантирует само развитие?

Как индивидуальную систему координат конкретного человека совместить с системой координат Мира и направить его, наконец, в русло социального прогресса?

Социальные события последних лет очень хорошо это продемонстрировали. Выступления множества групп обывателей, высокопоставленных чинов правительственных структур, экономических сообществ, валютных фондов, общественных движений, политических партий, государственных социальных центров и даже президентов различных стран показывают, что *никто из них не видит основных причин*, приводящих в движение коллективное «сверхмогущество психической стихии» и пробуждающих индивидуального «бога ужаса, который обитает в душе» [Юнг, с. 77]. Все социальные выступления приводят лишь к межгосударственному «коллективному» вмешательству, к концентрации власти, к ужесточению законодательств, к противостоянию, усилению и увеличению властного контроля и над социальными группами, и над отдельным гражданином. Но никому невдомек, что любые запреты действуют лишь настолько, насколько их воспринимают действующие субъекты.

Выскажу вторую крамолу: *людям не хватает индивидуальной стандартизации, привязанной к социальным стандартам.*

Те мысли, которые излагаются ниже, вынашивались полтора десятка лет. Казалось, что они предельно ясны каждому, поскольку почти ежедневно так или иначе мы сталкиваемся с ними в обыденной жизни. Некоторые из них можно слышать в высказываниях разных людей и видеть даже их проявления в действиях, в том числе и у представителей властных или политических групп. Но они не проявляются в комплексе, стали отдельными «дежурными фразами» и «общими местами» действий и выступлений,

а потому не имеют для жизни никакого созидательного значения, а чаще — даже наносят вред. Мы все, каждый из нас, зачаты этими мыслями от рождения, но осознанно и сознательно воплощают их в жизнь — лишь единицы. Мне казалось раньше, что эти мысли близки и ясны каждому, а потому говорить о них — значит выступать в роли маленького мальчика из сказки Андерсена «Новое платье короля», что в моем возрасте вовсе не солидно.

Главное, однако, чтобы эти мысли превратились в действия каждого и чтобы во всех королевствах прекратились «церемонии», описанные Андерсеном в последнем предложении его сказки: «И он выступал под своим балдахином еще величавее, и камергеры шли за ним, *поддерживая мантию, которой не было*».

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Любой здравомыслящий профессионал ради повышения эффективности собственной деятельности озаботится и общественными парадигмами — социологическими, политологическими, экономическими и пр., чего не миновал и автор этих строк.

Что же оказалось? Около 30 лет назад — во времена «развитого социализма» и позднего «брежневизма» советская партийно-идеологическая машина была вынуждена признать кризис в теоретических разработках советских общественных наук. Крах СССР, свершившийся почти 20 лет назад, лишь подтвердил этот вывод.

Около 10 лет назад — уже в отсутствии «тоталитарно-идеологического давления», отечественная социология была озабочена понятийно-категориальным аппаратом [Тоценко; Павленок]. Два года назад, оценивая итоги Всемирного конгресса Международного института социологии, было сказано: «Идет активный поиск макросоциологических концепций, которые бы могли иначе объяснить мировые процессы. ...Само общество не определилось с будущим, поэтому не смогло это сделать и социология. Общество и социология находятся на перекрестке дорог в будущее» [Титаренко, с. 17, с. 22].

То есть, можно констатировать, что общество (а не наука) виновато в отсутствии общепринятых *обществоведческих* парадигм. Это — не попытка уколоть научную общественность, а правда повседневной жизни, отражающая и поведение индивидов, и поведение социальных субъектов, да и всего социума⁴.

Я отрицаю существующие сейчас «теологические и мифотворческие» прогностические модели обществознания, политологии, социологии. Полностью принимаемая мною

⁴ Социальный институт науки, призванный и обязанный отслеживать, выявлять, анализировать, выкристаллизовывать и оформлять новые знания в привычные для повседневного употребления стандарты, методики, программы и регламенты, продолжает быть озабоченным развитием собственных разрозненных «научных школ» и «методов управления наукой».

аргументация такого отрицания приведена в цитируемой статье [Шереги, 1994].

Критикуя существующие «парадигмы социологической гносеологии», Ф.Э. Шереги уже почти 20 лет назад выдвигал гипотезы построения объективных научных моделей социологии, построенных на категориальных моделях, в основе которых лежит не общество, «а личность как продукт биологического и социального развития последнего». Кратко напомним аксиоматические предпосылки построения таких моделей, выдвинутые в статье.

«1. Кульминационными точками развития цивилизации выступают пять общественно-экономических формаций.

2. Критерием расцвета формации служит не состояние общества, а его продукт — социальный тип личности, находящийся в гармоничных взаимоотношениях с природой.

3. Каждую отдельную формацию предметно воплощает в себя этнос с доминантным генотипом.

4. Социальные институты являют собой лишь надстроечную оболочку генетической самореализации этноса.

5. Главный метод создания категориальных моделей — принцип историзма, то есть ретроспективный анализ этногенеза основных социальных типов личности (африканского, китайского, германского, еврейского и русского⁵, а также генезиса социальных институтов, образованных этими доминантными этносами» [Шереги, 1994, с. 614–615].

Попробуем покритиковать эти аксиоматические предпосылки Ф.Э. Шереги⁶.

Первая же предпосылка возвращает нас к марксистским «базису и надстройке», но удаляет от материалистического «единства материи и сознания». Поэтому я везде заменил

⁵ В последующем он уточнил эту типологию, связав ее с расами: негроидная, монголоидная, индоидная, семитская и славянская. См.: Ф.Э. Шереги Категориальные модели в социологии. // Социальные технологии, исследования. 2010, № 3.

⁶ Впрочем, эти замечания — лишь мои личные «вкусовые предпочтения», обусловленные, вполне вероятно, не только кризисом понятийно-категориального аппарата общественных наук, но и моим недостатком фундаментальных знаний в этих науках.

бы слова «общественно-экономическая формация» на «уровень взаимодействия социальных субъектов». Тогда первая предпосылка будет выглядеть так: «Кульминационными ступенями филогенеза выступают пять известных уровней взаимодействия человека с внешним Миром, на которых проявляются системообразующие качества человека — физический, биологический, психологический, социологический, социальный». Впрочем, возникновение, развитие и закат тех или иных формаций как раз и предопределяется уровнями и объемом взаимодействия социальных субъектов, а не присущей им формой собственности.

Со второй предпосылкой следует согласиться с той же заменой слова «формация» на «уровень взаимодействия» или хотя бы «нация», или «социум», или «цивилизация» — по тем же материалистическим соображениям единства материи и сознания.

Третья предпосылка весьма спорна, поскольку, например, признаки рабовладения распространены до сих пор и не только в одном этносе, а назвать доминантный этнос капиталистической или коммунистической формации — значит вызвать массу псевдонаучных споров, разводящих спорящих по странам и материкам. Кроме того, существуют этносы, и их «землячества», разбросанные по всему миру, «разбавляющие» не биологический генотип, а культурную «наследственную систему». По моему мнению, третья предпосылка должна звучать так: «Степень развития социальных субъектов в рассматриваемом социуме на каждом отдельном уровне взаимодействий предметно воплощает в себе большинство социума с доминантным набором удовлетворенных потребностей».

Четвертая предпосылка бесспорна при замене слов «генетической самореализации этноса» на слова «самореализации социума».

Замечания к пятой предпосылке предопределены выше, поэтому звучать она должна так: «Главный метод создания категориальных моделей — принцип историзма, то есть ретроспективный анализ генезиса доминантного количества

индивидуумов, освоивших основные социальные категории, а также генезиса социальных институтов, образованных ими».

Эти замечания, во-первых, расширяют рамки аксиоматических предпосылок за границы отдельных этносов, географических территорий, или формаций, позволяя провести ретроспективный анализ единой целостности — земной цивилизации. Во-вторых, они позволяют оперировать не отдельными «обществоведческими определениями» типа формации или этноса, а значительным комплексом психологических и социологических категорий — идентификации, социализации, категоризации, социального обмена, групповой саморегуляции и пр. В-третьих, основой рассмотрения в действительности становится не формация или этнос, а личность, и становится понятным зарождение новых социальных отношений в старых социумах.

Попытаемся обосновать набросок концепции, которая была бы пригодна для дальнейшей разработки в целях изучения, обществоведческого анализа и проспекции всех уровней социальной жизни — от человека до цивилизации в целом. Причем, как мне кажется, она полностью удовлетворит предпосылки, выдвинутые Ф.Э. Шереги, даже без учета высказанных выше замечаний, поскольку:

- во-первых, базируется на эмпирических и верифицируемых исследованиях А. Маслоу и И. Сушкова, подтвержденных множеством других авторов;
- во-вторых, является категориальной моделью, в основе которой лежит «личность как продукт биологического и социального развития» цивилизации, точнее, она рассматривает развитие отношений индивида с миром;
- в-третьих, подтверждается ретроспективным анализом филогенетического развития цивилизации и онтогенеза человека;
- в-четвертых, не вступает в противоречие ни с исторически отдаленными, ни с современными социальными событиями, а лишь подтверждается ими;

- в-пятых, является динамической и развиваемой в перспективу, а не застывшей в ожидании опыта новых социальных катаклизмов для продолжения теоретизирования.

Цивилизация филогенетически развивалась во взаимодействии с Миром, удовлетворяя индивидуальные и индивидуально-социальные потребности человека. Каждый человек в онтогенезе повторяет этапы филогенеза. Взаимодействуя с окружающим миром на разных уровнях (физическом, биологическом, психологическом, социологическом и социальном) и в разных масштабах (индивидуальном, групповом и социальном) индивид проходит процесс личностного и социального становления. А с точки зрения стороннего научного наблюдателя — социализируется, интериоризируется и экстериоризируется, приобретает опыт взаимодействий в «категориальных нишах».

Процессы возникновения и удовлетворения индивидуальных потребностей человека рассматривал А. Маслоу. Процессы возникновения и развития социологических и социальных взаимодействий подробно рассмотрены И. Сушковым. Знакомство с двумя теориями — теорией личности А. Маслоу⁷ и психологии групповых взаимоотношений И. Сушкова [Сушков, 1999] в отрыве друг от друга (что и делают узкие специалисты) не позволяет объективно выявить процессы становления и развития социальности индивидов и процессы развития социума Личностями. Объединение этих эмпирически подтвержденных теорий в единую логику социума дает возможность не только изучать, но и предсказывать, планировать и управлять объективно необходимым процессом развития социума.

⁷ Здесь затруднительно указать какую-либо одну работу Маслоу, а тем более сослаться на «пирамиду Маслоу», которую он никогда не приводил ни в одной своей статье! Лишь кропотливое изучение творчества Маслоу дает полное понимание его теории Личности. Множество дополнений к ней следует из сборника ранее не публиковавшихся статей из его научного архива (Maslow A.H. Future Visions: The unpublished of Abraham Maslow / E.Hoffman (Ed.). Thousand Oaks (Ca): Sage, 1996).

Нам придется очертить некоторую «сферу зрения», в границах которой должны распространяться наши суждения: мы должны придать им логику. Зачастую эта логика будет строиться на убежденности автора в ограниченной аналогии технических и социальных систем и протекающих в них процессов (но не всех конкретных явлений!), что может отторгаться некоторыми читающими. Такая логика может быть вначале не вполне понятна читателю, за что — приношу извинения.

Отношения. Человек, как и любое живое существо, включая растения, постоянно находится в отношениях с самим собой. Он пребывает в своем внутреннем мире постоянно — осознанно или неосознанно. Но мы с вами не сможем понять суть этого человека, исходя только из его внутренних отношений. А «проявляют» человека, объективируют, отражают и реализуют его в «бытии» не его эмоции, амбиции или мысли и слова, а весь континуум его *отношений* с этим внешним для него миром, во всей их полноте.

Отправной точкой всех наших рассуждений должны быть отношения «человек $\leq$ => внешний Мир». Любые другие основания наших рассуждений ограничивают сферу деятельности человека до социума, профессиональных занятий или наличных условий окружающей среды, не давая, тем самым, проникнуть ему в бесконечность.

Человек и социум. Что такое человек?

Что является основным / основными качеством / качествами, отличающими человека от других представителей мира животных? Что выводит человека из животного мира живой природы в мир человеческий? Что есть человеческие отношения, и чем они отличаются от отношений в животном мире?

Это — основные, базовые вопросы, ответив на них, мы сможем немного приблизиться к пониманию самих себя и окружающего нас социума.

Короткий, а потому несколько утрированный, но объективно принимаемый социумом ответ на все поставленные нами вопросы содержится в общепринятых парадигмах и

сводится он к следующему. Человек — социальное животное, и без социализации стать человеком не может. Человека, кроме этого, отличает от других животных прямохождение, размер мозга, форма руки (отстоящий большой палец ладони), сознание, развитая речь и коллективная деятельность. «Сошедшая с ума» обезьяна становится человеком, усваивая по мере взросления социальные роли и приобретая социальные практики в публичном исполнении этих ролей. А чисто человеческими отношениями является совокупность взаимодействий индивидов, составляющих социальную иерархическую лестницу.

Я не согласен с этими утверждениями. Конечно, человек двуног, голова, сообразителен, многословен, артистичен, умеет даже пальцами «озвучивать» английское «о'кей», и весьма приспособлен угождать вышестоящим на иерархической лестнице. Но многое из этого умеют и муравьи с пчелами, и попугаи, а всё — обезьяны. И попробуйте доказать мне, что мой взрослый кот «бессознательно» уходит от только что поставленной перед ним полной миски с едой, позволяя вначале приблизиться к ней своему младшему собрату — и вовсе не кровному родственнику. Бихевиоризм, теория научения и ролевая теория личности давно уже отвергнуты множеством думающих специалистов, но продолжают распространяться и даже «муссироваться» не только на обыденном уровне. Социальная иерархия процветает в жизни, хотя презирается даже сегодняшним обывателем, но при этом возводится в ранг категорий учеными. Фрейдизм родился из изучения больных людей и, пожалуй, для их лечения и предназначался, но широко муссируется специалистами уже не только в психоневрологии, но и психологами, и социологами, и даже социальными работниками!

Опять — «взгляды и школы, принятые в интеллектуальной среде» или отсутствие «сапиентальных чувств» [Великие мыслители]. А если взглянуть на все это другим взглядом?

Человек — «микрокосм», открытая самоорганизующаяся система. Эти слова слышали многие, они известны нам по сочинениям и высказываниям многих мыслителей и

философов. Но что это такое — открытая самоорганизующаяся система? Открытая — значит свободно и активно обменивающаяся с внешней средой энергией, веществом и информацией. Причем, такой обмен может быть не только неравноценным, но и в высокой степени «неопределенным». Одной из основных особенностей самоорганизующихся систем является способность адаптироваться к изменяющимся условиям, преобразуя при необходимости свою внутреннюю структуру. Но самоорганизация может быть *пассивной*, гомеостатической — под действием некоторой «следающей» функции (пассивной обратной связи) или органа с ограниченными функциями. А может быть и *активной*, гетеростатической — когда система сама, с помощью совокупности внутренних управляющих параметров «запускает» автоколебательный (незатухающий) процесс, поддерживаемый энергией постоянного внешнего воздействия. Почти 30 лет назад бельгийский физик и химик, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин и И. Стенгерс, рассматривая аналогии сложноорганизованных систем на примере химических и биологических процессов, привели странную даже для современных научных «устоявшихся концепций» мысль. Такая неравновесная система может быть названа организованной не потому, что действует по общему и централизованному плану, а значит — плану, гасящему любое проявление активности на элементарном уровне. Напротив, активность на элементарном уровне «случающаяся» в нужный момент, приводит всю систему к преимущественному выбору одного пути из ряда одинаково возможных, а при определенных условиях роль того или иного *индивидуального* режима становится решающей. Они утверждали, что в неравновесных системах поведение «в среднем» не может доминировать над составляющими его элементарными процессами. «В сильно неравновесных условиях процессы самоорганизации соответствуют тонкому взаимодействию между случайностью и необходимостью, флуктуациями и детерминистическими законами. ...вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, тогда

как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистские аспекты» [Пригожин, Стенгерс, с.235].

Я ухватился за эту мысль сразу же по ее прочтении, поскольку она отражает суть излагаемой концепции. Эта мысль — весьма ценная не только для нашего дальнейшего путешествия по фактам истории и палеонаук. Её, выраженную в других определениях, формулах или категориях, можно встретить и в гидравлике, и в термодинамике, и в теориях катастроф, и в теориях социальных взаимодействий, но на нее почему-то мало обращают внимания. Она не только не отменяет каузальности, напротив — дополняя ее, но еще она высвечивает как минимум три интересных нам феномена. Первый — что поведение процесса «в среднем» характеризует лишь устоявшиеся сложноорганизованные процессы. Второй — что в сложноорганизованных процессах их причинная обусловленность закладывается не этим «средним поведением», а теми бифуркациями (разделениями) и флуктуациями (отклонениями от среднего), которые происходят на элементарных уровнях. Третий — что отказ от анализа и учета этих элементарных бифуркаций и флуктуаций не только препятствует объективному восприятию и управлению процессом, но делает сам процесс неуправляемым, катастрофичным. Есть и четвертый феномен: развитие процессов идет скачкообразно, а само изменение хода или скорости процесса наблюдается вблизи точек бифуркации благодаря накопленной энергии флуктуаций, причем скорость процесса в этих точках зачастую стремится к бесконечности (катастрофе).

Аналогия с техникой при рассмотрении человека или сложных социальных систем, при попытке использования каких-то физических или математических зависимостей — конечно же, ограничена какими-то пределами. И. Пригожин и И. Стенгерс, говоря о границах применения подобных зависимостей для биосистем, пишут, что в популяциях, где отдельные особи различимы, где каждая особь обладает своим характером и опытом, и призвана играть свою особую роль, применимость логистического уравнения, или, более

общо, простого аналога дарвиновских идей становится весьма относительной.

Сознание. Как это не покажется странным, весь окружающий мир проявляет «сознательное» поведение, причем степень персонального развития этой «сознательности» распространяется ровно до уровня, позволяющего субъекту проявлять *собственные действия* во внешней среде. Но что такое сознание? Не слишком ли мы идеализируем и абсолютизируем истоки и суть человеческого сознания, «вырывая» его из объективной реальности и превознося его? То, что человеческое сознание отличается и имеет множество новых качеств в сравнении, например, с сознанием неандертальца, шимпанзе или воробья — безусловно. Но как быть с нерешенным основным вопросом философии — дух или природа? Либо это — очередной «научный коммунизм» с бессвязным и алогичным набором фамилий и дат партсъездов, рассматриваемый философией, психологией, социологией и др. науками в своих аспектах, либо это псевдо-идеализм. Либо сознание — это атрибут материи, ее способность отражать окружающее в специфических формах и механизмах, *имеющих свой генезис*, либо человек — не относится к категории «материя», поскольку сознанием обладает только он! И как тогда быть с материалистическим утверждением единства материи и сознания (или сознание есть только у «избранной» материи)? Либо камень — нематериален, и поэтому не обладает способностью отражать окружающее, либо он материален — и у него есть такая-то форма отражения (некая исходная «матрица» для эволюции биологического сознания?), опосредованная такими-то механизмами, иная логика невозможна!

Общепризнанной концепцией является признание наличия сознания только и исключительно у человека. Только ему свойственно сознание, как «свойство высокоорганизованной материи, как субъективный образ объективного мира, как идеальное в противоположность материальному и в единстве с ним; в более узком смысле сознание — высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку... идеальная сторона целеполагающей трудовой

деятельности. Сформировалось на основе и в процессе общественной практики» [Сов. энциклопед. словарь, с. 1250].

Таковыми же расплывчатыми являются понятия интеллект, мышление, познание, совесть... Не переплетаются ли в приведенном выше «общепризнанном» определении сознания все эти понятия? Русский биолог А.Н. Северцов особую роль отводил изменениям поведения животных и считал инстинкты и рефлексы — целесообразными наследственными факторами. Он писал, что «деятельность разумного порядка» является так же целесообразной, но не наследственной и не машинообразной [Северцов]. Наследственной является способность к «деятельности разумного порядка», но не сами действия. Для них требуется определенная выучка. Он утверждал, что благодаря развитию сознательно-разумной психики, человек может приспособляться решительно ко всяким изменениям и условиям существования. А вот осторожные выводы доктора биологических наук З.А. Зориной (МГУ) и кандидата биологических наук А.А. Смирновой (МГУ): «Способность к мысленному планированию действий, включая определение и достижение промежуточных целей, ... характерна и для орудийной деятельности антропидов, и для многих аспектов их социальных отношений, включая те, где они пользуются языками-посредниками. ... Появились достаточно убедительные доказательства того, что способность узнавать свое отражение в зеркале, а также оценивать мысленные состояния и намерения других особей, «ставить» себя на их место закладывается на «дочеловеческом» этапе эволюции» [Зорина, Смирнова, 2006, с. 49].

Но сознание это не только способность отражения и соотношения. Сознание само есть отношения «сознающего» с внешним миром. Организм не может «снять» сознание, «отключить» его: нет сознания — значит для организма наступило то самое «Ничто». Сознание — как и любое проявление жизни — не есть явление (или «вещь»). Сознание — это процесс, длящийся во времени, а потому оно не может быть «вечным и неизменным», оно имеет свой генезис, свои истоки, свои частные свойства и проявления для каждого

субъекта в конкретных обстоятельствах. Поэтому можно долго спорить об «онтологическом статусе возможных миров» [Веретенников, с. 116] или об «узком и широком ментальном содержании сознания» [Вострикова, с. 139–141] и его интенциональности. Бесспорно одно: язык, знание (сознание) и социум — неразделимые процессы, и об этом мы будем еще говорить.

«Если бы присущая жизни сила была безгранична, она, может быть, бесконечно развила бы инстинкт и сознание в одних и тех же организмах. Но все указывает на конечную величину этой силы... Отсюда — сознание и инстинкт, все более расходящиеся при развитии, но никогда не отделяющиеся вполне один от другого» [Бергсон, с.158].

Этот краткий абрис развития сознания показывает насколько далеко сознание человека ушло от сознания животных... Однако, для того, чтобы судить объективно, необходимо знать все «pro» и «contra». Экстремальные условия (возникающие в жизни сами или специально создаваемые людьми, и не только в экспериментах) являются моделями внутренних или внешних деприваций сознания, воздействующих на человека и «изнутри», и «извне». И то и другое приводит к усложнению восприятия, а иногда и к неадекватному восприятию противоречий, к «депривации восприятия». Монотонность, рассогласование ритма сна и бодрствования, изменение восприятия пространственной структуры, ограничение информации, одиночество, групповая изоляция, угроза для жизни — все это является психогенными факторами. Опыт подготовки космонавтов и подводников показывает, что «коэффициент запаса» качеств, традиционно относимых к человеческим, слишком мал. Эволюция человека, продолжавшаяся много миллионов лет, для разных случаев и условий депривации сознания дает срок в *считанные месяцы* для того, чтобы «человеческое» стало превращаться или превратилось в «животное» и «звериное» [Лебедев].

Техническое средство. Вернемся к родству технических и социальных, шире — витальных систем. Систематические

философские исследования техники, а одновременно с этим и разработка философских вопросов принятия решений в технике, начались в 1960–1970 годы. Сегодня на основе философского осмысления современной технической сферы уже можно сформулировать некоторые выводы. Сфера «технических средств» проявляется всякий раз там, где процесс развития вступает в противоречие с обстоятельствами и объективными законами Природы. В этом смысле найденные Природой в повторяющихся причинно-следственных ситуациях инстинктивно-рефлекторные механизмы, присущие живым организмам и развившиеся в процессе эволюции, являются природными техническими средствами, опосредующими их взаимодействие с внешней средой. Открытые и сформулированные человеком законы существования материального мира, закономерности познания и развития самого человека также можно отнести к «техническим средствам» человека. Именно такие законы природы могут и должны стать основополагающей частью упорядоченных ценностей и предпочтений и нормативными представлениями об идеале — специфическими индивидуальными и социальными *стандартами развития*. Эта группа технических средств, наряду с другими, позволяет человеку, обладающему знаниями о них, стать не только объектом, но и субъектом своего собственного развития. Отношение к технической сфере с обозначенных выше позиций, заставляет по-иному смотреть и на носителя этой сферы — человека. Ведь именно он — субъект и основной объект «человеческой технической сферы».

«Техническое средство» непременно является феноменом материальной действительности, обладает относительной независимостью и устойчивостью существования и одновременно *неоднократно* реализует способ достижения какой-либо цели или совокупность методов, приемов и операций. Техника — это не только конечно оформленные технические объекты или технологии, но и бесконечные отношения между человеком и этими техническими объектами, а часто — и сами эти отношения. Причем границы таких отношений обычно выходят за пределы первичного целеполагания, и

технические объекты или технические решения, средства и методы начинают жить квазисамостоятельной жизнью.

«...техника проникает даже в области психического, духовного и социального с целью внести в них изменения. ... Техника стремится господствовать над природой и сделать ее свободно доступной для осуществления человеческих целей... Техника оказывается чем-то, происходящим «в» человеке, и ее можно определить как заложенную в человеке способность изменять природу согласно своим целям» [Бек, с. 179–180].

Применение продуктов интеллектуальной деятельности человека в виде методов и способов действия расширяет понятие техники далеко за рамки только инженерной деятельности. Техника становится «особой формой действия, ... которое выбирает обходной путь, поскольку на нем цель достигается легче. Обходной же путь состоит в том, чтобы не приступать непосредственно к достижению цели, а сначала ставить между нею и собой средства» [Закссе, с. 424–425].

Остановимся на констатации факта: понятия техники и технической сферы появляется вместе с выделением человека из животного мира.

КУЛЬТУРА. Понятие культуры, развиваясь от древних греков, понималось как нечто проявляющее человеческое естество и человеческую природу в искусственно созданных человеческих сообществах; как этническая или национальная традиция; как образование и воспитание в духе принятых культурных норм и ценностей; наконец, как духовное творчество человека, выраженное в материальных результатах его труда.

«Культура представляет собой совокупность ценностей, норм, представлений и образцов поведения, опосредующих социальное взаимодействие, определяющих мышление и поведение членов той или иной группы или общности» [Матеевская, с. 55].

Все это отчасти верно. Следует, однако, взглянуть на культуру и с другого ракурса.

Культура — это, пожалуй, единственное духовное «техническое средство», возникающее еще в животных сообще-

ствах, призванное развивать и укреплять психические функции отдельных субъектов и всего сообщества в целом, и развивающееся у человека до потребности выхода за границы обыденного и известного; это — стремление к творчеству, к сотворению нового и ценного *в себе — для всех*. Культура — не механистична ни в материальных артефактах, ни в психологических и эмоциональных проявлениях. Культура — духовна, а потому постоянно нацелена за пределы нынешней обыденности. Методы, способы и объекты техники облегчают достижение гомеостаза, равновесия с внешней средой. Культура же не только развивает и укрепляет высшие психические функции, но нацеливает на большее — на новое и пока непознанное, а потому требует от человека внутренних усилий, внутреннего труда и осмысления — гетеростаза, т.е. того, что отличает человека от животного, и без чего человек никогда не станет культурным — ни в копировании новых технологий, ни в производстве новых знаний, ни в социальных отношениях. Культура — это то, что сдерживает субъективную самоорганизацию человека, и понуждает (требует!) соотносить себя с человеческим родом и его историей, подниматься над собственной обыденностью, а потому — далеко не каждый индивид воспринимается нами «культурным».

Только не следует никогда забывать, что культура — это теперь государственная задача и цель, преследующая создание условий для сохранения социальной структуры, но превратившаяся — во всех социумах — в создание категорий «классовой культуры» (часто — просто «кассовой»), дихотомически разделенной по принципу «мы»-«они» [Томпсон, Пристли].

Потребности. Что движет животным, то есть что является «техническим средством» или той «обратной связью», которая заставляет (принуждает) его осмысленно взаимодействовать с внешней средой, избегать или, напротив, желать и добиваться каких-то состояний? Е.П. Ильин, говоря о сходстве и различии в детерминации поведения человека и животных, пишет о произвольной регуляции и мотивации, в которых сознательно осуществляются анализ си-

туации, выбор цели и построение плана действия [Ильин]. Но такая причинная обусловленность поведения считается Е.П. Ильиным мотивом только тогда, когда она связана с внутренними побуждениями человека.

«Устоявшейся концепцией» стало признание за животным миром наличия физиологических потребностей, и этого почти никто сейчас не отрицает. Причем, все понимают, что желание утолить голод или жажду — это не «мотив», а жестокая, грозящая болезнью или смертью необходимость! О мотивах тут можно говорить лишь при обсуждении количества и качества еды и напитков, или об обстановке, в которой будет удовлетворяться эта потребность⁸. Но как только мы переходим к потребностям человека, то есть к потребностям более высокого уровня, чем потребности животного мира, так наш разум и внимание начинают фокусироваться на «общественно развитом человеке» и на его «целеполагающей трудовой деятельности».

Результаты естественного отбора во многом направлялись и направляются законами физического уровня, имеющими характер повторяющихся связей прямого действия. Закономерной необходимостью существования и развития живой материи является порождение в ней «технического средства», стоящего *между* организмом и внешним миром. Таким техническим средством выступают внутренние детерминанты — *потребности*. Возникновение потребностей обуславливается как внешними обстоятельствами, так и необходимостью сохранения и изменения своей внутренней структуры сообразно повторяющимся внешним факторам. Отечественная психология не обошла стороной эти проблемы. В.Н. Мясищев писал, что личность характеризуется системой отношений человека к окружающей действительности. А отношения человека представляют сознательную, основанную на опыте психологическую связь его с объектив-

⁸ Напомним, что первое принципиальное положение теории Маслоу заключается в предположении, что потребности человека организованы в иерархическую систему приоритета, и что неудовлетворение любых из этих потребностей может приводить человека к заболеваниям.

ной действительностью. Поэтому отношения и являются движущей силой личности. Касаясь проблемы движущей силы развития человека, он отмечал также нарастание и обогащение системы ее возможностей и потребностей (требований к жизни). В столкновении возможностей, предоставляемых окружающей действительностью и имеющимися у человека потребностями и его внутренними возможностями он видел процесс развития человека и источник возникновения новых потребностей. В то же время он предупреждал, что понятие мотива имеет двоякий смысл, и что неправильно смешивать мотивы и отношения или говорить о мотивах независимо от отношения и подменяя отношение мотивами [Мясищев]. Говоря о формировании личности, А.Н. Леонтьев указывал первым основанием личности — ее отношения; вторым — степень иерархизированности деятельности, их мотивов; третьим — структуру личности, представляющую собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий [Леонтьев А., Формирование личности]. При этом он подчеркивал, что эта «конфигурация» неполно описывается термином «направленность личности», потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может оставаться единственной. Рассматривая процесс становления человека, он указывал: «Реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, ... которые ... реализуются ... совокупностью его многообразных деятельностей» [Леонтьев А., Индивид и личность, с.44]. Б.Ф. Ломов указывал, что мотивационная сфера личности неразрывно связана с потребностями, детерминирующими поведение человека [Ломов].

Если абстрагироваться от терминов, многослойно обросших противоречивыми понятиями, прежде всего следует признать, что эти «пункты начала движения», неумолимо принуждающие человека к деятельности, лежат в отношениях человека (а не только «организма») и окружающего мира (а не только общества). Потребности — это не «нужда», не «желание» и не «сложные мыслительные процес-

сы — системные реакции», описываемые Е.П. Ильиным как психологические явления [Ильин].

Зоопсихолог Н. Тинберген писал, что возникновение социальных отношений в животном мире обеспечивается системой врожденных действий одной особи и врожденными реакциями на ее поведение другой, обусловленными некоторой «предварительной подготовкой». Он приводил пример, что многие птицы даже в отсутствии релизеров (пусковых стимулов) начинают сидеть в гнезде еще до откладки яиц, что объясняется созреванием у них мощного внутреннего побуждения [Тинберген, 1993, с. 111]. Он сравнивал такое поведение в животном мире с аналогичным состоянием женщин: будучи бездетными, они часто подыскивают объект, позволяющий им удовлетворить материнский инстинкт, — приемного ребенка или домашнее животное.

Наиболее объективным из всех встретившихся определенных потребности мне кажется определение, данное Д.А. Леонтьевым. «Потребность — это соответствующее одному из модусов жизнедеятельности объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности» [цитируется по: Ильин, с. 31]. Таким образом, потребность — это *вита́льный диссонанс субъекта, активизирующий в его отношениях с внешним миром, и требующий для устранения несоответствия активной деятельности субъекта*. Это не только когнитивный диссонанс [Фестингер], хотя в известной мере он протекает и в когнитивной сфере. Потребности являются отношениями генетических, биологических, психофизиологических, социальных и др. феноменов; это — процесс отношений человека с миром, интегрирующий действие внутренних и внешних детерминант, и откликающийся на них. Прекрасно сказал об этом Э. Фромм: «Дисгармония человеческого существования рождает потребности, далеко превосходящие те, в основе которых лежат инстинкты, общие всему животному миру, и сказывающиеся в непреодолимом желании восстановить единство и равновесие с природой» [Фромм, 1998, с. 67].

Возникновение, развитие и удовлетворение потребностей — это не механистические и спонтанные явления, возникающие раз от разу, когда человеку «захотелось» или «приспичило». Это — непрерывный процесс развития (или деградации): организма, его физиологии и биологии, психики и сознания, социальности. И как всякий сложный процесс самоорганизации он имеет и свою случайность, и свою необходимость, свои флуктуации и свою детерминистскую направленность. Потребности, как и всякие сложные процессы, однажды возникнув, не могут оставаться «вечными и неизменными». Они развиваются, имеют точки бифуркации в тех узловых (витальных) моментах жизни, когда количество начинает представлять в новом качестве, обыденность «вдруг» наполняется новыми смыслами, а диспаритет «равенства, свободы и счастья» в социуме достигает критической черты и требует от человека его личного вмешательства. Потребности не исчезают после их удовлетворения: они — сосуд без дна. Постоянный обмен с внешней средой требует и постоянного восстановления физических, физиологических и биологических ресурсов — это понятно и никем не отрицается. Но и все остальные потребности — в категоризации, в освоении культурных норм и ценностей, в покровительстве и защите, в групповой идентификации и т.д. — также ненасыщаемы, они развиваются вместе с развитием человека, приобретают новое наполнение и смыслы. В том числе поэтому возникают проблемы «отцов и детей», поэтому мы приобретаем и теряем друзей, но в то же время благодаря этому возможна кооперированная деятельность разных и многих. Если какому-нибудь австралийскому аборигену власть нужна для выживания (опыт «мудрейшего», сохранение группы путем распределения пищи) и он будет пользоваться ею и принимать ее даже в самых жестоких проявлениях, то власть современным выборным претендентам нужна совсем для другого, и форма ее проявления в мирное время никогда не примет изуверских видов. Человек вынужден невольно возвращаться в течение жизни ко всем своим потребностям, пересматривать свое отношение к фор-

ме и методам их удовлетворения, корить себя за упущенные шансы или, наоборот, за проявленные эгоизм и малодушие. Раз постигнув закономерности взаимоотношений на каком-то уровне взаимодействий, человек уже не в силах «забыть» эти взаимоотношения, отринуть их от себя: поэтому люди пишут мемуары, вспоминают «былое» в разговорах или передают в преданиях «былины о добрых молодцах».

Категоризация. И. Сушков, рассматривая социологию групповых взаимоотношений, только вскользь упоминает о категоризации как о процессе, свойственном человеку не только в социальных взаимодействиях. Хотя в глоссарии к книге и приведено определение категориальности знаний человека, все же ход рассуждений в ней (в соответствии с поставленной задачей) идет в русле социальных феноменов категоризации и самокатегоризации. Категоризация в дальнейшем тексте понимается шире — как процесс отнесения единичных ощущений, явлений, событий, переживаний к некоторым относительно стабильным для индивида классам явлений, знаний или символов и эталонов, включая, конечно, и социальные феномены категоризации.

Количество. Нам необходимо будет рассмотреть и вопрос количества. То есть, понять то, что численность и изолированность популяции влияет на самые разные аспекты ее жизни: физиологические, биологические, психологические, социальные.

Постоянный рост популяции и ее взаимообмен с себе подобными приводит к появлению в ней новых феноменов на всех уровнях взаимодействий: могут изменяться не только ареал обитания или пищевая база, но значительную роль начинают играть межиндивидуальные, групповые и межгрупповые отношения, оформляя и развивая социальные феномены.

Чрезвычайно интересен в связи с этим вопрос о границе «перехода количества в качество» и «точке невозврата»: с какого количества могла начаться «человеческая» история? Действительно ли «бутылочное горлышко» пропустило только 2–20 тыс. особей? Что это за особи — уже *Sapiens*, или только еще *Номо*?

ОСОБЬ, ГРУППА

Можно утверждать, базируясь на известных знаниях, что животному миру, присущи потребности физического, биологического и отчасти психологического уровней взаимодействий. Человек же, выделившись из мира животных, обладает еще и потребностями психологического, социологического и социального уровней. Вот это мы и попытаемся здесь доказать. Ретроспективное рассмотрение взаимодействий индивида с Миром на разных уровнях и в разных масштабах взаимодействий приводит нас к следующим выводам.

Физический уровень. Взаимодействие неорганических тел определяется действующими физическими законами, начальными условиями и свойствами окружающего физического пространства. Два неорганических тела вступают во взаимодействие друг с другом строго по закону сохранения количества движения, и их дальнейшее поведение может быть предсказано с достаточной точностью.

Индивид подчиняется в своей жизнедеятельности физическим законам лишь в той их части, в которой он не может влиять на них. Этот физический уровень породил и способствовал развитию физиологических и биологических процессов и систем человека: обмен энергией с окружающей средой, органы чувств (афферентация), вестибулярные и сенсорные воздействия на нервные окончания, а также механизмы обратных связей этого уровня — связей, которые предопределяют характер «приспособительной» жизнедеятельности человека, его стремления к гомеостазу.

Биологические тенденции развития живой материи начинают вступать в противоречие с законами природы физического уровня, характеризующимися повторяемостью и жесткими рамками необходимого и достаточного. Требуется выработка качественно новых механизмов индивидуальной жизнедеятельности — внешних, внутренних или тех и других, и качественно новых форм взаимодействий с окружающим миром. В живой материи возникают внутренние де-

терминанты — потребности. Возникновение и характер их проявления обуславливается как внешними условиями, так и необходимостью сохранения своей внутренней структуры сообразно повторяющимся внешним факторам. Такими потребностями физического уровня являются *потребности в поступлении энергии извне (в пище, утолении жажды), сенсорной стимуляции, физической активности и отдыхе от усталости, потребность в сне, сексе, защите от экстремальных условий среды и т.п.*

Пожалуй, излишне доказывать наличие физиологических потребностей у всех представителей животного мира. Они свойственны как отдельным его видам, так и их «колониам», кооперативно удовлетворяющим эти потребности, и всему живому в целом.

Биологический уровень. Следующие две группы потребностей, начинаясь еще на физическом уровне, выводят «живое» на новый уровень взаимодействий. На биологическом уровне активность живой материи определяет уже не только внешняя среда, но и ее собственная внутренняя структурная энергия. Потребности освоения нового пространства бытия закономерно требуют механизма саморегулирования в приспособлении живого организма к окружающим обстоятельствам. Прямые действия физического уровня и обратные связи биологического уровня приводят к появлению у живого организма внутренних первосигнальных структур нервной системы. Эти связи позволяют осуществлять отражение внешнего мира и помогают живому организму в физическом приспособлении к окружающему миру, в поиске наилучших внешних условий для сохранения и развития внутренней структуры.

Возникающие противоречия биологического уровня, различные формы взаимосвязей между отдельными индивидами, вынуждают их избирать целеполагающие действия, согласующие индивидуальные поведения с таким же поведением окружающих других и окружающего Мира. Биоценоз тем и характерен, что он немислим в индивидуальном масштабе или в единственном числе. Задаваясь вопросом —

что лежит в основе способности к групповому поведению животных — нобелевский лауреат Н. Тинберген отвечал: врожденные способности к подаче сигналов и к правильно-му реагированию на них, совершенствующиеся в результате обучения [Тинберген, 1978, с.156]. Причем, он подчеркивал, что способность к обучению не является уникальной особенностью человека, а очень развита у многих видов животных [Тинберген, 1978, с.176]. Однако для возможности взаимного обмена такими сигналами должны быть некие технические средства, которые, во-первых, позволяют их неоднократное использование, а во-вторых, обеспечивают аксиологическую сторону такого обмена. Такими техническими средствами согласования общего поведения и общих целей становятся новые когнитивные процессы осознания себя, других, внешних проявлений окружающего Мира. Эти «кооперирующие» *потребности в категоризации и самокатегоризации* позволяют индивидам сориентироваться во внешней физической среде, согласовывать свои индивидуальные действия и вступать в отношения с другими, выживать в Море.

Высокоорганизованные животные в действительности пользуются процессами категоризации, которые возникают не из нужды простого существования, но, вероятно, обусловлены и собственной генетикой, и кооперацией жизнедеятельности. И птенец, и детеныш обезьяны, и новорожденный *Sapiens*, будучи накормлены до отвала, не смогут развиваться дальше, не пройдя прежде некоторой врожденной школы копирования и подражания. Подражание, копирование поведения старших сородичей, создание некоторых мысленных, но устойчивых моделей — в поведении, ощущениях, образах окружающего или «своей территории» — это элементы процесса категоризации. Затем, в дальнейшем развитии индивида, возникают и категории «я-не я», «они», «мы» — это уже зачатки групповой категоризации.

«Поведенческие традиции» и когнитивные возможности у животных могут быть обусловлены как генетической предрасположенностью, так и социальным обучением [Рез-

никова, Пантелеева, с.33] — о чем говорит и Тинберген [Тинберген, 1978, с. 156]. Анализ многолетних наблюдений за различными популяциями шимпанзе показывает наличие у них внутренних (образных) представлений, играющих значительную роль в их когнитивной деятельности, т.е. об их способности мысленно представлять себе (заранее проигрывая в уме) осуществляемые действия и операции [Зорина, Смирнова, 2006, с. 299]. Недаром, говоря о проявлении коллективных действий, палеонтологи и антропологи говорят о «культуре»: одновременно с категоризацией и самокатегоризацией в групповом плане отбирались и категории «правильного», «неправильного», «допустимого», «излишнего» или «достаточного», индивид и группы индивидов отбирали и категории аксиологического плана. Они могли начинаться как брачные или «боевые» ритуалы животного мира, становящиеся в процессе развития коммуникации «автономными мотивациями поведения» [Лоренц, 2001, с. 106]. Любые действия, являющиеся источником информации для других животных, могут стать ритуализованными, а важным началом в развитии ритуализированных демонстраций могли быть движения намерения [Мак-Фарленд, с. 357–359].

Современные исследования человекообразных обезьян показывают, что они — существа, наделенные своими потребностями, способностями учиться, общаться и вступать в полноценное двустороннее *общение* с людьми [Зорина, Смирнова, 2006, с. 146]. Биологи и этологи с осторожностью говорят об обнаружении у шимпанзе, живущих на воле, существования культурных традиций, усваиваемых с детства благодаря подражанию старшим и направленному обучению малышей взрослыми [Зорина, Смирнова, 2006, с. 69–70], и что такие особенности поведения доступны только антропоидам.

Можно утверждать, что практически одновременно с потребностями в категоризации и самокатегоризации возникают и удовлетворяются очередные «групповые» потребности — *отбор и освоение коллективных норм и ценностей*. Безусловно, речь пока не может идти о психологическом

или духовном и эстетическом восприятии культуры, но это уже пред-культура — категории, зовущие и толкающие индивида за пределы привычного гомеостаза.

Р. Хайнд отмечает, что у млекопитающих реакции на «неприятный» раздражитель (боль, температура и т.д.) появляются уже в момент рождения, а боязнь новых зрительных раздражителей появляется у обезьян — на 3-ей неделе, у детей — в возрасте полугода, но стимулы, исходящие от матери, ослабляют реакцию страха [Хайнд, с. 564]. Он приводит результаты эксперимента: макаки-резусы, выращенные до 6-месячного возраста или года в умеренно обедненной (депривированной) среде после освобождения испытывали сильнейший испуг и у них наблюдались глубокие нарушения поведения, а нормальное общественное поведение у них так и не развилось [Хайнд, с. 565]. При этом он отмечает, что тривиальные аспекты опыта в раннем возрасте могут оказать глубокое влияние на последующее поведение, а осуществляется это влияние не путем обучения, а с помощью совершенно иных механизмов: болезненная стимуляция крысят в детском возрасте приводит к снижению «эмоциональности» у взрослых животных. Разлука с матерью детеныша-резуса на несколько дней угнетающе действует на него, а при возвращении к матери детеныш усиленно льнет к ней [Хайнд, с. 567]. Внезапное изменение заботы и внимания матери, вызванное, например, временной разлукой, может привести к частично или полностью необратимым изменениям нормального процесса развития [Хайнд, с. 699]. Если потребности в категоризации и освоении культурных норм опосредованы поведенческими механизмами подражания, копирования, научения, драки и пр., то в приведенных выше примерах речь идет о потребностях, возникающих и удовлетворяющихся через индивидуальные психо-эмоциональные механизмы — *потребностях в стабильности, порядке, защите, зависимости и покровительстве*.

Если возвратиться к интересующему нас объекту — индивидууму по имени «пра-Ното», то разные источники

и разные авторы датируют первые материальные свидетельства проявления им коллективных действий совершенно по-разному: от «аномальных свидетельств» в 2800 млн. лет назад (Оттосдалин, Южная Африка — металлический шар с параллельными круговыми насечками) и >600млн. лет назад (Дорчестер, Северная Америка — металлическая ваза) [Кремо, Томпсон]⁹ до «общепринятых», но постепенно постоянно «уходящих в глубь веков» 2–1,5 млн. лет назад [Равдоникас; Дьяконов, 1983; Алексеев, Першиц; Хрисанфова, Перевозчиков] и мн. др. К «аномальным свидетельствам» мы, пожалуй, еще вернемся, а пока будем придерживаться общепринятой хронологии.

Психологический уровень. И снова следует подчеркнуть, что следующая группа потребностей, начинаясь еще на биологическом уровне, выводит отношения живого на новый уровень взаимодействий. Итак, первое материальное свидетельство проявления гоминидами коллективных действий в виде каменных орудий отмечается на рубеже от 2,5 [Ламберт, с. 98] до 1,8–1,5 млн. лет назад (олдувайская культура) [Назаретян, 2004; Зубов; Дробышевский, 2004, с. 14–19]. Любые специально изготовленные для неоднократного применения орудия уже являются техническими средствами, элементами развивающейся культуры. Не только наш опыт, но вся человеческая история свидетельствует: широкомасштабная смена культуры или технологий диктуется не желанием отдельных творческих «выскочек», а группо-

⁹ Эта книга, авторы которой используют массу журнальных и газетных (прошлых веков), а также научных источников, не может быть названа скандальной и коммерческой: она дает массу фактов для дальнейших размышлений читателя. Вот только два отзыва на нее:

«Эту книгу можно назвать подвигом исследователей, при этом читается она, как детективный роман. ...Жертвой преступления, совершаемого множеством ученых, становится сам Человек. Книга приводит многочисленные доказательства с позиций обвинения, приглашая читателя вершить суд самому». Д-р Микаэль Ротштейн, газета «Политикен», Дания.

«Необыкновенно полный обзор свидетельств относительно происхождения человечества, включая те, которые постоянно игнорируются лишь потому, что не вписываются в господствующую доктрину». Д-р Филип Джонсон, автор книги «Суд над Дарвином», Калифорнийский университет в Беркли.

вой жизненной необходимостью в обеспечении потребностей индивидов (увеличение их числа, изменение условий жизни или внешней среды обитания и пр.).

От 2,5 до 1,8 млн. л. н., особенно около 2 млн.л.н. в Южной и в Восточной Африке произошло значительное увеличение территорий степных ландшафтов и соответственное уменьшение — лесных [Дробышевский, 2002, с. 16]. Палеоклиматология отмечает: в течение кайнозоя (ок. 65–60 млн. лет) палеоклиматические события подвели климатическую систему Земли к критическому порогу, в результате которого постепенное и постоянное снижение средней температуры у ее поверхности сменилось (около 2–3 млн. лет назад) практически периодическими ее колебаниями при критической пороговой средней температуре около 15°C. В отличие от классической схемы четырех ледниковых периодов реконструкция климата прошлого рядом гляциологов и климатологов на 3 млн. лет назад показывает, что за этот период было не менее 18 полных ледниковых циклов (т.е. в среднем — одно на 166 тыс. лет), а данные за последний миллион лет подтверждаются морскими отложениями. Покровные ледники в максимальном развитии занимали не менее 30% суши, а средняя глобальная температура по наименьшей оценке снижалась в сравнении с современной температурой не менее чем на 6–10°C [Лосев, с. 89–91]. При этом весьма вероятен факт сосуществования разных морфологических вариантов «ранних Номо» в одних местах в одно время: *Homo habilis* и *Homo rudolfensis* в период до 1,6 млн.л. и *Homo habilis* и *Homo Ergaster* — после этого времени; в промежутке 1,8–1,6 млн. л.н. в Восточной Африке, возможно, обитали сразу четыре вида гоминид: *Paranthropus boisei*, *Homo habilis*, *Homo rudolfensis* и *Homo Ergaster* [Дробышевский, 2002, с. 130]. Приспособительное поведение вида является вопросом эволюционного выживания. Когда сформировавшиеся или зарождающиеся виды занимают одну и ту же территориальную нишу их продолжительное сосуществование зависит от сохранения определенного уровня межвидовой изоляции и уменьшения конкуренции за жиз-

ненно важные биологические факторы, то есть: выбор полового партнера, пища, места обитания имеют решающее значение [Хайнд, с. 729].

Эти три фактора — глобальное изменение ландшафта, климатические колебания и одновременность территориального сосуществования — порознь вряд ли могут служить неким «спусковым механизмом», но в своем сочетании уже не могут рассматриваться как индифферентные сохранению и развитию видов¹⁰. Тот факт, что остатки галечной, а затем — в концентрически расширяющемся пространстве — ашельской культуры находят повсеместно в Африке, в Океании и в Евразии [Бурлак; Зубов, с. 153], свидетельствует о расселении и практически независимом развитии «ранних Номо». Мы сейчас не говорим о моноцентристской или полицентристской теориях развития человека. Но то, что, находясь на сходных уровнях развития, «ранние Номо» относительно одновременно и повсеместно, на не контактирующих между собой территориях, развивались в одном направлении, не может быть не замеченным. Вероятно, весь комплекс этих климатических, пищевых, территориальных, видовой конкуренции и пр. факторов послужил причиной и спусковым механизмом к возникновению и развитию у «ранних Номо» зачатков следующих потребностей — *потребностей в групповой идентификации, постижении группового сознания и социализации* — уже над-животных и прото-человеческих. Отметим: «ранние Номо» уже вступили одной ногой на психологический уровень взаимодействий с Миром.

¹⁰ Наталкивающая на размышления публикация с сайта CyberSecurity.ru от 01.11.2008 под названием «Инновации были главной причиной расселения людей в древности» гласит: «...с каждым новым техническим открытием: добычей огня, обработкой камня и прочее, люди расселялись на все более обширные территории. ... Мы обнаруживали взрывы миграции во время периода технологических инноваций, поэтому можно утверждать, что технологии играли немаловажную роль в глобальном расселении людей», — полагает Зиновия Джейкоб, исследователь из Университета Волонга в Австралии. В результатах исследования сообщается, что палеонтологи не смогли найти зависимости между миграцией и климатом на планете. «Сейчас можно говорить лишь о том, что климат оказал незначительные и локальные влияния на людей», — говорит она.

С одной стороны, такая «коллективная деятельность» в изготовлении орудий для их коллективного же применения требует, прежде всего, коллективного *соучастия*: «оружейники» должны отвлечься от ежеминутного обеспечения индивидуальной безопасности и пищевой зависимости; они должны, кроме того, понимать форму, назначение «орудия» и технологию его применения, и иметь определенную сосредоточенность на процессе его изготовления. Сам факт применения изготовленного орудия, увеличивая производительность деятельности «оружейника-охотника», привлекает к ее результатам большее количество индивидов, чем раньше. Их же сородичи для обеспечения безопасности и питания «оружейников» уже должны «понимать», что они работают на группу, на удовлетворение групповых потребностей. С другой стороны, это понимание не может возникнуть без очередного технического средства — коммуникативной системы (ритуальной, знаковой или другой — не важно), отслеживающей и пресекающей попытки нарушения поведения или норм внутри группы, и попытки нарушения границ существования группы со стороны «других». Такая коммуникативная система, в отличие от индивидуальной категоризации и самокатегоризации, уже начинает нести элементы групповой идентификации, элементы коллективного сознания, а значит — восприятия и различения себя и других, доверия к «своим», настороженности и даже враждебности к «чужим», т.е. не инстинктивно-рефлекторного, но уже психического восприятия окружающего. У социальных животных развиты когнитивные адаптации, направленные на решение жизненно важных задач: «...шимпанзе обладают способностью узнавать и помнить не только членов сообщества, но и родственные связи между ними» [Резникова, 2011, с. 283], а многообразная взаимопомощь «выражается в заступничестве, в совместном выступлении против отдельного животного (включая вожака), в защите и поддержке [Тих, с. 289].

Безусловно, такая «коммунистическая сознательность» создается не на пустом месте. Структура сообщества и под-

держание иерархии в нем обеспечивается, прежде всего, благодаря феноменам доминирования и подчинения. Помимо относительно устойчивых группировок могут образовываться и временные коалиции для достижения «сиюминутной выгоды» или повышения своего ранга. Существует много примеров, когда в сообществе приматов складывается не столько иерархия особей, сколько иерархия группировок [Зорина, Полетаева, Резникова]. Проявление поведенческой специализации основывается на предпочтениях определенных стимулов, различиях в скорости реакции или передвижения, уровне агрессивности и множестве других психофизиологических характеристик, носящих, главным образом, врожденный характер. В социально организованных сообществах разграничение функций может быть основано на различиях в способностях к решению задач, требующих вовлечения определенных интеллектуальных ресурсов, т.е. на когнитивной специализации, причем новаторское поведение индивидуума необязательно связано с высоким иерархическим рангом в сообществе. Животные в социальных группировках достигают высших ступеней иерархии различными путями, и у высокоразвитых видов «путь наверх» прокладывается нередко с помощью интеллекта [Резникова, 2011, с. 307–310]. Иерархия в социально организованных группах часто образуется и в результате драк. Причем, драки ведутся не только за самку или территорию, но и за корм, удобное место, близость к доминантным особям. Итогом драк становится установление иерархии и снижение количества стычек благодаря научению и приобретению «социального» опыта: кого следует избегать, кто сильнее, кого можно не опасаться. В результате устанавливается «порядок клевания» [Тинберген, 1978]. Внутригрупповая иерархия несет абсолютно необходимую функцию. Брачные сражения и пространственное разреживание популяций, закрепление за группой территорий, необходимых для воспроизводства, и снижение агрессивности группы доминантными особями, наконец, репродуктивная изоляция, ограничение драк представителей одного вида — все это

становится необходимым для эволюционного выживания животного вида. В пра-человеческих группах и сообществах эти потребности эволюционируют в потребности *власти и распределения ресурсов*, на основе удовлетворения которых становится возможной дифференциация деятельности индивидов и групп, и интеграция их взаимодействий.

Групповая деятельность, самоотождествление группы в пространстве и времени, стремление к безопасности группы и ее выживанию, к совместному овладению новыми пространствами бытия приводят к возникновению новых индивидуально-групповых закономерных потребностей, полностью проявляющихся именно на этом — психологическом уровне. Это *потребности во взаимной привязанности, во взаимном приятии, в принадлежности к другому, в наличии партнера, в принадлежности к семье, роду, группе, потребности в преодолении одиночества, недружелюбия*. Н.А. Тих отмечает, что, например, у обезьян: «Процесс обыскивания направлен на удовлетворение двух потребностей: потребности в ориентировочно-исследовательской деятельности и потребности в общении, как активной..., так и пассивной...» и что он возникает без опыта и подражания, и формируется главным образом в онтогенетическом развитии. Взаимопомощь и сотрудничество, заступничество, помощь в преодолении препятствий — все эти факты говорят о том, что «судьба отдельного индивида становится не безразлична для остальных членов сообщества» [Тих, с. 288–290]. У человека эти потребности перерастают в необходимость во взаиморазделяемой психологической заботе о существовании ближнего, о существовании рода, о принадлежности к единству многих, в любви к ним и от них. Потребности психологического уровня взаимодействий носят уже не чисто индивидуальный характер, человек может удовлетворить их только в группе. Они осознаются человеком в процессе активной деятельности в группах.

И опять очередной виток спирали развития «социальных животных», пройдя через групповое и социальное, замыкается в сфере индивидуального.

ПЕРВОЕ НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Может возникнуть вопрос о правомерности наших частых ссылок на биологические, этологические, приматологические исследования. Вот два ответа.

Во-первых, время возникновения органического вещества на Земле ученым неизвестно, но оно исчисляется миллиардами лет. Виды органической жизни на Земле конвергентны — и против этого возражений не слышно. Человек и шимпанзе имеют от 95% до 99% гомологичных генных локусов, в 44 белках различия по аминокислотному составу у них не превышают 1%; у шимпанзе имеются области полей коры головного мозга, гомологичные человеческим; есть гомологи полей, отвечающих за тонкое манипулирование, *восприятие и развитие речи*¹¹ [Зубов, с. 84–85]. Когда американского приматолога Т. Джилла спросили о возможности превращения обезьяны в человека путем овладения речью, он ответил: «Возможность есть. И от этой мысли можно с ума сойти» [цитируется по: Зубов, с. 90].

Во-вторых, выстроенная нами последовательность возникновения и удовлетворения потребностей в филогенезе, очевидно — такая. Онтогенез может «смешивать» эти потребности, они могут накладываться одна на другую. Категоризация может протекать одновременно с постижением норм и культуры, а «процесс научения» может вынудить девиантную особь вначале ознакомиться с властно-распределительными потребностями, а только потом — с нормами и ценностями в «обучающей» группе. Однако, безусловно другое: каждая группа потребностей в филогенезе возникает на своем уровне и в своем масштабе взаимодействий вида с Миром, каждая из них — не надумана, не является «желанием» или «приписываемыми хотениями» особей. Все они — *необходимы и достаточны* для дальнейшего индивидуального витального развития и эволюционирования вида в целом.

В-третьих, мы рассмотрели 7/15 имеющихся на сегодня потребностей, и пока еще не обнаружили в них ни одной «чисто человеческой». Так или иначе, но все рассмотренные выше потребности присущи и теперь многим видам животного мира: они возникают

¹¹ Читая указанные источники и сравнивая поведение наблюдаемых исследователями гоминид с поведением некоторых своих соплеменников понимаешь, что человек не слишком далеко ушел от «ранних Номо» в своем «развитии»: всего-то на 1% за каждые 400 тыс. лет!

и эволюционируют в течение многих миллионов лет в животном мире, включая «ранних Номо», и все они присущи гоминидам.

В-четвертых, самых умных обезьян — шимпанзе — немало, но ни один ученый пока не наблюдал как они превращаются в человека. Почему обезьяна не становится человеком?

Первый ответ на поставленный четвертый вопрос мы уже озвучивали — это межвидовая конкуренция: не могут два сходных вида занимать одну и ту же эволюционную нишу. Для шимпанзе тут вопрос решен: они так и останутся высшими приматами, либо смогут занять человеческую эволюционную нишу в случае апокалиптического поведения самого человека, если доживут до этого сами. Второй ответ на «детский вопрос»: численность популяций высших приматов уже (или пока? — пока есть человек) недостаточна для второго антропогенеза. Площадь Африки составляет примерно 30 000 000 кв. км. Если принять площадь ареалов обитания «ранних Номо» в Африке равным 1/30 ее общей площади (что явно меньше фактического ареала в начале антропогенеза), то плотность заселенности «ранних Номо» составит 0,1 Номо/кв.км. Для сравнения: плотность населения сегодняшней российской Восточной Сибири — 2 чел/кв.км, где перемещаясь вдоль меридиана можно сутками не встретить человека. Вот сообщение с сайта redbook.ru/article829.html: «Почти треть обезьян, обитающих сегодня на Земле, находится под угрозой вымирания, такие сведения были обнародованы на Международном конгрессе приматологов (International Primatological Society, IPS), проходящем на китайском курорте Хайнань (Hainan). ...Самой большой опасности подвергаются 25 видов человекообразных обезьян. По словам зоологов, если собрать вместе всех особей этих видов, обитающих в естественных условиях, то они едва смогут заполнить один-единственный футбольный стадион (26.10.2007)». Самый большой стадион в мире — стадион Первого Мая (Северная Корея, Пхеньян) вмещает 150 тыс. зрителей.

С.П. Капица в ряде публикаций, посвященных модели роста населения Земли с доисторических времен [Капица, 1999; Капица, 2000; Капица, 2004 и др.] приводит рассуждения, по своей логике и идеологии сходные с взглядами И. Пригожина на процессы в открытых сложноорганизованных системах. Рассматривая весь мир как взаимосвязанный и взаимозависимый, и отбрасывая второстепенные факторы, он приводит математические зависимости численности населения Земли на том или ином этапе развития

человека. Безусловно, для наших «палеодемографических» рассуждений они могут показаться на первый взгляд «средней температурой по больнице», однако из них можно понять — это больница или ветлечебница. Предваряя наши сомнения, С.П. Капица пишет: «...в какой мере такой подход справедлив в анализе прошлого? ... И в далеком прошлом, когда людей было мало и мир в значительной степени был разделен, человеческие популяции взаимодействовали. Время взаимодействия и темпы роста можно оценить и показать, что системный подход и в этом случае применим» [Капица, 2000, с. 87]. Вот цифры, приведенные в статье Капицы: отделение гоминид от гоминоидов он относит ко времени 4,5 млн. лет назад, начало антропогенеза — около 1,6 млн. л.н., исходное количество «ранних Номо» — 100 000, приводится соответствующая этапность и периодизация их развития [Капица, 2000, с.100, табл.3]. Там же приведены коэффициенты, используемые им в уравнениях, и характеризующие человеческую демографию в течение всего антропогенеза: $\tau = 45$ и $K = 62000$.

$\tau = 45$ годам отражает некоторую среднюю характеристику времени активной жизни человека. «Несмотря на то, что оно получено путем статистической обработки демографических данных..., оно выступает характеристикой глобального демографического процесса, а не привнесено из опыта жизни» [Капица, 2000, с. 93]. Можно предположить, что это «время жизни человека» в доисторический период было несколько меньше современного. Расчеты, выполненные Д.В. Богатенковым, дают среднюю продолжительность жизни палеоантропов примерно равной 34 годам [Дробышевский, 2006, с. 22–23].

Параметр K определяет: масштаб численности группы людей, охваченных коллективным взаимодействием; ряд явлений, в которых проявляются кооперативные свойства человека; в популяционной генетике он аналогичен численности устойчиво живущего вида. «Смысл параметра K , фиксирующего скорость роста, заключается в том, что он определяет эффективную численность популяции, участвующей в развитии системы» [Капица, 2000, с.92]. Нужно сказать, что проведенные С.П. Капицей расчеты вполне удовлетворительно совпадают с оценками других ученых и исследователей, а также с оценками ООН [Капица, 2000, с. 100]. Можно спорить о дате «начала» — на 200 тыс.л.н. раньше или позже; об исходном количестве — 10 или 200 тысяч, но антропогенез начался...

Хабилисы, эректусы, рудольфенсисы, эргастеры, гейдельбергцы и неандертальцы, иногда даже вместе и одновременно, бродили по Африке с востока на юг и на запад, и обратно в течение почти миллиона лет, кто-то из них забредал из Африки в Европу и на территорию современных Зауралья (по последним данным — почти 1 млн. л.н. [Nature, 24 March 2010]), Израиля и Китая. Палеоантропологи отмечают постепенные морфологические изменения, приближающие их к виду современного человека, но чем, кроме морфологии, они отличаются от современных шимпанзе? Безусловно, энцефализация, рост объема и массы головного мозга, усложнение его структур. Безусловно, локомоция, безусловно, следы материальной культуры — кварцевые отщепы, чопперы и рубила, огонь. Безусловно, они несли тяжкую ношу генетического накопления факторов естественного отбора своего животного вида, но где тот рубеж, разделяющий просто Номо (с любыми другими приставками) от *Homo Sapiens* и *Homo Sapiens Sapiens*? Можем ли мы назвать их людьми хотя бы в зачаточном состоянии? Кем были они? Если прародина человека — Африка, и он — человек — появился из Африки ок. 200 тыс. л.н., то кто все остальные Номо, бродившие от Красного моря и Гибралтара до Австралии и Огненной Земли почти полтора миллиона лет? Описывая шимпанзе — умных, в высшей степени общественных животных, живущих стадами, и иногда изготавливающих простые орудия, Д. Ламберт пишет: «Если добавить к этому хождение на двух ногах и зависимость от применения орудий, то мы можем представить себе образ жизни тех доисторических существ, которые перешли черту, отделявшую нашего предка обезьяну от раннего человека [Ламберт, с. 94–95].

Почему наиболее древние датировки гоминид *Homo habilis* в Африке и Азии практически совпадают [Зубов, с. 162], *Homo erectus* с Явы (Индонезия) имеет датировку от 1,9 до 0,8 млн. л.н. [Зубов, с. 171–178], а представители того же вида из африканского Олдуая — от 1,3 до 0,49 млн. л.н. [Зубов, с. 165]? Переходный тип от хабилисов и эректусов к неандертальцам — *Homo heidelbergensis* — жил в Западной Европе с 400 до 140–126 тыс. л.н. [Зубов, с. 201–216], в Африке от 400–300 до 125 тыс. л.н. [Зубов, с. 222–224], в Западной Азии от 300–250 тыс. л.н. [Зубов, с. 228], в Индии и Китае — 300–210 тыс. л.н. при сходной «орудийной» культуре и способности к охоте на крупных зверей [Зубов, с. 230–233]. Почему вид *Homo neanderthalensis* антропологи вынуж-

дены делить на «классических» (западноевропейских) и «атипичных» (или древних), которые «...вопреки ожиданию ...далеко не по всем признакам примитивнее поздних, но, наоборот, сближаются кое-в-чем с сапиентным комплексом, что порождает особого рода «мозаику» древних и «прогрессивных» черт, отклоняющуюся от «классического» неандертальского облика» [Зубов, с. 280]? Почему неандертальцы, распространившиеся в Европе, Западной и Центральной Азии 130–30 тыс. л.н. [Вишняцкий, 2005] и имевшие объем головного мозга больше, чем у современного человека, вымерли 20–5 тыс. л.н., а современная наука считает их не нашими прямыми предками, а лишь, возможно, «двоюродными кузенами»? Двухмиллионнолетний, постепенный процесс расселения эректусов и эргастеров из Африки распался на два основных потока — в Европу и в Азию, которые разделены горами и морями. К 1,6–1,7 млн. л.н. — Грузия и Азербайджан, а к 1–0,8 млн. л.н. Южная Сибирь, Аравийский полуостров, Восточная и Юго-Восточная Азия уже заселены пра-человеком [Деревянко]. Вторая волна ашельской и позднеашельской культуры вместе с ее «носителями» из Африки «выбежала» на Европу и Азию (вплоть до Индии) начиная с 450–350 тыс. л.н., но все они — по мнению науки — «двоюродные кузены». Неужели за более чем 1,5 млн. лет эти «кузены» не развивались, не осваивали новые пространства и не влияли на осваиваемую природу и окружающих, получая бесценный филогенетический опыт и откладывая его в собственном генофонде? Я верю науке генетике, но ни один генетик не смог пока сравнить генофонд кроманьонцев с генофондом неандертальцев в плане их возможного дальнейшего параллельного эволюционирования. Яснее: если бы по каким-либо причинам исчезли кроманьонцы, смогли бы неандертальцы заменить их на пути эволюции Номо? В конечном итоге все заданные нами вопросы должны решать палеонауки, у которых на сегодняшний день явно маловато фактов для окончательных выводов.

Если еще в 2003 году неандерталец приходился нам «эволюционным дядей» [Животовский, Хуснутдинова], то современные археологи говорят уже, что человек разумный современного типа не просто расселился из Африки по земному шару. Он сформировался на гораздо более обширной территории, на фоне древних популяций человека, уже обитавших в разных географических районах планеты, а в отношениях с неандертальцами следует говорить не о замещении, а о смешении культур [Деревянко], [Клё-

сов, Тюняев]. Наконец, существует щекочущая российское самолюбие гипотеза о том, что современный европеоид возник 50–40 тыс. л.н. в пределах Русской равнины, а начиная с 35 тыс.л.н. стал распространяться от ее центра в южном и западном направлении [Тюняев].

Африка, вероятнее всего — прародина человека. Но антропосфера — относительно обособленные группы и сообщества «древних Номо» — начала появляться повсеместно уже давно: начиная с 2 млн. л.н. они начали расселяться по Земле. Сходные культуры, о которых свидетельствуют материальные артефакты, обнаруживаемые археологами и антропологами, сходные ландшафты обитания свидетельствуют об относительно независимом, но однонаправленном — синстадиальном — развитии этих обособленных пра-человеческих групп. Вряд ли можно подвергать сомнению тот факт, что возникающие и удовлетворяющиеся в животном мире потребности присущи и этим «ранним Номо», выделившимся из того же животного мира. И в этом смысле их развитие протекало одновременно и независимо, одинаково и в Африке, и в Азии, и в Австралии и Океании. Можно ли это назвать моноцентризмом в развитии современного человека? Скорее, логичнее говорить о шарденовском “космическом распространении” сознания, продлевающимся “в пространстве и времени беспредельно”. Логичнее рассматривать «многовариантность» развития рода Номо, дублирование его эволюции в земной антропосфере. «Правильнее рассматривать неандертальцев не как тупиковую ветвь эволюции, а как «дублеров» *Homo sapiens*, то есть как своего рода резервный вариант человечества» [Вишняцкий, 2005, с. 151]. Оценивая ход развития земной антропосферы и возможность ее «апокалипсиса» в то доисторическое время, можно забыть о «бутылочном горлышке» в 2–20 тыс. особей, и даже о «единой пра-матери Еве»: на *Homo sapiens* развитие рода Номо, вероятно, не остановилось бы. Более того, факты скрещивания или метисации неандертальцев и кроманьонцев установлены палеогенетикой [Клёсов, Тюняев, с. 110; Дробышевский, 2006], о чем будет сказано ниже. Российский археолог А.П. Деревянко, поддерживая мнение «многих современных антропологов и археологов», говорит о мультирегиональном характере эволюции человека [Деревянко]. Уверенность эта базируется на находках многослойных поселений со следами перехода культур от древнего человека до человека современного типа. Это — Горный Алтай (последовательная смена ископаемых

орудийных комплексов от 60 до 30 тыс. л.н. — становление культуры *Homo sapiens sapiens*) и пещера Оби-Рахмат в Узбекистане (изменения индустриальной культуры за период от 90 до 30 тыс. л.н.), где в горизонте возраста 54–56 тысяч лет были найдены остатки черепной крышки человека, а в «дикой» Сибири (Денисова пещера) найдены костяные иголки возрастом 40 тысяч лет — древнее найденных в Европе на 10 тысяч лет. Несомненный африканский «корень» обладает афро-евразийскими «вершками» [Деревянко].

Итак, человек современного морфологического типа возник на рубеже 60–30 тыс.л.н., однако только морфология человека еще ничего не говорит о его психике, привычках, быте, потребностях. Если относиться к отдельной особи любого животного вида как к некоему «черному ящику» и попытаться проанализировать входящие и выходящие информационно-энергетические потоки, то сторонний наблюдатель может отметить ряд интересных вещей.

Например, для современного человека на работу внутренних органов (мозг, кровеносная система, желудочно-кишечный тракт и пр.) в состоянии покоя требуется около 1800 ккал энергии, а с учетом необходимости спокойной деятельности — все 2500 ккал в сутки. Это — энергия, затрачиваемая на обеспечение простого существования отдельного индивида. Но индивид — представитель животного вида, существование которого (вида) индивид должен поддерживать, а в идеальном случае — обеспечивать его развитие. На продолжение рода, воспитание потомства и необходимое уклонение от неблагоприятных условий внешней среды индивид затрачивает еще примерно столько же — 2500 ккал в сутки. Итого, отдавая во внешнюю среду 2500 ккал в сутки в виде тепловых и энергетических потерь, индивид каким-то образом получает из внешней среды 5000 ккал в сутки при простом воспроизводстве условий существования себя и собственного рода. Если теперь попытаться определить коэффициент полезного действия нашего «черного ящика»-индивида, то он окажется равным 200% (что противоречит всем законам сохранения!). Поэтому назовем этот КПД условным — УКПД. За счет чего это обеспечивается? За счет той структурной внутренней энергии, о возникновении которой мы упоминали, говоря о биологическом уровне развития, и за счет увеличения эффективности использования внешней энергии: либо путем изменения внутренних структур организма, либо потреблением более энергоемких веществ и энергии, либо тем и

другим при одновременном уменьшении расходуемой энергии. УКПД — конечно же, условен, поскольку отдельный организм не вечен, он стареет и исчезает, а значит и действительный КПД можно определить для него только в момент его смерти. Подобное рассуждение в несколько иной форме можно найти в [Кузнецов, Кузнецов, Большаков].

Чем отличается *Homo sapiens sapiens* от любого вида «социальных животных», включая своего предшественника — *Homo sapiens neanderthalensis*? Во-первых, это беспрецедентный УКПД, базирующийся на *производящей* функции, и исчисляющийся *тысячами* процентов! Следствием этого для отдельного индивида является увеличение его личного времени, «свободного от поисков пищи». Во-вторых, это беспрецедентные способы и объемы обмена информацией и наличие «второй сигнальной системы» (по И.П. Павлову). В-третьих, это ведущая роль социально-культурной эволюции, не подчиняющейся уже напрямую дарвиновской биологической эволюции, а во многом — и «заглушающей» ее (достаточно вспомнить генную инженерию). Впору говорить о беспрецедентных механизмах культурного наследования, лежащих на биологическом и генетическом фундаментах, но ставших (по аналогии с И.П. Павловым) «второй наследственной системой». Это — основные, «стратегические» отличия современного человека от остального мира животных, и если мы попытаемся сделать их ретроспективный анализ, вероятно, найдем что-то для нас неизвестное.

В процессе эволюции развиваются те виды, которые увеличивают свой УКПД за счет:

- изменения внутренней структуры (энцефализация, т.е. усложнение и специализация мозга, а затем и приобретение новых нейро-физиологических структур, отвечающих за баланс между организмом и внешней средой);
- приобретения вместе с этим (или/и благодаря этому) новых поведенческих функций;
- увеличения притока внешней энергии путем использования более калорийной пищи, либо способов ее добычи и обработки, использования новых видов энергии;
- увеличения темпов роста вида за счет увеличения УКПД отдельных особей.

Незаменимые аминокислоты человеческим организмом не синтезируются, а для получения необходимой суточной нормы из растительной пищи съесть ее необходимо слишком много. Б. Мед-

ников приводит выводы Г. Шалера, наблюдавшего в течение 20 месяцев за африканскими гориллами, и Д. Гудолл, изучавшей шимпанзе. Проснувшись, гориллы «немедленно начинали поедать в неимоверных количествах всевозможную зелень... Набив до отказа свои громадные животы, гориллы устраивали «мертвый час», после чего снова начинали есть, чтобы не остаться голодными на ночь. Такая жизнь явно не способствует развитию разума. Иное дело — шимпанзе. Они питаются в основном более калорийными плодами и при случае оказываются настоящими хищниками. ... шимпанзе убивают и съедают поросят диких кабанов, молодых антилоп и обезьян других видов, причем порой далеко не безобидных, например, таких, как павианы» [Медников, с. 84].

О питании падалью и даже каннибализме, как возможном вынужденном этапе развития вида Номо, либо погребальном ритуале, указывали многие авторы: [Поршнев, 1974; Вишняцкий, 2005; Ламберт; Дробышевский, 2006; Бутовская и др.], а простое и правдивое энергетическое обоснование выживания вида приведено в [Кузнецов, Кузнецов, Большаков]: величина УКПД в 200% является нижней границей выживания, а величина УКПД менее 200% ведет к эпохе наступления каннибализма. Вероятно, на этой стадии развития таковы были физиологические потребности представителей рода Номо. Может ли любой вид Номо, занимающийся каннибализмом, хотя бы и обладающий при этом всеми современными морфологическими признаками, считаться человеком? Речь идет не о современной оценке «девиантного поведения» поздних палеоантропов, а о том, что «такая жизнь явно не способствует развитию разума» (см. абзацем выше) и всего рода. Принадлежность человека к животному виду Номо — бесспорна, но принадлежность любого Номо к человечеству — следует еще доказать. Как отмечает Б. Медников, стадии австралопитеков, архантропов и палеоантропов не сменяли друг друга, а продолжительное время могли сосуществовать, и сосуществование это порой не было мирным. Более прогрессивная «стадия» или «поглощающая», растворяла в себе предыдущую, или же вытесняла в бесплодные местности, обрекая на вымирание, или же попросту истребляла физически» [Медников, с. 84]. Рассуждая далее на тему притока энергии извне, он пишет о найденных в отложениях реки Соло на Яве 11 черепах с проломами оснований (свидетельство людоедства), «принадлежащих, судя по всему, весьма ранним древним людям — палеоантропам, близким к обезьянолюдям — архантро-

пам. И рядом с ними — костяные гарпуны, орудия человека современного типа» [Медников, с. 84]. Возможно, что тот «человек современного типа» относился к палеоантропам так же, как мы — к обезьянам, а потому не считал зазорным уничтожать себе подобных, но скорее это — свидетельство жизненной необходимости — физиологической потребности в пище. Но при этом увеличивался индивидуальный УКПД и возрастали темпы роста вида.

Р. Фоули высказывает предположение, что разделение гоминид происходило еще на стадии австралопитековых, когда локальные условия выживания (сезонные изменения, аридизация, сухие и влажные сезоны и пр.) на одних их группах, живущих в лесных массивах, не отражались никак, а другие группы эти изменяющиеся условия заставляют искать и новые источники пищи, и новые пищевые стратегии [Фоули, с. 264–265]. Он приводит результаты наблюдений за поведением системы крупных млекопитающих в национальном парке Амбосели (Кения), рассредоточивающейся даже за пределы парка во влажное время года, и концентрирующейся у источников воды в сухое время года, когда концентрация животных возрастает в десятки раз [Фоули, с. 266, рис. 8.16]. При этом в саванновом лесу плотность популяций вообще не изменяется в течение года. Существование в изменяющихся условиях и физиологические потребности действительно могут принуждать животных к использованию новых источников пищи и пищевых стратегий, в том числе «и к возникновению более специфической, хотя и менее безопасной, способности включать в пищевой рацион мясо. ...изменения стратегии пищевого поиска у гоминид должны были привести к увеличению размеров головного мозга... В настоящее время установлено, что такое увеличение началось по крайней мере у австралопитековых и продолжалось на протяжении всего плейстоцена» [Фоули, с. 269–271]. Поздние неандертальцы и кроманьонцы уже умели использовать и поддерживать огонь¹², занимались охотой, включая охоту на крупных животных, пользовались естественными укрытиями (пещеры, гроты) и даже строили обогреваемые очагами жилища [Ламберт]. Основной добычей охотников были: северный олень — 72% и волосатый мамонт — 14% [Ламберт, с. 150–152], остальное — другие виды животных.

¹² Использование огня означало не только тепло, но и новые способы приготовления пищи, лучше усваиваемой организмом; новые способы изготовления деревянных орудий, обжигаемых на огне.

Об условиях жизни палео- и неолитов можно судить по новым научным данным. Так, В.Г. Чувардинский, критикуя теории больших оледенений, покрывавших многокилометровыми ледниками север Европы и Америки, пишет: «...климат «ледниковых эпох» был совсем не ледниковый, скорее он напоминал современный климат и растительность Сибири, причем не самых суровых ее районов. ...Анализ ... показывает, что во время последней ледниковой эпохи (26–10 тыс. лет назад) ни в Фенноскандии, ни на Канадском щите, ни на Таймыре и севере Западной Сибири покровное оледенение не могло иметь места» [Чувардинский, с. 17–21]. Рассматривая ареалы позднеплейстоценового мамонта в период последних 40 тыс. лет на обширных пространствах Сибири и в ряде районов Европы, коллектив ученых приходит к выводу, что существование обширного сплошного наземного оледенения для этих территорий нереально, а «позднеплейстоценовые датировки мамонтов в Скандинавии ...указывают на распространение Скандинавской популяции мамонтов 40–10 тыс. лет назад». Далее они приводят средние зимние температуры (от минус 21 до минус 33 градусов) и средние температуры июля (от плюс 1 до плюс 18 градусов), в которых от 40 до 10 тысяч лет назад существовали мамонты в Сибири (Ямал, Таймыр, Анадырь, Колыма, Индигирка) [Васильчук, Васильчук, Лонг, Джалл, Сулержицкий, с. 816–817]. Как видим, мамонты не бежали от ледников, а палеолиты и ранние неолиты — бежали к мамонтам, переживая вместе с ними длительные периоды колебаний среднегодовых температур и приобретая новые поведенческие функции. Безусловно, для обеспечения собственного существования требовался труд и труд... Но кто может сказать, что жизнь гориллы — не труд (см. [Медников, с. 84])? Однако есть два вида труда:

- «труд гориллы» — это труд с показателем УКПД равным или даже меньшим 200%, способствующий только выживанию индивида и рода, или тот труд, который классики марксизма-ленинизма называли «необходимым», или «простым воспроизводством», а продукт, получаемый в результате такого труда — необходимым для удовлетворения минимальных физиологических потребностей;
- совместный труд с показателем УКПД > 200% — это труд, который способствует не только выживанию индивида, но и его эволюции вместе с эволюцией рода, или тот труд, в котором классики марксизма-ленинизма разглядели еще и «приба-

вочный» труд (вовсе не являющийся трудом «сверх необходимого»), порождающий прибавочный продукт, приведший в конце концов к товарно-капиталистическому хозяйству. По марксистской терминологии такой характер труда называется еще расширенным воспроизводством¹³.

«Необходимый» труд или «труд гориллы» не позволяет эволюционировать ни индивиду, ни роду. Что является техническим средством для производства курицы — этот вопрос наукой до сих пор не решен. Точно так же неизвестно — избытки продуктов труда послужили росту численности неантропов или сознательное производство «избыточного» продукта обеспечивало их рост? Некоторые расчеты показывают, что 2 миллиона лет назад только в нескольких местах Африки обитал 1 миллион травоядных австралопитеков, 500 тысяч лет назад «охотник и собиратель» *Homo erectus* населял уже самые разные ландшафты Африки и Евразии в количестве 1,7 миллиона. «10 тысяч лет назад *Homo sapiens* уже колонизовал все континенты и климатические зоны, за исключением Антарктиды. ...В мире в то время насчитывалось самое большее 10 миллионов человек» [Ламберт, с. 218–219].

С.П. Капица приводит несколько другие цифры: если воспользоваться приведенными им уравнениями вне зон демографических переходов, то получим, что 500 тыс. л.н. — ок. 0,4 млн., 35 тыс.л.н. — 5,4 млн., 10 тыс.л.н. — ок. 16,6 млн. [Капица, 2000, с. 93–95]. Расхождение — в десятках процентов, но не в порядке исчисления, поэтому, учитывая нарочитую приверженность палеонаук к геологическому, а не к астрономическому времени, будем в дальнейшем опираться на данные С.П. Капицы по численности населения Земли.

Физиологические потребности, или «избыточный труд» для возможности регулирования собственной пищевой базы заставлял неантропов вести кочевой образ жизни. «...большинство людей продолжали вести кочевой образ жизни охотников-собираателей, неспособных регулировать свои пищевые ресурсы» [Ламберт, с. 218–219].

Кого же они могли встретить за время своих кочевий?

¹³ Думаю, дальше нам станет понятным, что не прибавочный труд и прибавочный продукт сами по себе, а гипертрофированное присвоение властно-распределительных функций и частные потребности «элит» становятся источником стремления к эксплуатации одного человека другим.

Допустим, что представители рода Номо занимали 1/10 площадь Евразии, Африки и Океании (без учета Америк). При их общей площади около 92 млн. кв.км., и населении Земли 35 тыс. лет назад — 5,4 млн. чел., плотность населения составляла 0,58 чел/кв.км. Много это или мало? Это в четыре раза меньше плотности населения современной Монголии — стране кочевого скотоводства и отчасти земледелия. Это означает, что менее трех миллионов человек расселены на территории, втрое превышающей площадь Франции, а при 40% сельского населения от одной юрты до другой может быть много десятков километров, а в юртах живут кочующими семьями по 5–10 человек. Возможна ли при этом оседлая жизнь, возможны ли частые встречи между такими группами, и возможен ли их совместный, постоянный, кооперированный «избыточный труд»? Например, отмечается, что в Европе локальное своеобразие памятников культуры мустье видно совершенно отчетливо, но оно не группируется в какие-либо значительные ареалы. То есть, каждая группа неандертальцев развивала свои собственные случайно сложившиеся навыки в обработке камня, не кооперируясь между собой [Алексеев, Першиц, с. 124]. Это — еще одно свидетельство мультирегионального характера эволюции человека.

Несколько другая картина наблюдается в период 10 тыс.л.н.: плотность населения уже составляет 1,8 чел/кв.км. — почти втрое больше, при этом охота и собирательство сменяются скотоводством и земледелием. Почему?

Д. Ламберт приводит некоторые цифры [Ламберт, с. 218] — для пропитания:

- одного охотника-собирателя необходима площадь в 10 кв.км/чел.,
- одного земледельца, не пользующегося поливом, необходима площадь 0,5 кв.км/чел,
- одного земледельца, использующего ирригацию, — площадь 0,1 кв.км/чел¹⁴.

Таким образом, 35–40 тыс. лет назад для обеспечения пропитания неолитов была необходима территория 5,4 млн. чел. × 10 кв.км/чел = 54 млн. кв.км, что составляет больше половины общей площади Евразии, Африки и Океании, а если учесть территорию, занимае-

¹⁴ Отметим, что отдельным современным сапиенсам для пропитания достаточно 0,000006 кв.км тюремной площади, а в некоторых культурах — и того меньше.

мую горами, озерами, болотами, реками и другими неудобьями, уже тогда неолантропы находились на критической грани обеспечения физиологических потребностей. Неудовлетворенные физиологические потребности, прессинг которых возрастал с каждым годом, гнали неолантропов к расселению на новые территории, к кочевому образу жизни, к поиску новых пространств, средств и методов приспособления к внешним условиям жизни в Мире.

К периоду 10 тыс. л.н. для пропитания всего населения Земли, с учетом его роста и перехода к земледелию, требовалось около 8,5 млн. кв.км, что меньше площади одной только Европы, при этом человек уже расселился не только в Азии и Океании, но и в Америке. Он нашел выход из критической ситуации, перейдя от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию. Что же произошло в период между 50–40 и 10 тыс. л.н. (появлением кроманьонца и освоением скотоводства и земледелия)?

«Труд — это средство увеличения и накопления свободной энергии на Земле. Производительным — в прямом смысле этого слова — является физический труд» [Кузнецов, Кузнецов, Большаков]. И против этого не поспоришь, однако и у шимпанзе труд, в том числе и с использованием орудий, является физическим, а значит — и производительным, ведь шимпанзе пока не исчезают? Пожалуй, только два взаимосвязанных фактора, возникших в этот период, могли повлиять на такое радикальное преобразование рода Номо:

- возникновение второй сигнальной системы и
- возникновение межгруппового (социального) обмена, актуализировавшего дифференциацию деятельности отдельных групп.

Итак, мы вынуждены вернуться к тому, что раньше обозначили как изменения внутренней структуры современного человека и приобретение им вместе с этим (или/и благодаря этому) новых поведенческих функций. Ископаемые остатки *Homo sapiens sapiens* найдены на стоянках возрастом около 40 тыс. лет в Океании и в Европе, разделенных тысячами километров и океаном, а в некоторых древнейших скелетах даже обнаруживается конкретное сходство с той или иной современной расой. По сравнению с неандертальцами голова у кроманьонцев была относительно высокая, укороченная в направлении лица — затылок, а черепная коробка была более округлая и содержала несколько меньший средний объем мозга. Имелись и другие новые характерные особенности:

голова посажена прямо, лицевая часть прямая и не выступает вперед, надглазничные валики отсутствуют или развиты слабо, нос и челюсти сравнительно невелики, зубы сидят теснее, подбородочный выступ хорошо развит [Ламберт, с. 156]. Ряд современных сапиентных признаков кроманьонца свидетельствует о том, что он «где-то и как-то» изменил некоторые внутренние структуры и, вероятно, приобрел вместе с этим новые поведенческие функции.

Откуда он «вдруг» появился?

И вновь мнения палеоантропологов разделились на моноцентристов, полицентристов и третье компромиссное мнение о скрещивании новых «пришлых» с более древними местными формами [Ламберт, с. 159]. В начале 2001 года в журналах «Nature» и «Science» были впервые опубликованы расшифровки генома человека. Оказалось, что от шимпанзе нас отделяет утеря нескольких важных генов, обеспечивающих иммунную защиту от инфекций и паразитов. Однако отсутствие этих генов сняло ограничения на развитие мозга [Лалаянц, с. 74–75]. Наличие «центра Брока» (центр речи) и «зоны Вернике» (зона восприятия речи) отмечается уже у человекообразных обезьян, хотя и менее выраженное, чем у человека [Ламберт, с. 121]. Однако, как верно подмечал Б.Ф. Поршнев, нельзя принимать намеченные на эндокранах питекантропа указанные зоны за свидетельства наличия у него речи в современном ее понимании [Поршнев, 1974]. Поражения этих зон у современного человека вызывает не глухоту или немоту, то есть, нарушают не акустические функции восприятия речи или моторные функции речевого аппарата. Поражения этих зон вызывают патологию психофизиологических механизмов — узнавания смысловых элементов речи или контроля за работой речевого аппарата при произнесении связной речи. Всего этого животному или палеоантропу при восприятии или воспроизведении отдельных звуков просто не требуется. Как верно отметил классик, «То немное, что <животные>, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь» [Энгельс, Диалектика, с. 52]. Самой молодой структурой мозга является лобная (фронтальная) кора, которая, как показывают экспериментальные данные, причастна к организации сложных форм человеческого поведения. В ней происходит сравнение предполагаемого человеком образа внешней среды

с реальной ситуацией. У человека с поврежденной лобной корой разрушается цикл взаимодействий личности с внешней средой, а операция лоботомии (рассечения связей лобной коры с остальной частью мозга) превращает человека в растение [Иваницкий, с. 114]. Даже только внешнее сравнение черепов неандертальца и кроманьонца свидетельствует как минимум о значительном развитии у последнего именно лобной коры и височных долей с одновременным уменьшением затылочной части черепа. Понятно, что в процессе эволюции вместе с организмом эволюционировал и человеческий мозг. В беседе с С.П. Капицей доктор психологии, профессор Б.М. Величковский, возглавляющий Институт психологии Дрезденского университета, рассказал об успехах когнитивных наук. Новые данные, полученные в последние годы, показывают, что в основе взаимопонимания, в основе совместной работы лежит координация ресурсов внимания, вырабатываемая еще в первые месяцы жизни человека и основанная прежде всего на учете направления взгляда партнера. На разных этапах эволюции развивался тот или иной тип внимания. Наиболее примитивной формой считается *амбьентное* (пространственное) внимание, впервые возникшее у древнейших рептилий, и работающее в динамических условиях: чем больше движущихся объектов, тем выше вероятность его доминирования. Соответствующие механизмы сохранились и у *Homo sapiens sapiens*. На более поздних этапах эволюции возникло так называемое *фокальное* (предметное) внимание, связанное с идентификацией отдельных предметов, что потребовало использование памяти и постепенно вовлекало более сложные формы социального познания, а в конечном счете привело к формированию высшей формы внимания, чувствительной к вниманию другого человека. Нечувствительность к вниманию другого и неспособность к очень важному для общения контакту «глаза в глаза», кстати, является одним из клинических симптомов аутизма — тяжелого расстройства социального интеллекта. За каждую форму внимания отвечает своя группа мозговых механизмов. Амбьентное внимание связано с подкорковыми структурами и заднетеменной частью коры, а фокальное — с ее нижневисочными и лобными областями — более поздними структурами мозга. В височных долях мозга находятся нейроны, воспринимающие направление взгляда другого человека [Величковский].

Еще одно изменение внутренней структуры палео- и неоантропов обнаружила лишь совсем недавно генетика. Речь идет об об-

наружении гена FOXP2, определяющего способности человека к речи. Этот человеческий ген отличается от аналогичных, обнаруженных у животных (горилл, шимпанзе, орангутангов, мышей), изменением кодируемой им аминокислотой последовательности. Связь между FOXP2 и речью была обнаружена в 2001г. генетиком Саймоном Фишером (Simon Fisher) из Оксфордского университета с коллегами. Этот ген кодирует белок, который связывается с ДНК, включая и выключая другие гены. Это может приводить к нарушению движения мимических мышц, нарушению чтения, письма, грамматики и понимания речи. Оказалось, что многие из этих генов участвуют в развитии нервной системы [Уитфилд, с. 10], [Лалаянц, с. 27–28].

Йоханнес Краузе (Johannes Krause) с коллегами из Института эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге (Германия) в 2007–2008г.г. определили, что у неандертальцев и современных людей одна и та же версия гена FOXP2 — единственного известного гена, связанного с речью. Выполненные ранее Й. Краузе исследования генетического разнообразия современных популяций показали, что наша форма этого гена возникла в последние 200 тыс. лет — т.е. через 150 тыс. лет после того как разделились ветви неандертальцев и современных людей. По его мнению, это показывает, что генетика современных людей отражает наше эволюционное прошлое не совсем так, как мы думали раньше. Однако Краузе полагает, что у людей ген FOXP2 все же недавно подвергнулся давлению естественного отбора. Возможно, он изменился непосредственно перед тем как разошлись ветви неандертальцев и современных людей. «Данные раскопок показывают, что около 50 тыс. лет назад произошло резкое увеличение размера мозга, — отмечает Краузе. Трудно сказать, было ли это связано с геном FOXP2» [Уитфилд, с. 11]

Однако, есть и противоположное мнение: «...доказать на основании антропологических или археологических данных существование сколько-нибудь серьезных интеллектуальных различий между *H. sapiens* и *H. neanderthalensis* пока не представляется возможным. Это может быть следствием ущербности ископаемых материалов, которые редко говорят сами за себя и обычно допускают несколько интерпретаций, в том числе и взаимоисключающих, а может быть просто отражением того обстоятельства, что особых различий на самом деле не было. Если верно последнее — а, скорее всего, так оно и есть, — то нельзя исключить, что, не исчезни

неандертальцы с лица Земли 25–30 тыс. л. н., они продвинулись бы в культурном отношении много дальше, чем это имело место в действительности» [Вишняцкий, 2005]. Правда, несколько ранее он, ссылаясь на американского психолога Н. Хамфри, намекавшего на интеллектуальную неполноценность первых пещерных художников на основании изучения их рисунков, сходных с рисунками людей, больных аутизмом, и, вероятно, соглашаясь с ним, говорил, что здравый смысл не всегда лучший советчик, и наскальные рисунки не являются неоспоримым свидетельством наличия у их создателей тех же интеллектуальных качеств, какими в норме обладают современные люди [Вишняцкий, 1999].

Археологические находки последних лет вместе с их углубленными генетическими исследованиями не только не добавили ясности в историю развития человечества, а напротив, усложнили ее, заставили задумываться о ее возможном пересмотре. Фаланга детского мизинца, найденная в 2008 году в Денисовой пещере (Алтай) была датирована возрастом в 38–40 тысяч лет. Группой исследователей из Германии под руководством Сванте Паабо (Svante Paabo) проведен ее генетический анализ. Оказалось, что алтайская мтДНК отличается от мтДНК современного человека 385 нуклеотидами, мтДНК неандертальцев отличается от мтДНК *H. sapiens* на 202 нуклеотида. То есть генетически обитатель алтайской пещеры отстоит от современного человека дальше, чем неандерталец. Согласно расчетам Паабо и его коллег, эволюционная ветвь Денисовского человека стала самостоятельной около миллиона лет назад, то есть задолго до разделения ветвей *H. sapiens* и неандертальцев [Nature, 24 March 2010]. Останки неандертальца были найдены менее чем в 100 милях от Денисовой пещеры. Эти артефакты вместе с находкой в Денисовой пещере предполагают наличие в верхнем палеолите времени, когда три группы (Денисовский человек, неандерталец и человек современного вида) занимали одни и те же области, а по времени этот период охватывает, по крайней мере, 10 000 лет. Были ли они точно современниками, неизвестно. «Если были, то это повышает потенциал всех видов взаимодействий между ними», — сказал Паабо, хотя доказательств этому нет [Brown].

Обнаружение в 1979 г. на юге Китая в пещере Благородного Оленя неизвестного вида людей, живших там 11–14 тысяч лет назад, и проведение недавнего нового анализа найденного тогда черепа, натолкнуло ученых на две версии. Либо это самая ранняя

линия *Homo sapiens*, добравшаяся до Китая или новая эволюционная линия, возникшая в Восточной Азии параллельно с нашим видом, либо скрещивание с денисовцами, найденными недавно на Алтае. Анализ их ДНК показал, что они скрещивались с нашими прямыми предками, и они могут оказаться продуктом такого спаривания. На такие выводы ученых натолкнул необычный вид черепа: он словно собран из совершенно разнородных частей: одни по форме напоминают аналогичные кости современных людей, а другие — намного более древние черты наших древних предков [Деменко].

Все это заставляет сделать единственно возможный пока вывод: колыбель человечества, безусловно — Африка, и в этом смысле происхождение человека моноцентрично, но практически одновременное (по историческим меркам) и однонаправленное развитие обособленных пра-человеческих, а затем — и человеческих групп, контактирующих между собой, позволяет говорить о полигрупповом и поликонтинентальном, но *монокультурном их развитии*. Подтвердить или опровергнуть это утверждение могут только новые археологические и палеонтологические находки и новые их генетические исследования.

Итак, человек современного вида возник около 50 тыс. лет назад, однако, повторимся: современная морфология вида — еще не означает современного уровня человеческих отношений. Как отмечает С.В.Дробышевский, носители мустьерской и близких культур (неандертальцы) сосуществовали с носителями верхнепалеолитических культур (*Homo sapiens*) на юге Европы и в Азии — с 40 до 30 тыс.л.н. (т.е. в течение примерно 10 тыс. лет). В Африке же не обнаруживается такого резкого культурного и морфологического перехода между палео- и неантропами, а постепенные изменения и их накопление проходили во временном интервале 60–35 тыс. лет [Дробышевский, 2006, с. 15–16]. Он объясняет это происхождением человека современного типа именно в Африке.

Что-то «странное» случилось в период между 30 и 10 тыс. лет назад.

Во-первых, в этот период «растворились» неандертальцы, поскольку ни археология, ни палеонтология уже не отмечают находок, относящихся к *Homo neanderthalensis*, имеющих такой возраст. Гипотезы — самые разные: от занесенных неантропами инфекций из Африки, к которым неандертальцы были не адаптированы, до каннибализма неандертальцев или ассимиляции, «рас-

творения» их в неолитах. Интересными также являются идеи баланса “силы” и “мудрости”, или нарушения техно-культурного баланса, высказанные А.П. Назаретяном [Назаретян, 1999; Назаретян, 2004]. Во-вторых, именно в этот период, годовой прирост населения увеличился с 215 чел./год в период 30 тыс.л.н. (подчеркнем: *для всей Земли!*) до 1440 чел./год — 10 тыс.л.н., а плотность населения, посчитанная по указанным выше условиям, возросла почти в 2,7 раза. Вполне очевидно, что переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству обеспечил устойчивую пищевую базу для этого роста. В-третьих, вероятно это — самое главное, именно в этот период начался регулярный обмен между отдельными группами людей.

РАЗМЕР ГРУППЫ И ТЕМПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Р. Фоули говорит о трех периодах эволюционного изменения гоминид, когда они развивались быстрее, чем в предшествовавшие стадии. Это — появление массивных австралопитековых (ок. 2 млн.л.н.), появление *Homo erectus* (ок. 1,6 млн.л.н.) и появление анатомически современного человека (0,1–0,05 млн.л.н.) и связывает это с периодами острой конкуренции и эволюционной активности других животных¹⁵ [Фоули, с. 319].

Очевидно, что существование человекообразных, питающихся растительной пищей в тропическом лесу Африки, требовало от особи индивидуального труда и практически не требовало труда коллективного. Постепенный переход на собирательство, падализм и охоту все больше и больше вынуждает применять коллективные действия. Дж. Палмер и Л. Палмер со ссылкой на Р. Данбара (*Dunbar*) обращают внимание на прямую зависимость между величиной социальной группы какого-либо вида и размерами коры головного мозга у отдельных представителей этого вида [Палмер Д., Палмер Л.], что становится необходимым в связи с обработкой социальной информации каждой особью в связи с увеличением групповых действий. Австралопитеки и «ранние Номо» в связи с изменением внешних условий вынуждены были переселяться из тропических лесов в редколесье и саванны, а также степные районы, что требовало от них не только приспособления к новой среде обитания и изменения пищевой стратегии, но и изменения индивидуального поведения, большей согласованности в коллективных действиях [Дробышевский, 2002; Фоули; Тернер]. Р. Фоули подробно рассматривает эволюцию гоминид, в частности, он обращает внимание, что на протяжении от 3 до 1 млн.л.н.

¹⁵ Предположение Р. Фоули — понятно, но оно не может быть единственным, поскольку конкуренция и эволюционная активность — процесс непрекращающийся. Другим предположением могут быть периоды овладения родом *Homo* очередных уровней и масштабов взаимодействия с миром.

сосуществовали (возможно симпатрически¹⁶) не менее двух видов гоминид, что, естественно, означало не только коэволюцию гоминид с другими видами, но и могло приводить к адаптивной радиации гоминид или конкурентному сосуществованию с последующим вымиранием некоторых их видов¹⁷ [Фоули, с. 277]. Совершенно оправданно он пишет: «Изучение гоминид в отрыве от других, симпатрически сосуществовавших с ними видов неизбежно приводит к переоценке их экологических взаимодействий и более узкой и антропоцентрической интерпретации их эволюции» [Фоули, с. 315–316]. Он отмечает, что быстрое географическое распространение гоминид ставит их перед лицом новых экологических проблем, становящихся основой более поздних адаптивных, поведенческих и эволюционных изменений. Ранние гоминиды покидали Африку вместе с другими животными, ведя с ними конкурентную борьбу, при этом Номо достиг умеренных широт Евразии вместе со львом, леопардом, гиеной и волком, что делает иллюзорным представление о «неповторимости» гоминид. «Вероятнее всего, факторы окружающей среды в наибольшей степени благоприятствовали организмам с ... крупными размерами, хищническим поведением и социальностью» [Фоули, с. 325].

Размеры пра-человеческих групп неандертальцев и человеческих групп кроманьонцев, занимавшихся собирательством и охотой, не могли быть большими: каким бы крепким сложением ни обладали первые, и какие бы длинные ноги ни были у вторых, но пройти в день они могли не более 15–20 километров, занимаясь при этом своими повседнев-

¹⁶ Способ видообразования, при котором возникновение новых видов происходит в популяциях с перекрывающимися либо совпадающими ареалами.

¹⁷ Это рассуждение Р. Фоули перекликается с имеющей право на существование «моделью эволюции макроединиц» А. Клесова и А. Тюняева, предполагающих, что «каждый последующий вид человека зарождается в глубинах предыдущего вида, и общество новых людей множится до тех пор, пока не становится доминирующим. После чего оно сменяется следующим видом, также зародившимся заранее в недрах теперь уже в свою очередь вымирающего вида» [Клесов, Тюняев, с. 79].

ными делами. Ранее мы приводили площадь (10 км.кв.), необходимую для пропитания одного охотника-собирателя. Исходя из приведенных цифр, группа гоминид, ведущая относительно оседлый образ жизни и занимающаяся собирательством и охотой, могла обеспечить себе пропитание на территории, отстоящей от места стоянки на 10 километров, или на площади чуть более 300 км.кв., то есть, в среднем численность таких групп могла составлять около 30 особей.

Ту же численность «раннепервобытных общин» (25–30 чел.) приводят [Алексеев, Першиц, с. 179]. И.М.Дьяконов, сравнивая первобытную общину с аборигенами Австралии, вероятно находящимися на позднепалеолитическом уровне развития, пишет: «...нельзя назвать общинами бродячие маленькие группы палеолитических австралийцев (5–20 человек), хотя они (как и животные) имеют каждая свою, вполне определенную территорию...» [Дьяконов, 2007, с. 19]. Возраст стоянки Сунгирь определяется в 29–19 тыс.л.н., она регулярно использовалась людьми на протяжении 2–3 тыс. лет, а численность людей, единовременно обитавших на стоянке, определена в 50 человек [Колесов, Тюняев, с. 147]. А.А. Зубов приводит численность в 50–60 индивидов, потому, что «иначе они не смогли бы выжить и не имели бы возможности охотиться на довольно крупных животных» [Зубов, с. 193].

Интересен и факт сосуществования Денисовского человека и неандертальца в течение тысячелетий на расстоянии не более 100 км [Brown], что также подтверждает малочисленность тогдашних социальных групп.

Итак, к 30 тыс.л.н. человек имел современную морфологию, обладал трудовыми навыками, уже начинал вести относительно оседлый образ жизни и образовывал относительно устойчивые, но малочисленные группы, а археология даже отмечает рост числа и качества орудий, но до ирригационного земледелия или образования городских поселений — до «человеческого» — было еще далеко....

Так что же могло произойти, что позволило неимоверно ускорить этот многомиллионный неторопливый процесс эволюции гоминид?

«В развивающемся животном мире на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам нервной деятельности. Для животного действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях... Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными. Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов¹⁸. ... именно слово сделало нас людьми...» [Павлов И.П., с. 496–497].

Гипотез возникновения языка — предостаточно, но абсолютно большая часть этих гипотез сводится к тому, что язык возник как техническое средство для развития и поддержания социальных функций человеческих групп и самой социальности.

Очевидно, что, даже имея все морфологические и психо-нейрологические предрасположенности к возникновению языка, небольшие пра-человеческие и человеческие группы имели полную возможность обслуживать возникающую *внутригрупповую* «социальность» другими коммуникативными средствами (системами), например, знаковыми или звуковыми. Простейшие трудовые операции не требуют особых коллективных форм поведения, о чем свидетельствуют наблюдения в естественных условиях за группами охотящихся обезьян, обходящихся без применения речи. Даже переход на изготовление микролитических орудий труда (костяные иглы, рыболовные крючки, приспособления для вязания рыболовных сетей, сами сети и пр.) могло обходиться без применения языка. К примеру, первоначальный

¹⁸ Человек давно живет в окружении «сигналов первых сигналов», не замечая этого. Например, «второй сигнал скорости» — ускорение — человек ощущает лишь как изменяющуюся силу, прижимающую его к креслу ускоряющегося транспорта. Беспрецедентные социальные механизмы культурного наследования, не подчиняющиеся уже напрямую биологической эволюции, появившиеся вместе со словом, и ставшие «второй наследственной системой», человек не просто перестал замечать, он вольно или невольно нарушает их работу, даже не познав до конца принципов их действия.

обмен предметами между отдаленными группами мог быть и «немым», когда одна группа оставляла обмениваемое, а другая — забирала его, оставив то, что могла дать взамен. Если обмен какой-либо группой не воспринимался равноценным, обмениваемые предметы либо добавлялись, либо возвращались [Алексеев, Першиц, с. 179]. Коммуникация «чисто русских туристов» с принимающей стороной в «шоппингах» обыграна множеством юмористов, и все же это — коммуникация. Настоящий язык, язык в нашем современном понимании, психологический язык морфем¹⁹ — пусть архаичный и несовершенный, с минимальным набором слов и понятий, не имеющий падежей, склонений и спряжений, но обладающий как минимум коммуникативной, конструктивной (или мыслительной), познавательной и аксиологической функциями, то есть позволяющий и обеспечивающий *межгрупповые* взаимоотношения, — мог возникнуть только как техническое средство для обслуживания социального обмена. «Именно слово сделало нас людьми», позволив развивать социальный обмен, межгрупповое общение, а значит развитие настоящей социальности²⁰.

П.Н. Сихирев, анализируя парадигмы современной социальной психологии, указывает, что понятие *Verkehr*²¹, введенное К. Марксом, использовалось им для характеристики общества, существующего благодаря постоянному внутреннему и внешнему «обмену веществ», их обращению и превращению. А эти «вещества» — все возможные про-

¹⁹ Мельчайшая значащая и несамостоятельная единица языка, выполняющая функции словообразования и словоизменения.

²⁰ Потому весьма спорно вольно трактуемое утверждение классиков «труд сделал из обезьяны человека».

²¹ Нем. — движение; сообщение; обращение; сношения, общение. Философская категория взаимодействие не разделяет взаимодействующие объекты на действующий и воспринимающий действие. Обмен, понимаемый как взаимное проникновение элементов одной системы между элементами другой системы, в этом смысле является однозначным. Однако надо помнить, что обмен включает в себя не только эквивалентный обмен продуктами труда, но одновременно и обмен социальными отношениями. Такой обмен, в отличие от материального, не всегда бывает эквивалентным.

дукты связей людей друг с другом и с природой. Таким образом, это — широко понимаемые взаимоотношения человека с внешним миром, его деятельности во внешнем мире, не сводимые только к трудовым процессам. Возвращение в современную отечественную социальную психологию марксистского понимания обмена (Verkehr) П.Н. Шихирев считает важным, поскольку отношения обмена реализуются в обществе через отношения к собственности, к власти, определяют общественное положение индивидов и групп в социальной структуре, ценностное отношение индивидов к другим людям, к себе и к действительности. Он максимально кратко определяет предмет социальной психологии как исследование отношения (оценки) к отношению (связи) [Шихирев, 2000, с. 386–387]. И вновь мы должны обратить внимание на абсолютно не замечаемые нами в обыденной жизни, но так или иначе управляющие нами «сигналы первых сигналов».

Только с возникновением чисто человеческого свойства — социального обмена — возможно возникновение и языка, и социальных групп, и общества, и самой социальности.

На социальное происхождение и социальные свойства языка нас наталкивают и примеры «детей-маугли», и развитие человека в онтогенезе, свидетельствующее, что речь относительно поздно становится средством мышления [Немов, с. 33]. Современные исследования показывают, что содержанием большей части случайных разговоров являются сплетни, сводящиеся к обсуждению поведения других членов социума, при этом участники разговора фиксируют единство своих взглядов и подчеркивают разницу между собой и обсуждаемыми «другими» [Палмер Д., Палмер Л.]. Это не просто соотносится, а абсолютно созвучно с исследованиями И.Сушкова, резонно считающего одним из моментов понимания психологической природы социального «факт появления в уме индивида дифференциации себе подобных в границах дихотомии «мы-они» и конструирования своего поведения с учетом специфической ... (социальной) окружающей среды» [Сушков, 1999, с. 57].

Но что могло послужить возникновению обмена — «сознательность»? рост численности? безысходность существования (скорее это ближе к каннибализму)? излишки собираемых и добываемых продуктов? специализация в деятельности? постепенный рост численности групп? климатические изменения и географическое расположение групп?

Скорее всего — все перечисленное!

С начала верхнего палеолита (ок. 45–40 тыс.л.н.) до его окончания (ок. 14–12 тыс.л.н.) весь комплекс «социальных» преобразований, включающих технологии, морфологию вида Номо, пищевые стратегии, условия среды, географию распространения гоминид, связи между отдельными их группами и пр., претерпел огромные изменения: за это время в 3–4 раза увеличилось производство орудий труда, в том числе и составных; был изобретен лук (ок. 14–10 тыс.л.н.) и расширилось рыболовство — в ответ на уменьшение и исчезновение крупных животных и переход к преимущественной охоте на мелкую дичь; усовершенствовались плавательные средства [Алексеев, Першиц, с. 155–162]. Переход к охоте на мелкую дичь заставил группы проявлять большую подвижность и менее обстоятельно обживать свои охотничьи угодья [Алексеев, Першиц, с. 161–162]. Все это привело к интенсификации социального обмена между отдельными группами и потребовало возникновения технического средства, обеспечивающего этот обмен — языка. Отмечается межгрупповой дарообмен.

«Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык... заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек ... сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением. ... Сущность мышления состоит в рефлексии, т.е. в различении мыслящего и предмета мысли» [Гумбольдт, с. 51, с. 301]. «Без какой-то самооценки не бывает личности: еще нет личности, пока нет вопроса «кто я?» [Поршнев, 1979, с. 134].

Как возникла речь?

Был ли это (по мнению классиков) целеполагающий труд, подразумевающий разумную деятельность, а потому порождающий сознание? Была ли это «потребность что-то сказать друг другу», появившаяся у людей в процессе труда [Леонтьев А, 1999, с. 230]? Было ли это слово? «...не одна мысль, но все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова. ...слово играет центральную роль в сознании в целом, а не в его отдельных функциях.... Оно есть самое прямое выражение исторической природы человеческого сознания» [Выготский, 1999, с. 337]. Было ли это «воздействием людей друг на друга» [Поршнева, 1979, с. 194]? То есть, была ли это цепочка «интердикция» (провокация в другом организме тормозной доминанты, сбой работы первой сигнальной системы) — «суггестия» (внушение, интериоризация — усвоение другим организмом производимого внешнего действия, благодаря тому, что он выступает как бы «другим» для самого себя) — «контрсуггестия» (инструмент сопротивления суггестии, экстериоризация — превращение внутреннего психического действия во внешнее действие) [Поршнева, 1974]? Были ли это ритуальные действия, на основе которых формировались мифологические представления и язык, т.е. миромоделирующая деятельность человека, ставшая первой формой теоретического осмысления мира, и развивавшаяся параллельно с развитием речи [Агранович, Стефанский, с. 26, с. 160]? Был ли это «выигрыш», получаемый теми группами особей, которые наряду с жестами использовали еще и звуковую составляющую коммуникации [Бурлак]?

Вряд ли пока можно ответить на любой из этих вопросов, скорее всего каждая из этих гипотез в определенной своей части имеет право на существование.

Объективно можно констатировать лишь следующее:

- возникновение речи не могло быть процессом спонтанным, одномоментным и быстрым, он направлялся как механизмами биологического и генетического отбора, так и уже возникавшими механизмами культурного отбора. Напомним мысль И. Пригожина, переложен-

ную к нашему случаю: в сложноорганизованных (в том числе биологических) процессах активность на элементарном уровне «случающаяся» в нужный момент, приводит к преимущественному выбору одного пути из ряда одинаково возможных, а вблизи дивергенции палеоантропов и неоантропов основную роль играли флуктуации, а не детерминистские аспекты. И лишь потом, в результате длительного детерминистского — дарвиновского — отбора и накопления антропных свойств, процесс принял «взрывной» характер;

- вместе с развитием речи возникало и самосознание «становящегося» человека. Речь, выступая техническим средством «между» психикой (внутренним миром) человека и окружающей его действительностью (внешним миром), порождала рефлексия — возможность для человека взглянуть на себя как бы со стороны, и возможность *оценки* окружающей действительности и себя. А это и означает *начало* возникновения социологических отношений и переход взаимодействий человека с внешним миром на новый — психологический уровень;
- из предыдущего утверждения вытекает, что возникновение языка — это возникновение границы между существованием человека в природе и существованием человека в социуме. С возникновением языка морфем человек *отчуждается от природы* (А. Козинцев называет это «культурным» способом существования: «Язык создает качественный разрыв между природой и культурой» [Козинцев, с. 35–50]).

Вероятное время начала возникновения настоящей речи — языка морфем — ок. 13,1–9,5 тыс.л.н.²², и это следует пояснить.

Во-первых, А.Н. Барулин, рассматривая морфологические изменения неандертальцев и кроманьонцев (изменение грудного отдела позвоночника, увеличение контроля над

²² К этому времени население Земли составляло 13–18 млн., а плотность — 1,5–2 чел./кв.км.

дыханием, изменения мозга у кроманьонцев и пр.), обоснованно приходит к выводу, что «речь могла появиться только у кроманьонцев, что сужает допустимый промежуток времени для глоттогенеза до периода от 190–140 тыс. лет до 40–30 тыс. лет назад» [Барулин, с. 53]. Во-вторых, «язык говорящего антропоида» качественно уступает полноценному человеческому языку, а стало быть, нет оснований считать, что «говорящий» антропоид даже частично преодолел пропасть, разделяющую язык человека и коммуникативные системы животных [Кошелев]; «...подсознательное различие египтянами низших значимых единиц — морфем имело огромное практическое значение; оно легло в основу создания ими развитой подсистемы звуковых знаков в общей фонетико-идеографической системе их письменности» [История лингв. учений, с. 13]. В-третьих, Б.Ф. Поршнев, говоря о процессе антропогенеза в палеолите, писал, что его оценка психологией и психолингвистикой резко отличается от оценки археологией и антропологией. Если продолжительностью жизни одного поколения считать 30 лет, а нижний палеолит разбить на 20 условных этапов, то на каждый мельчайший, уловимый археологический сдвиг придется величина порядка 2500 поколений. Для среднего палеолита на такой «малейший сдвиг» приходится 200–300 поколений, и то, и другое для психолога несоизмеримо ни с каким явлением сознания, т.е. с психологической точки зрения эти сдвиги равны нулю [Поршнев, 1974, с. 295–340]. Если учесть, что, например, первое консонантно-морфемное письмо, «вполне соответствовавшее своеобразию египетского мышления ...и уровню их подсознательных представлений о языковых и фонетических явлениях», появилось у древних египтян в конце 4 тыс.л. до н.э. (3,1–2,8 тыс.л.н. [Канева, с. 7]), а разработано и оформлено оно было в начале 3 тыс.л. до н.э., то на это потребовалось уже только 20 поколений (ок. 600 лет). К началу 2 тыс.л. до н.э. у древних египтян уже появляются первые лексикографические справочники, справочники по медицине и математике — знания, накопленные за 1500 лет [История лингв. учений,

с. 15]. Но разработка и оформление письменности, передача знаний другим поколениям вне непосредственного контакта с ними — это не «малейший сдвиг», а целое тектоническое потрясение уже полностью человеческой психики и психологии! В-четвертых, возрастающая социальность и прогностическая направленность человека подталкивали его к собственному развитию, терпеть собственной «безграмотности в письме» долго он не мог. Если воспользоваться подходом С.П. Капицы²³ к изменению масштаба исторического времени по мере роста человечества (каждая последующая «историческая эпоха» короче предыдущей в 2,72 раза²⁴), то между временем, когда разговорный язык оформился в каждодневную привычку (пусть и с каждодневным же дополнением языка новыми морфемами), и тем временем, когда язык превратился во всеобщее устоявшееся средство общения, и его можно было начинать «отливать в камне», вряд ли прошло более 1600 лет (53 поколения). Тогда начало целенаправленного накопления морфем отстоит от времени приобретения этой «каждодневной привычки» на 4400 лет. При ошибке в 10% время «начала языка» отстоит от нас на 11,3+–1,1 тыс. лет, а время начала «изобретения, выговаривания и приспособления» морфем к обыденным потребностям — на 23,3+–2,3 тыс. лет. Эти «гипотетические» рассуждения, привязанные к первым археологическим артефактам письменности, «удачно» совпадают с мнением признанного специалиста-лингвиста С.А. Старостина, считающего временем выделения ностратической макро-

²³ См. выше. При всех оговорках и условностях «механистического» подхода, его результаты с достаточной точностью накладываются на имеющиеся археологические, антропологические и демографические данные.

²⁴ Число, приближенно равное 2,718 (е — основание натурального логарифма) часто встречается в математике и естественных науках. С его помощью описываются, например, среднее время жизни атома, скорость размножения бактерий, затухание электрического тока в колебательном контуре, оно используется в математической статистике и экономике. С его помощью экспоненциальные или логарифмические функции, описывающие в том числе и процессы демографии, биологии, физиологии, становятся проще. Именно поэтому у С.П. Капицы в работах о демографии «всплыло» это число.

семьи — ок. 14 тыс. лет, единства ностратического и афразийского — ок. 18–20 тыс. лет, а время возникновения единого «праязыка» — не ранее 40–50 тыс. лет назад [Старостин, 2003, с. 41]. Несколько позже он говорил, что по афразийским макросемьям (предположительные прародители «праязыка») коррелируют генетические, археологические и лингвистические данные и что: «лингвистическая ситуация упорно свидетельствует, что все макросемьи, которые могут быть обнаружены на данный момент, это 10–12 тысяч лет назад каждая. Дальше надо уже смотреть, как они между собой будут соотноситься»²⁵ [Старостин, Милитарев, с. 87].

На этом, пожалуй, пора закончить затянувшееся, но необходимое отступление и вернуться к нашей основной теме. А отступление это было нам необходимо для того, чтобы понять, как человек развивался, и какие факты и явления могли послужить причинами возникновения индивидуальных и социальных потребностей, то есть, в каких условиях «становилась» социальность. И еще: это отступление дает нам возможность сориентироваться насколько далеко мы отстоим от возникновения каждой из потребностей, и почему «кушать хотят все», «работа — не волк...», но «что работаешь — то кушать хотят все».

²⁵ Понять лингвистические исследования для неспециалиста — задача непосильная. Например, весьма доказательно, с использованием тысяч морфем, утверждается, что шумеры переместились из Египта в верховья Волги, войско шумеров — это казаки, а русский язык произошел из чувашского (шумерского) [Егоров].

ГРУППЫ, ЧЕЛОВЕК, СОЦИУМ

Мы закончили главу «Особь, группа» на том, что потребности в принадлежности, в наличии партнера, в преодолении одиночества, недружелюбия возникают еще в животном мире, а у человека эти потребности перерастают в необходимость во взаиморазделяемой психологической заботе о существовании ближнего, о существовании рода, о принадлежности к единству многих, в любви к ним и от них. И это означает, что человек освоил психологический уровень взаимодействий с окружающим миром, что очередной виток спирали его развития, пройдя через групповое и социологическое, вновь вывел его в индивидуальную сферу. Нам не понравилось лишь одно: во всех рассмотренных нами потребностях мы не обнаружили ничего чисто человеческого...

Дальнейшие рассуждения привели нас к тому, что род «Номо», «отпочковавшись» от гоминид, начал свое развитие около 2 млн. лет назад, и его эволюция привела ок. 50–40 тыс. л. н. к возникновению человека современного вида. Вот это превращение и дальнейшее развитие уже человеческих потребностей мы и попытаемся рассмотреть дальше, увязывая его с имеющимися археологическими и палеонтологическими материалами, и опираясь на математическую модель роста населения Земли, предложенную С.П. Капицей.

Каким бы ни было происхождение человека — от Бога или от обезьяны, от занесенных из космоса лучей или молекул, или из-за манипуляций инопланетян над нашими бессознательными предками — это не изменит ни хода, ни выводов наших рассуждений. Человек развивался и проходил становление на Земле, чему есть подтверждение в виде ископаемых форм человека и принадлежащих ему ископаемых артефактов.

Что такое человек? Как этот мелкий, метущийся, эгоистичный и сладострастный тип, трусливый и лживый, а потому непредсказуемый в своем страхе и гнев, становится отчаянным и непобедимым героем не только для себе подобных, — для армий, государств и идеологий? Как он преодо-

леват этот путь и побеждает в этой внутренней — самой трагической и самой тихой войне с самим собой? Почему дети «врагов народа» становятся самоотверженными патриотами, а отпрыски «героев нации» — «золотой молодежью», прожигающей собственную жизнь и унаследованный потенциал? Почему человек, по меньшей мере половину своего жизненного пути, не самостоятелен? Он совершает «жизненные круги»: вначале его «мастерит» ближний круг — родители, семья, род, школа, отвлекая его от привычного окружающего. Затем, когда у него появляются навыки существования в этом внешнем мире, он вдруг сам возвращается в мир внутренний, свой индивидуальный психологический мир, постигая уже самого себя в сравнении с другими, сам становясь мотивирующей силой собственного внутреннего развития и завершая этим саморазвитием первый жизненный круг.

На последующих жизненных кругах человек вновь из индивидуального мира «является» в мир внешний, социальный, выходит за уже привычные ему границы ближнего круга, осваивает социальность большую, чем семейное, школьное или дружественное «дружеское» окружение, осваивает социальные категории добра и зла, культуры и бескультурья, всеобщности и «соборности» или индивидуализма, доброжелательного участия или группового и кастового понуждения. Он не просто наблюдает этот социум, а пытается осуществлять в нем осознанную деятельность. А траектория этого «явления» зависит от потенциала, накопленного человеком прежде, и от сопутствующих обстоятельств. От этого «везения» в накопленном потенциале и обстоятельствах зависит и то, как будет человек удовлетворять во внешнем мире свои личные — и индивидуальные, и социальные потребности. Станет ли он кооперироваться с другими, одновременно и помогая им, и получая от них помощь, или будет отпетым индивидуалистом, считающим: «один стул — одно седалище» и «всё для меня»? В этом жизненном круговороте везет не всем: либо не хватает упорства, знаний и жизненного опыта, приобретенного ранее, либо

вмешались асоциальные сопутствующие обстоятельства — зло, бескультурье, индивидуализм, угнетение, социально-государственное чванство и другое варварство, и человек, приобретя негативный опыт, начинает отдаляться от социума, считая его источником собственных бед, иногда не имея возможности перейти на следующий жизненный круг. Это — государственные социальные издержки: дерево растет само только в подходящих условиях, а не на камнях. Не меньшие потери от этого и самому человеку: получив отпор или негативный опыт деятельности в социальной среде, он перестает искать свое место в жизни. Человек либо заикливается в этом жизненном водовороте, переставая искать пути и стараться «стать тем, кем он может быть», либо вовсе уходит в себя, решая только личные жизненные проблемы. Но нет таких одинаковых условий, предоставляющих любому возможность собственного роста, их надо создавать — совместно, и каждому для себя²⁶.

Все последующие жизненные круги человека, постоянно расширяясь и охватывая все большие сферы его деятельности, непременно сначала выводят его из сферы личностной в сферу общественную, возвращаясь затем назад — к индивидуальному и личному. И на каждом таком новом уровне — новом жизненном круге — развиваются прежние и выявляются новые качества человека, но остается все меньше и меньше действующих личностей — субъектов: вступают в действие границы собственных знаний и жизненного опыта прежних жизненных кругов, либо вмешиваются новые асоциальные сопутствующие обстоятельства, останавливая самодвижение человека, развитие его свободной личности.

Люди рождаются равноправными перед Природой, а теперь — и перед Законом, но в социуме равноправие *никогда* не означало поголовного равенства шансов, а равные шансы не означают и никогда не будут означать одинаковые жизненные пути. Жизненные круги, вовлекая человека в свой

²⁶ В книге Д. Томпсон и Д. Пристли можно найти результаты исследования того «как дети рабочего класса получают работу рабочего класса» [Томпсон, Пристли].

круговорот, не только дают ему шансы на развитие и собственное возвышение, но и испытывают человека на его знания и опыт, его интересы, его внутренние ресурсы, его «Я», приобретенные вначале с помощью близких, а затем — выстроенные им самим. Будет человек двигаться в очередном жизненном круге в центре потока или на его периферии, будет он изучать все сечение потока, двигаясь иногда и против течения, или опережая его, или поддастся его энергетике и будет ведомым им — зависит и от силы потока, и от ресурсов человека. И опять мы приходим к мысли, что для развития человека незаменимыми и невосполнимыми являются отношения «человек $\rightleftharpoons$ внешний Мир». Человек, конкретные люди в меру индивидуального понимания собственной природы и Мира, способны развить это «море социальности», или осушить его до дна собственным неприятием и неразумными действиями.

Попытаемся рассмотреть системные качества человека, проявляющиеся на различных уровнях²⁷ его взаимодействий с Миром, включающем человека как частное явление.

Физический уровень. На заре своего отделения от гоминидов, человекообразные обезьяны — еще имманентная часть животного мира. Поэтому, безусловно, все наши предыдущие рассуждения, касающиеся возникновения и развития *физиологических* потребностей в животном мире, касаются и человека. Появление первых прямоходящих существ — австралопитековых (ок. 7–6 млн. лет назад [Дробышевский, 2002, с. 13]) можно условно считать началом индивидуального освоения пра-человеком физического уровня развития²⁸. Единственное замечание, которое мож-

²⁷ Уровни взаимодействий субъектов (или их потребности) не имеют четких границ. Зарождаясь на нижележащем уровне, они продолжают развиваться на уровнях вышележащих, поэтому потребности группового и социального масштаба возникают на одном уровне взаимодействий, полностью раскрываясь на вышележащих уровнях.

²⁸ Здесь и далее, если это не оговорено особо, мы базируемся на периодизации и названиях этапов, предложенных в работах С.П.Капицы [Капица, 2000], [Капица, 2004], [Капица, 1999] и А.А. Назаретяна [Назаретян, 2007], [Назаретян, 2004].

но привести дополнительно — это потери, «приобретаемые» человеком с его отчуждением от природы. К примеру, мир животных и насекомых — неведомым нам образом — умеет заранее покидать зоны будущих стихийных бедствий. Высказываются мнения, что потеря этих умений у человека, как и снижение зрения в темное время суток, обусловлена морфологическими изменениями мозга.

Изменяющиеся климатические условия, методы добычи пищи и способы питания, защиты от хищников и пр. меняют морфологию, и требуют овладения новыми функциями, опытом, навыками, территориями. Очевидно, что все это — следствие нарастающего объема выполняемых физических и умственных функций, нарастающего объема информации. Пра-человек приступил к индивидуальному освоению биологического уровня своего существования. Однако сложно назвать это развивающееся существо человеком: у него нет сознательной коллективной деятельности, он сам обеспечивает свою личную безопасность. Обособленные группы (стада?) пра-людей редко контактируют друг с другом. Общая их численность (вероятно, в Африке) оценивается в пределах нескольких десятков тысяч человек. Возникающее противоречие — обеспечение жизненно важных потребностей в пище, защите от хищников и критических условий внешней среды требует от пра-человека выработки качественно новых механизмов жизнедеятельности — внешних, внутренних или тех и других, ибо цена разрешения такого противоречия — возможность дальнейшего существования этого вида. На физическом уровне взаимодействий пра-человек выступает пока как пассивный объект, овладевающий физическим пространством и взаимодействующий с окружающим Миром в меру индивидуально развивающихся механизмов самосохранения, имеющих характер отношений прямого действия. Но уже на этом — физическом уровне взаимодействий зарождаются потребности, полностью раскрывающиеся на следующем — биологическом уровне.

Биологический уровень. На биологическом уровне взаимодействие направляется и детерминируется не только

внешними условиями, но и внутренней структурной энергией живой материи, определяющей ее активность. Появляющиеся у живого организма внутренние первосигнальные структуры нервной системы позволяют осуществлять отражение внешнего мира и детерминируют его взаимодействия с внешним миром, помогают ему в физическом выживании и приспособлении к окружающему миру, в поиске наилучших внешних условий для сохранения и развития внутренней структуры. На основе развития нервной системы живая материя приобретает возможности к психическому отражению — отражению в первую очередь проявлений внешнего Мира, проявлений активности других индивидов и их групп. Вторым (и поистине революционным) свойством вновь возникающего «технического средства» — нервной системы — становится ее функция оценки²⁹. Способность к различению первичных сущностей внешнего и внутреннего мира, их чувственное соотнесение на основе первосигнальных нервных связей закладывает базу для развития в дальнейшем человеческого сознания.

Пра-человек для выживания вынужден избирать целеполагающие действия, согласующие его индивидуальное поведение с таким же поведением окружающих его других. Биоценоз тем и характерен, что он немислим в единственном числе. Такими техническими средствами согласования общего поведения и общих целей становятся когнитивные процессы осознания себя, других, внешних проявлений окружающего мира. Возникают новые — уже надинстинктивные, психические структуры — категории-образы «Я», «не-Я», «другие», категории возможных, допустимых и недопустимых действий. Эти категории-образы становятся той базой, которая позволяет и самокатегоризацию, а значит — и самоорганизацию индивида, и первичную самоорганизацию групп индивидов. Для того, чтобы индивид *ощутил* себя частью группы, ему необходимо и достаточно

²⁹ Такая оценочная функция заложена в материи изначально. Ведь соотнесенность первичных сущностей, их сравнение при взаимодействии даже физических тел — и есть оценка.

категоризоваться по какому-либо признаку [Сушков, 1999, с. 133]. Но категоризация³⁰ — процесс непременно обоудный, это — когнитивный процесс объединения индивидов с помощью какого-либо общего для них признака [Сушков, 1999, с. 372]. А это автоматически означает возникновение группы как совокупности категоризованных индивидов. Пра-человек посредством развивающейся нервной системы, создания внутренних категорий-образов впервые вступает на путь группового взаимодействия, а это требует и новых навыков и новых механизмов. Человеческие группы впервые в своем филогенезе приступают к удовлетворению первых групповых потребностей в категоризации и самокатегоризации.

Подчеркнем: создает группы не волосатый полусгорбленный «интеллектуал», обладающий пока только животной психикой, а потребности в согласованных групповых действиях и групповом обмене, сами групповые взаимосвязи; только они толкают этих индивидов к восприятию общей идентичности, созданию в индивидуальной психике новых — групповых категорий. Индивид впервые самокатегоризируется, относит сам себя к определенной группе особей, на основе согласованных категорий вступает с ними в постоянные отношения, выделяет «свою» группу из «других», а на основе этих категорий и создается группа.

Первым периодом человеческой истории [Капица, 2000, с. 100, табл. 3] или *эволюционным кризисом* [Назаретян, 2007, с. 20], можно считать первое проявление человеком коллективных действий³¹. На рубеже 2–1,5 млн. лет назад

³⁰ Читатель может возразить, что в теории потребностей Маслоу потребностью биологического уровня являются потребности в стабильности, в безопасности и защите. В индивидуальном плане — да. Но для того, чтобы до этого “дозреть”, человек должен еще пройти развитие и взаимодействия в масштабах социологическом и социальном, потому и формы выражения потребностей разных людей — различны.

³¹ А.П. Назаретян отмечает, что с началом регулярного использования орудий, ранние гоминиды в корне нарушили характерный для позвоночных этологический баланс. Ссылаясь на исследования археологии, этнографии, культурной антропологии, психологии и нейрофизиологии он отмечает, что «удивительным образом изменилось направление

отмечается появление орудий из грубо оббитой гальки и заостренных костей животных, требовавшее согласованных коллективных действий (галечная, «олдувайская» культура). Первые орудия и коллективная деятельность начинают более полно удовлетворять потребности в безопасности. На рубеже 1,5 млн.л.н. прекратилось возможное совместное сосуществование *Homo habilis* и *Homo ergaster*, отмечается окончательное исчезновение грацильных форм «ранних Номо» [Дробышевский, 2002, с.131]. Вероятно, к этому времени можно отнести начало перехода первобытного стада к пра-человеческой группе. Это — период первого значительного расселения людей (ок. 1,3–1,1 млн. лет назад), что потребовало и новых навыков, и нового опыта, и новых норм группового поведения. С этого момента не животное, а представитель рода Номо (*Homo habilis* [Дробышевский, 2002, с.127]) завершил индивидуальное освоение физического уровня взаимодействий с миром и приступил к его освоению в групповом масштабе.

Вторым периодом человеческой истории³² или глобальным антропогенным кризисом становится «палеолитическая революция».

Это период «властвования» *Homo erectus* [Дробышевский, 2004, с.65] и второго значительного расселения людей

отбора: произошла экспансия истероидных психастеников с повышенной лабильностью, внушаемостью, противоположенно развитым воображением и склонностью к невротическим страхам», ставшая, судя по всему, началом развития всего богатства духовной культуры человека. В стадах, где преобладали особи подобного типа, сформировались первые (надынстинктивные) механизмы торможения внутривидовой агрессии: некрофобия — невротический страх посмертной мести, ограничивший убийства внутри стада, и стимулировавший биологически нехарактерную заботу об искалеченных и нежизнеспособных сородичах и ритуальное обращение с мертвым телом [Назаретян, 2004, с. 135–136]. Это абсолютно возможное предположение перекликается с подобным же предположением Б.Ф.Поршнева о происхождении языка через интердикцию — воздействие людей друг на друга [Поршнев, 1974].

³² С.П. Капица [Капица, 2000, с. 100, табл. 3] относит к этому периоду и возникновение речи. Очевидно, с этим можно согласиться лишь подразумевая в данном случае под речью — зачатки отбора определенных звуков как коммуникативных символов и знаков.

(ок. 1–0,5 млн. лет назад). Их численность на Земле уже подбирается к миллиону, а остатки ашельской культуры находят повсеместно в не контактирующих между собой ареалах: и в Африке, и в Азии, и даже в Европе [Зубов, с. 190–192]. Они овладели огнем, изготавливали каменные топоры, заселили Европу и Азию [Тернер, 94]. «Палеолитическая революция» (1,2–0,7 млн. лет назад) характерна всплеском появления «стандартизованных» орудий — рубил, скребков, наконечников, освоением способов добывания огня одинаковых по своей форме вне зависимости от места их нахождения. Все это свидетельствует о начале отбора *коллективных ценностей и норм*.

Человек завершил освоение физического уровня взаимодействий с миром в социальном масштабе и продолжил освоение биологического уровня взаимодействий.

Третий период человеческой истории, вероятно, можно отнести к широкому расселению гоминид из Африки в Азию и Европу (ок. 200 тыс. лет назад) и появлению *Homo sapiens*. Численность населения Земли подбирается к миллиону, а к концу периода достигает двух с половиной миллионов, хотя в этом полу-людском конгломерате присутствует и, очевидно, взаимодействует несколько ветвей гоминид. Типы различных каменных орудий исчисляются десятками, будущий человек охотится на крупных животных, отмечаются зачатки искусства, развивается нервно-психическая деятельность, отмечается увеличение объема мозга, появление обрядов погребения, заботы о сородичах (инвалиды, дожившие до пожилого возраста). Группы начинают интенсивнее взаимодействовать друг с другом. Привычных ареалов обитания начинает не хватать, сокращается пищевая база ввиду климатических и демографических изменений. Необходим поиск новых пространств существования для увеличивающейся численности людей, а для этого требуются и новые «технические средства» — новые методы жизнедеятельности в Мире, новые механизмы группового взаимодействия, новые структуры нервной системы.

Конкуренция, коэволюция живой материи, групповые и уже социальные взаимодействия больших человеческих

групп приводят к закономерной необходимости — *появлению индивидуально-групповых потребностей в защищенности и безопасности, стабильности и зависимости от других (покровительстве), в защите, в ощущении порядка и структуры, в отсутствии страха, тревоги и хаоса*, т.е. в приспособлении живого организма к стабильному существованию в окружающем мире. Отметим, однако, что эти, казалось бы, чисто индивидуальные потребности присущи каждому в совокупности индивидов, а потому уже носят групповой характер и органически порождают внутреннее индивидуальное «согласие» на некие общие групповые ценности и стандарты поведения, на основе которых только и возможны компромисс и кооперация в удовлетворении этих индивидуальных потребностей. О том же свидетельствуют и поздние неандертальские захоронения: погребение умерших становится обрядом, а поздние неандертальцы начинают придавать значение жизни и смерти отдельного человека, проявлять заботу и сострадание к больным и старикам (пещера Шанидар) [Ламберт, с. 154].

И вновь отметим: потребности в безопасности и защите пробуждает в индивиде не животный страх перед внешними явлениями или обстоятельствами. Усвоенные им коллективные нормы и ценности, упорядоченные категории и личная самокатегоризация порождают в нем образ внешнего Мира, рождают потребности в ощущении порядка и покровительства, безопасности и стабильности. Таким образом, не индивид организует и развивает группы, заключая «договоры общественного согласия». Напротив, групповые действия и осознание необходимости и ценности коллективной деятельности порождают в индивиде потребности структуры и порядка, безопасности и защиты.

Психологический уровень. *Четвертый период человеческой истории* можно отнести ко времени, когда люди начали расселяться из Африки по Европе, Передней Азии и другим регионам земного шара, что подтверждается идентичностью генов митохондриальной ДНК в различных группах современного населения Земли (ок. 100–80 тыс. лет назад).

Наиболее вероятно, что в это время эволюция человека происходила при смешениях между разными группами развивающихся гоминид, т.е. по сетевому типу, приводящему к информационному (социальному!) обмену в популяциях. Появляются новые линии неантропов. Их отличает от других неантропов более высокий рост, больший объем мозга, более развитая технология изготовления каменных и костяных орудий. Численность жителей Земли приближается к 2,5 миллионам, человек начинает расселяться по Земле, а для этого требуются не только знания о необходимых и наличных ресурсах, но и возможность влиять на групповое поведение как своей, так и чужих групп. Вероятно, к этому периоду можно отнести зачатки тотемизма, которые будут развиваться на психологическом уровне, возникновение погребальных ритуалов, появление обрядов — еще у неандертальцев (70–45 тыс.л.н. [Ламберт, с. 154; Низовский, с. 17]) и более поздних людей (ок. 34 тыс.л.н. [Клесов, Тюняев, с. 153, 156]), и зачатков речи (звуковых символов) как средства передачи информации, переход от преимущественного собирательства к охоте. Все это привело к возникновению не только инстинктивных (страх), но и нервно-психических (табу) регуляторов взаимодействий внутри рода. Впервые можно говорить о системе групповой культуры, о появлении культурных регуляторов межличностных и групповых взаимодействий, о групповых нормах и ценностях, которые позже, через межгрупповые взаимодействия, приобретут социальный масштаб.

Как отмечает И.Сушков: «...с момента возникновения групп начинает формироваться *групповое сознание*, которое обеспечивает саморегуляцию групповой жизни. ...В первую очередь, это касается системы групповых ценностей, которые будут затем формировать идеальные образы как меры сравнения. ...На этой стадии формирования взаимоотношений групп доминируют процессы группообразующего межгруппового сравнения... Они создают то индивидуальное свойство — чувство приверженности группе и группового патриотизма, которое превращает группы в устойчивые во

времени единицы, снижает личную тревожность, связанную с социальным статусом» [Сушков, 1999, с. 243–244].

«...этап групповой идентификации — процесс формирования группового уровня организации поведения индивидов, который сопровождается формированием чувства групповой приверженности, и специфическими групповыми феноменами, обеспечивающими целесоогласованное поведение членов группы» [Сушков, 2002].

Образ группы порождает индивидуальные категории (самокатегоризацию), несовместимые с одиночным существованием. Сама физическая масса группы и ее кооперированные действия способствуют более полному удовлетворению индивидуальных базовых потребностей физического и биологического уровней. Но одновременно и вся группа особей стремится к более полному удовлетворению индивидуальных потребностей в групповом масштабе взаимодействий с Миром — и это становится групповой потребностью.

Важнейшим фактором, о котором почти никогда не упоминают, говоря о потребностях биологического уровня взаимодействий в социологическом (групповом) масштабе, является возможность дифференциации индивида от окружающего, «ухода в себя», возможность хотя бы временного отстранения от насущного окружающего. Эта возможность появляется вместе с появлением развивающейся человеческой психики.

Основой хозяйственной деятельности продолжает оставаться охота и собирательство, однако увеличивается набор каменных и костяных орудий, совершенствуется технология их изготовления. Используется загонная охота, приспособления для рыбной ловли. Расширяется сфера хозяйственных и психических взаимодействий между индивидами. Развивающаяся психика человека расширяет число ритуалов и обрядов, продолжают развиваться надындивидуальные психические регуляторы межиндивидуальных и групповых отношений — социальные нормы и ценности, первая потребность социального масштаба, поскольку неконфликтные отношения между различными социальными

ми группами возможны только на основе идентичных норм и ценностей. В расширяющемся межгрупповом обмене усложняются процессы категоризации и самокатегоризации, укореняется их личностная ценность для индивидов. Углубляется осознание принадлежности индивида не только к группе, но уже и к группам.

Пятый период человеческой истории или «верхнепалеолитическая революция», или «культурная революция кроманьонцев» (от 40–30 тыс.л.н. до 12–10 тыс.л.н.). Многократно возросла продуктивность использования каменного сырья, резко увеличилась доля орудий из кости и рога (что дало людям относительную независимость от природных источников кремня); заметно усовершенствовались знаковые системы коммуникации, появились двухмерные изображения (наскальные рисунки). Все свидетельствует о том, что действуют не отдельные особи человеческого рода, а уже немалые их группы...

Палеоантропы — авторы культуры Мустье, не менее 20 тыс. лет доминировавшие в Европе над кроманьонцами, «вдруг» оказываются «феллахами» (по Шпенглеру). Одно из вероятных объяснений этому привел А.П. Назаретян³³ [Назаретян, 1999; Назаретян, 2004]. Многовариантная материальная культура палеоантропов при отсутствии культурных регуляторов взаимодействий, т.е. практическое отсутствие социальных норм и ценностей, порождала асоциальное поведение со всплесками неуправляемой и никем не контролируемой агрессивной энергии. Налицо нарушение техно-гуманитарного баланса. Вероятно, в их дородовом — «стадном» и агамном сообществе, начавшем испытывать постоянный конкурентный пресс, отсутствовала отчетливая структура и организационные регуляторы.

Преодоление этого цивилизационного кризиса отмечено спонтанной и значительной миграцией человека в Европу, Азию и Америку. Палеонтология и палеоантропология отмечают установление относительной стабильности физиче-

³³ Это объяснение не единственное, что будет видно из дальнейшего текста.

ского типа человека. Усовершенствование знаковых систем, тотемизм, культовые обряды и экзогамия, относительная независимость от природных факторов жизни приводят к зарождению культуры как системы личностных и групповых ценностей. Отмечается увеличение типов и усовершенствование орудий. Население Земли достигло 4–7 млн. человек, занимавшихся преимущественно охотой и собирательством. Весьма медленная до этого эволюция культуры сменяется развитием в возрастающем темпе. Нарастает объем и интенсивность межгруппового обмена. Подтверждается утверждение, что не труд «сделал из обезьяны человека»³⁴, а весь континуум биологических, материальных и социальных факторов, из которых основными являются зарождение надындивидуальной психики и групповая идентификация. Подчеркнем: пра-человек (но уже не неандерталец!) понуждается к возникновению надындивидуальной психической деятельности как изнутри — собственной развивающейся психикой, так и прежде всего извне — необходимостью создания категорий-образов (как индивидуальных, так и групповых), увеличением наличного «свободного времени», психическими регуляторами взаимодействий, категоризацией и идентификацией, зарождающейся дифференциацией хозяйственной деятельности, культовыми обрядами, знаковыми системами, зародившимися образами групповых и межгрупповых норм и ценностей, интегрирующим социальным обменом. С этого момента повсеместно и относительно одновременно наблюдается ускоренный рост технологической и социальной, прежде всего культурной, деятельности человека, возрастает социальный обмен между отдельными группами, подстегивающийся нарастающей хозяйственно-бытовой и ресурсно-географической дифференциацией. Человек продолжает развивать ментальную сферу, проходя период категоризации в группе и более полно удовлетворяя индивидуальные потребности в групповом взаимодействии.

³⁴ Факт отсутствия жесткой связи между типом каменных орудий и инвентаря и эволюционной стадией того или иного представителя рода *Номо* считается наукой твердо установленным.

Межгрупповой обмен предметами или дарообмен (ценные сорта камня и дерева, раковины, охра, янтарь и пр.) отмечается уже в позднем палеолите [Алексеев, Першиц, с. 179], что не могло не сопровождаться социологическим обменом с соответствующей его оценкой.

Впервые противоречия во взаимодействиях относительно больших социологических групп выдвигают следующие потребности социального масштаба — власть и распределение ресурсов, позволяющие, с одной стороны, дифференциацию деятельности групп, а с другой — интеграцию их взаимодействий. Это должно было стать основой бесконфликтного совместного существования и развития на базе воспроизводимых и перераспределяемых ресурсов.

Власть, формируя иерархию сообщества, подчинена «задаче сохранения единства системы и... является внутрисистемным феноменом, свойственным человеческой культуре» [Сушков, 1999, с. 301]. Зачатки возникновения статусности и властно-распределительных функций наблюдаются еще на рубеже ок. 25 тыс.л.н. Неандертальцы, начавшие первыми хоронить своих усопших, превратили процесс погребения в обряд. Раскопки погребальных ям сопровождаются единичными предметами обряда: от каменных орудий, пищи, до цветов, но захоронения не несут признаков богатства или статусности [Ламберт, с. 154–155]. В захоронениях (26–16 тыс. л. н.) Сунгирь 1, Сунгирь 2 и Сунгирь 3 (мужское и два детских захоронения) кроме украшений, обнаружены: копыя (1,7 и 1,1 м), вырезанные из цельного бивня мамонта, дротики, кинжалы, огромное количество бус из бивня, нашитых когда-то на одежду, браслеты и перстни из бивня, сверленные клыки песка, прорезные диски, имевшие ритуальное значение, «жезлы» из бивня и рога. Дно могилы засыпано углем, золой, затем охрой — красителем, применявшимся в ритуальных целях. Погребенные снабжены богатым инвентарем: около 10 тысяч бус и другие украшения из бивня мамонта, произведения искусства, оружие. Прослеживаются признаки сложного погребального ритуала. Социальный статус детей и мужчины в указанных

захоронениях явно отличался от социального статуса мужчины из захоронения Сунгирь 4, где ни оружия, ни инвентаря *не обнаружено* [Клесов, Тюняев, с. 155–156]. Субъектом истории на этом этапе эволюции все в большей и большей степени становятся не природа и внешняя среда, а группы, связанные кровнородственными или территориальными обязательствами и взаимопомощью (взаимообменом), исполнение которых необходимо соблюдать, гарантировать и контролировать. Функций и возможностей «доминирующего альфа-самца» для этого уже недостаточно, поскольку пресечь физиологические эмоциональные порывы еще можно, но неудовлетворенные потребности в стабильности, порядке и защите, в покровительстве могут привести и к «бунту» против него. Человеческие группы начинают процесс отдаления от своего природного естества. Общность членов групп уже спаивается не физиологическими потребностями, не приспособлением к внешним условиям и использованием готовых, существующих в природе вещей, а «невежественными» самоидентификацией, групповой идентификацией, постижением групповых ценностей: эта общность возможна лишь при ощущении принадлежности к ней, при ощущении рядом «своего» по культуре и происхождению. Вероятно, преимущественно примитивное «народовластие» («потестарная»³⁵ организация) групп возникало на основе родовых и семейных отношений. И.М. Дьяконов, критикуя канонизацию «Происхождения семьи...» [Энгельс, Происхождение], писал³⁶, что представление Энгельса о периоде «дикости», промискуитета и группового брака совершенно превратны: это не наблюдалось не только в человеческих обществах, но даже у высших обезьян. Даже у наиболее отставших популяций австралийцев господствует не групповой,

³⁵ Форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших политических и государственных институтов и атрибутов.

³⁶ И.М. Дьяконов отмечает, что «книга Энгельса является блестящим, но дилетантским переложением идей» крупнейшего американского этнографа Л.Г. Моргана.

а кросскузенный брак и фактически — нуклеарная семья, развивающаяся в род, порождающий новые большие семьи и роды [Дьяконов, 2007, с. 16–17]. В этих условиях властно-распределительные функции требовали проявления способностей «влиять», а не «навязывать»; гораздо ценнее было использование опыта, а не силы и лихости. Вероятно, способность влиять на характер и направление деятельности группы, поведение ее членов, исполнение принятых культурных норм, обрядов и ритуалов на основе имеющегося опыта и авторитета, знаний о природе внешних факторов, родовых устоев и предпочтений ценилось не ниже удачливости охотника или физической силы защитника, и вероятнее всего возлагалось на «совет» наиболее опытных членов рода. «Власть главаря или совета старейшин основывалась на их опыте, примере образцовых действий, интеллектуальном и эмоциональном превосходстве, умении убеждать, иначе говоря, на их индивидуальном или групповом авторитете» [Алексеев, Першиц, с. 193]. И.М. Дьяконов не безосновательно пишет, что архаичная социальная психология имеет своим причинным началом божество: тотемизм — в общении с природой; веру в организующее начало мира — через особенно одаренных членов группы. При этом локальные общинные мифологические религии не антагонистичны, не догматичны и практически не связаны с этикой. Если на первой фазе характерен тотемизм, то затем превалирует культ вождя и его семьи [Дьяконов, 2007, с. 22]. Но пока нет разделения властей на хозяйственную, военную, политическую, судебную.

Дарвиновский естественный отбор, несколько отступив от отдельной особи и индивида, принялся за отбор наиболее приспособленных групп и сообществ со *специализирующимися индивидами* — гregarно-индивидуальный отбор³⁷

³⁷ Суть гregarного отбора в том, что лучше сохраняются и воспроизводятся те группы, в составе которых есть специализирующиеся индивиды, способные придать группе новые качества и свойства, способствующие лучшему приспособлению всей группы к внешней среде, способствующие ее развитию. Результаты гregarно-индивидуального отбора также закрепляются в генотипе индивидов, входящих в группу.

[История первоб. общества, с. 294–295]. Вероятно позже — при обострении межгрупповой конкуренции и увеличении численности групп способность жесткого навязывания «властной воли» вопреки сопротивлению групп, а также защитно-оборонительные функции власти станут предпочтительными. Начиная с этого времени можно относительно объективно, используя научные данные, говорить о начале процесса возникновения и исчезновения (по Шпенглеру) «пранародов», «народов» и «феллахов». Выходят на сцену жизни, активно действуют и исчезают с нее бесследно, не оставляя «связующих звеньев» «ранние» и «поздние» Номо, неандертальцы и кроманьонцы, меняются культуры, но остается центральная “фила”, выводящая род Номо на все более высокие уровни взаимодействия с Миром. И как знать: может быть, “недостающее звено” в развитии вида Номо — это не материальные артефакты в виде его останков, а духовные — психическое и психологическое развитие человека, материальные артефакты духовной культуры, — культуры, *изменившей ДНК?*

Усложняются формы и методы взаимодействия групп «поздних Номо» и ускоренно распространяющихся по Земле кроманьонцев, их численность к 12,4 тыс. л.н. (напомним: это наша нижняя оценка «времени начала языка») уже подбирается к 14 миллионам, требуются новые формы индивидуальных и групповых взаимодействий для освоения новых пространств бытия и дальнейшего развития человека.

Шестой период человеческой истории или «неолитическая революция» (12–10 тыс. л.н.) — характеризуется постепенным переходом от присваивающего (охота, собирательство) к производящему, а позже — к воспроизводящему хозяйству (земледелие, скотоводство). Люди, впервые отказавшись от грабежа Природы, приступили к сотрудничеству с ней, увеличив тем самым в несколько раз пищевую базу и степень удовлетворения базовых потребностей. Значительно возросла сложность технологий, средства производства, мотивы и цели хозяйственной деятельности. Меняется структура общества, выделяются «вожди» и «дружинники», а диф-

ференциация орудий на производственные и боевые привела к дифференциации отношений между «воинственными» и «производящими» племенами. Образовываются вождества (chiefdom), где кооперируются сельскохозяйственные и «воинственные» племена [Дьяконов, 2007, с. 19], где исключается враждебность первобытного человека к «чужим», а численность в них достигает нескольких тысяч.

Коллективная деятельность человека, самоотожествление рода в пространстве и времени, стремление к безопасности групп, уже осознаваемое и творческое стремление к совместному овладению новыми пространствами бытия приводят к возникновению новых индивидуально-групповых закономерных потребностей, полностью проявляющихся именно на этом — психологическом уровне. Это *потребности во взаимной привязанности, во взаимном приятии, оценке и разделении психических отношений, а значит и в принадлежности к другому, в наличии партнера, детей («узкий круг»), завязывании взаимообмена — ради принадлежности к семье, роду, группе, профессиональному цеху («широкий круг»), потребности в преодолении одиночества, недружелюбия, дезориентации, остракизма.* Это необходимость не в физиологической (сексуальной) связи, не в физической и биологической защите, а во взаиморазделяемой психологической заботе о существовании ближнего, о существовании рода, о принадлежности к единству многих, в любви к ним и от них. Эти личностные закономерные потребности способствуют саморегулируемому развитию сообщества особей на новом — психологическом уровне взаимодействия. Потребности психологического уровня взаимодействий носят уже не чисто индивидуальный характер, человек может удовлетворить их только в группе. Они осознаются человеком в процессах социализации, интериоризации и экстериоризации, в процессе активной деятельности в группах.

И опять третий виток спирали социального развития, пройдя через групповое и социальное, возвращается к индивидуальному. Эти интегрирующие отдельных людей ин-

дивидуальные потребности в принадлежности и любви не появляются сами собой и не измышляются нарциссирующим индивидом. Они имманентно вытекают из потребностей психологического уровня взаимодействий в групповом (групповая идентификация и групповое сознание) и социальном (власть и распределение ресурсов) масштабах. Невозможно идентифицировать группу как «свою», не испытывая потребности в принадлежности к ней. Невозможно защищать групповые ценности и само существование группы, не будучи влюбленным в отдельных ее членов. Невозможно отдавать последнюю пищу или саму жизнь в критических ситуациях, не будучи уверенным в справедливости властных решений.

И.М. Дьяконов отмечает, что в этот период деления общества на антагонистические классы — нет, нет крупных хозяйств, требующих учета, нет религиозных положений, требующих фиксации, поэтому нет письменности [Дьяконов, 2007, с. 24]. Цикл освоения человеком психологического уровня его бытия в групповом, социальном и индивидуальном масштабах завершился, человек включил его в пространственно-временные и сущностные структуры бытия всех уровней.

Ни один из регионов Земли не может обоснованно претендовать на звание родоначальника этих перемен на психологическом уровне развития земного социума. В различных местностях Центральной и Северной Америки, Юго-Востока Европы и азиатского Среднего Востока археологи обнаруживают свидетельства тех или иных «неолитических» признаков, относящиеся приблизительно к одному и тому же периоду — между 10-м и 8-м тысячелетиями до н.э. Найденные следы всевозможных зерновых культур (пшеницы, риса, кукурузы), корней, а также различных комбинаций других неолитических признаков свидетельствуют о том, что «неолитическая революция» в каждом из регионов протекала *независимым* образом. Повсеместность и независимость свидетельствуют о генетической направленности человека на развитие, освоение нового, на активность и изо-

бретательство, о некой единой линии, филогенетической «программе» или *единой логике*, по которой развивается род Номо — одинаково и в Африке, и в Америке, и в Австралии, и в Евразии, независимо от региона или расы. Развиваются ткачество, гончарное производство, мореходство, обмен и торговля. Вся эта групповая деятельность обеспечивала относительные улучшение и стабильность удовлетворения индивидуальных базовых потребностей, что привело к увеличению продолжительности жизни, резкому росту населения Земли (св. 28 млн. человек к 5 тыс. л.н.), его миграции, разрастанию разрозненных эйкумен, их взаимодействию и интенсивному взаимообмену. Но это требовало вначале соответствующего производства и распределения ресурсов, соответствующего (вначале принудительного или военного) ограничения межплеменной, а затем и межнациональной, межрегиональной конкуренции за ресурсы, обеспечивающие дальнейшее развитие, а затем — организации и регулирования взаимодействий между социальными субъектами и уже — гуманитарными, культурными способами и методами. К этому времени относится возникновение письменности, права, военной демократии и государства. Однако одновременной “неолитическую революцию” назвать нельзя никак³⁸. Неолит датируется на Ближнем Востоке 8–7 тыс.

³⁸ Чем объяснить такое длительное и неравномерное освоение человеком психологического уровня взаимодействий? Наиболее логичными кажутся две причины. Первая — относительно комфортные географические и природные факторы жизни, к примеру, коренных народов Австралии, племен Южной Америки, Африки, тропической Азии, и соответствующая относительная удовлетворенность потребностей физического и биологического уровней. Человек располагается в умиротворенном состоянии гомеостаза. По О. Шпенглеру, народ находится в состоянии “до культуры”. Вторая — относительная обособленность и замкнутость этих народов, отсутствие интенсивного обмена и взаимодействия между отдельными “эйкуменами”. Если природные и географические условия, например, Египта требовали, с одной стороны, постоянной совместной хозяйственной деятельности (земледелие, ирригация, строительство), с другой стороны — военной защиты от внешних посягательств, то относительная насыщенность физиологических и биологических потребностей наряду с групповой обособленностью не требуют совместной интенсивной хозяйственной деятельности и межгруппового взаимодействия. Человек не детерминируется ни внутренними, ни внешними факторами к психологической избыточности.

до н. э., в Средней Азии и Закавказье — 6–5 тыс. до н. э., в Европе — 7–1 тыс. до н. э., в Америке — с 5–1,5 тыс. до н. э. и до X– XII вв. н.э. Австралийские аборигены, некоторые племена Южной Америки, Африки, Азии, отчасти северные народы Евразии и Америки сохраняют культуру неолита вплоть до наших дней!

Социологический уровень. Надындивидуальная психика человека закономерно и необходимо начинает зависеть от межиндивидуальных психологических отношений, от взаимных потребностей окружающих людей, от взаимобмена психологическими отношениями. Человек впервые еще на психологическом уровне приступает к освоению новых форм бытия — групповым социологическим отношениям или социальному обмену.

Групповая идентификация и групповое сознание «...позволяет социальной группе ...перейти ...к процессам конструктивного обмена социально-психологическими отношениями стадия обмена начинается с актуализации межгрупповых установок. Эти установки задают общую стратегию межгруппового взаимодействия, т.е. настраивают на выбор определенного уровня взаимодействия и выбор типа взаимодействия» [Сушков, 1999, с. 244]. Потребностью социологического уровня взаимодействий в групповом масштабе становится *социальный обмен, актуализация межгрупповых установок*, на основе которых только и возможны *выбор стратегии межгруппового обмена*, дифференциация любых деятельностей и интеграция взаимодействий групп, т.е. дальнейшее удовлетворение индивидуальных потребностей разрастающейся эйкумены и дальнейшее совместное развитие социальных групп.

Одними из первых известных вожеств становятся поселки и храмы культуры Чатал-Хююка на западе полуострова Малая Азия (ок. 8000 л.н.) с экономикой, базировавшейся на освоении дикого ячменя и приручении крупного рогатого скота, погибшая вследствие наступления сухого и жаркого климата [Дьяконов, 2007, с. 24]. Если ок. 20 тыс.л.н. жилища строились из жердей, бивней и шкур мамонта (стоянки

Костенки, Гагарино, Сунгирь, Заозерье и пр. [Клесов, Тюняев] и больше напоминали быстромонтируемые чумы или юрты, то, например, на территории современного Гэхлинга (кантон Шафхаузен, Швейцария) уже с 7,3 тыс. л. н. и до 2,5 тыс. л. н. существовали свайные деревянные жилища эпохи неолита, бронзового и начала железного века, принадлежавшие земледельцам и скотоводам (более 111 поселений!) [swissworld.org]. Все это означает начало интенсивного социального обмена, актуализации межгрупповых установок, выбор группами на этом основании стратегии межгруппового обмена.

Переход от присваивающего к производящему хозяйству потребовал комплексного изменения информационного объема мышления, психологии, межличностных и межгрупповых отношений, норм и ценностей, интенсификации интегрирующего межгруппового и социального взаимодействия, интенсивного развития властно-распределительных функций и взаимобмена. Произошла глубокая комплексная перестройка и психики человека, и его деятельности. Культивирование диких растений стимулировало рост численности постоянных поселений, одомашнивание диких животных предоставило даровую рабочую силу и дополнительную пищу. В результате всего этого население Земли колоссально возросло (к 8 тыс. л. н. — ок. 20 млн. чел.), резко расширилась и сфера природопользования, а значит — и сферы взаимодействия и взаимобмена между большими человеческими группами.

Но такая интенсификация *межгруппового взаимобмена* уже невозможна без возникновения языка. Пока невозможно утверждать что возникло вначале — язык или социальный обмен? Вероятно, одно подстегивало другое.

Считается, что начало перехода от животного стада к человеческой группе и роду заложили три основных фактора: экзогамия и табуирование инцеста, приведшие к возникновению общины; погребение умерших; возникновение речи и языка [Вундт; Шпенглер; Пигалев и др.]. Основной ячейкой, способствующей развитию индивида, пройдя через перио-

ды экзогамии и табуирования инцеста, нуклеарную семью, становится род, как сообщество родственников. «Готовое человеческое общество — первобытная община — возникает лишь вместе с родом» [История первоб. общества, с. 247]. «В истории человеческого общества первым звеном бывает не индивидуум, но именно сообщество их. Из племени, из круга родни путем постепенной индивидуализации³⁹ выделяется самостоятельная индивидуальная личность, вопреки гипотезам рационалистического Просвещения, согласно которым индивидуумы отчасти под гнетом нужды, отчасти путем размышления соединились в общество» [Вундт, с.254]. «Раннепервобытная община... состояла из группы или групп родственных семей, к которым могли примкнуть семьи родственников...» [Алексеев, Першиц, с. 190].

Ритуал погребения подводит человека к совместному переживанию, со-переживанию утраченных с умершим психических связей. Он заставляет совместно осознать и разделить утраченные бытовые и психические связи между оставшимися потомками. Разделенные между ними, а потому — вновь обретенные связи начинают осознаваться потомками как необходимый атрибут рода, как психический обмен, как психические взаимоотношения.

Третьим фактором, в буквальном смысле обеспечивающим сохранение и развитие психологических отношений, является речь, язык. Возникновение членораздельной речи становится мощным «техническим средством» передачи информации, дальнейшего развития человека, общества и их сознания. Язык и речь продлевают человеческие коммуникативные системы не только за сиюминутную ситуацию, но и позволяют передать для других то, что выходит за пределы чувственного восприятия человека. Человек насыщает групповое взаимодействие психологическими *взаимоотношениями, обменом* этими отношениями. С началом

³⁹ Интериоризация, проявления экстериоризации и первые уроки социальности для пра-человека (как, впрочем, и для нас) происходят не в узком кругу семьи, а в более широкой группе — в роду, сообществе родов, что делает возможным возникновение социальности.

речи человек выходит из животного состояния, еще больше отдаляясь от своей биологической природы для постоянного пребывания в состоянии человеческом — социальном. Слово и стоящие за ним понятия, выступая техническим средством между человеческой психикой и озвучиваемым явлением, рожают в мозгу следующее «техническое средство» — зарождающееся и «становящееся» человеческое сознание, с которого психика «считывает», проявляет и объективирует не чувственные ощущения явления, а само явление, его суть и содержание. Человек вступает на новый — социологический — уровень своего развития и взаимодействия с миром, как только его психика отделяется от самого человека, а он начинает руководствоваться не только чувственными инстинктами, но и сверхчувственными «явлениями вещей», собственными отношениями к этим явлениям — продуктом рефлексии. Психика становится индивидуальной, а психические, зачастую односторонние связи, выражающие частные действия индивида, перерастают в психологические отношения, возникающие во взаимном действии нескольких индивидов, в соотношении их свойств и деятельности. Психическое в буквальном смысле начинает становиться для человека психо-логическим, т.е. знанием о психике своей собственной и других людей, способностью давать оценку психическим связям. Человек приобретает «вторую сигнальную систему», а мир вокруг него многократно множится, приобретает объем и контрасты. Человеческое сознание обретает предвидение, т.е. способность из предшествующих умозаключений и наличного опыта логически создавать образы возможного будущего и стремиться к ним, либо избегать их. Наряду с рефлексией предвидение делает возможным творчество — изобретательство, искусство. Человек впервые соприкасается с новой сферой — сферой духовного труда, обретает новые технические средства освоения мира — рефлексия, самосознание, психологические отношения, сознание. Человек получает возможность сравнить свое собственное поведение с поведением других и дать им оценку, вытекающую не из сравне-

ния сущностей (вещей), а из сопоставления и соотношения их явлений. Иначе говоря, сами психологические отношения становятся источником аксиологических знаний. В человеке зарождается и развивается психологическое не его индивидуальными «креативно-интеллектуальными потугами», а благодаря социализации и интериоризации, благодаря накоплению опыта экстериоризации. А они возможны лишь в групповых взаимоотношениях, и только благодаря процессам групповой идентификации и постижению группового сознания, постижению и освоению созидательности. Овладение речью и письменностью⁴⁰, выход на психологический уровень взаимодействий — революционное событие в развитии человека и социума.

Логическим продолжением развития человека на социологическом уровне его взаимодействий с Миром становится седьмой демографический переход, или «городская революция» (7–5 тыс. л. н.) — повышение роли городов в развитии общества. Дифференциация хозяйственной деятельности, интенсификация производства и товарного обмена влекут за собой изменение профессиональной и социальной структуры населения, образа жизни, культуры, интенсификацию социального обмена между большими, уже социальными группами. Интеграционные процессы приводят к территориальному разделению труда и размещению индустрии, требовавшей в производстве и его обслуживании участия большого количества людей, в городах. К периоду возникновения городов (ок. 3 тыс. л. н.) относится и возникновение металлургии, бронзовых орудий и оружия (5-начало 4 тыс. л. н. [История Др. Востока, с. 382]), строи-

⁴⁰ В последние десятилетия появились публикации с утверждениями, что языку и человеку современного типа более 75–100–150 тыс. и даже 1 млн. лет. Эти рассуждения могут быть разбиты только одним фактом: нет никаких артефактов материальной и духовной культуры, свидетельствующих о проявлениях психологической деятельности человека современного типа. «Говорящий человек» современного типа, не мог «замолкнуть» на долгие 30–60–90 тыс. или даже 1 млн. лет, а потом «вдруг» за «каких-то» 5 тыс. лет пролететь путь от шумерской клинописи на глиняной табличке до табличек, отправленных на ближайшие планеты и в космос.

тельство ирригационных каналов (на рубеже 4–5 тыс. л. н. [История Др. Востока, с. 113] , появление письменности (3,1–2,8 тыс. л. н. [Канева, с. 7]; 4 тыс. л. н. [История Др. Востока, с. 361–362]).

Все это действительно выдвигает следующую потребность социального масштаба взаимодействий — *потребности в организации и регулировании взаимодействий социальных субъектов внутри их совокупности*. Она уже имеет свое документальное оформление в виде первых хозяйственных и правовых документов, регламентировавших сосуществование и совместную деятельность больших коллективов (от 4 тыс. л. н. [История Др. Востока, с. 361]).

Пожалуй, наибольшей социальной эффективности среди мировых социумов к этому времени достигли греческие полисы (города-государства, представлявшие собой немногочисленную от нескольких сотен до тысяч граждан, владеющих землей, служащих в ополчении и наделенных политическими правами). Полис обеспечивал создание рациональной экономики, функционирование социальной жизни, демократические формы управления, достижения в культуре. Основав в VIII–VI вв. до н.э. многочисленные колонии в Сицилии и южной Италии, на черноморском побережье, на побережье Сирии, в Египте и Ливии, греки смогли мобилизовать сырьевые ресурсы многих областей Средиземноморья и использовать их для создания рациональной экономики, решения социальных проблем и создания новой культуры. К концу VI в. до н. э. полисный строй утвердился и многочисленные греческие города вступили в полосу своего высшего расцвета [Гвоздева, с. 15].

«...Этап данной стадии протекания межгрупповых отношений связан с проблемой превращения социально-психологических *общностей в организации*» [Сушков, 1999, с. 245]. А суть организации — создание всех необходимых границ: пространственных, законодательных, культурных, социальных. Регламентируются действия, создаются запреты на определенные идеи, создаются системы идеологических мер, регулирующих единство соответствующих соци-

альных систем. «Власть» начинает проявлять власть, выступая на переднем плане деятельности социальных субъектов; ее функции начинают разделяться в соответствии с дифференциацией деятельности сообществ. Этому послужил не только переход к металлическим орудиям и регулярное получение избыточного («прибавочного») продукта, но и дальнейшее развитие производящего хозяйства, и интенсификация обмена [Алексеев, Першиц, с. 248]. По мере вычленения властных функций, система управления социумом начинает институционализироваться, получать структуру, а аппарат принуждения — превращаться в государство. Фазовый переход от общинной первобытности начинается с организации больших хозяйств, создающихся либо для поддержания культа местного божества, либо для содержания вождя с его окружением⁴¹ [Дьяконов, 2007, с. 27]. Совершенствование технологий и орудий труда привело к очередному демографическому взрыву (к 2 тыс. лет до н.э. — свыше 50 млн. человек) и обострению конкуренции за плодородные земли и животноводческие угодья, к возникновению крупных человеческих агломераций. К началу 1 тыс. лет до н.э. развитие технологий вытесняет дорогостоящее и тяжелое бронзовое оружие железным, более дешевым, легким и прочным, что позволяет иметь массовые профессиональные армии. В результате войны сделались чрезвычайно кровопролитными, и это, при сохранении прежних ценностей и норм, грозило новым техно-гуманитарным крахом.

Мифологическое мышление, тотемизм и язычество, являвшиеся основой авторитарных взаимодействий, постепенно дополняются мышлением критическим, человек расширяет и дополняет свою ментальную сферу социальными нормами и ценностями, представлением о добре и зле, о необходимом, достаточном, предпочтительном и «бесовском» или «дьявольском». Элементы тотемизма или богобоязни начинают дополняться индивидуальным самоконтролем — совестью, а олимпийские громовержцы и небожители по-

⁴¹ Это — уже отчетливое начало деления общества на два класса — «элиту» и «всех прочих».

степенно вытесняются личностью как суверенным носителем свободного выбора. «Древность продолжалась до тех пор, пока существовал класс свободных общинников, обладавших гражданским полноправием, не включенных в... феодально-эксплуатируемый класс. ...Переход к феодальному способу производства заключался не столько в отмене рабства, сколько в отмене свободы» [История Др. мира, ТЗ, с. 10]. Человек начинает осознавать собственную ценность, противоречия социологического уровня развития начинают проявлять новые потребности человека — *потребности в стабильной, обоснованной самооценке, в самоуважении или чувстве собственного достоинства и в уважении окружающих, т.е. в достижении компетентности, адекватности и мастерства, в уверенности перед лицом внешнего мира, в независимости и свободе, в личной ответственности за собственное развитие.*

Даже один факт высокой концентрации населения должен был повлиять на социальную и культурную структуры социума. *Седьмой период человеческой истории.* На рубеже VII–V вв. до н.э. происходит своеобразная «культурная революция» или «революция Осевого времени». Невозможно не заметить, что практически одновременно и повсеместно в развитых, но относительно обособленных центрах человеческой эволюции возникают мыслители, военные и государственные мужи, положившие начало преобразованию не только межындивидуальных и межгрупповых отношений, но и внутреннего — культурного мира человека. Заратустра (между X и 1-й пол. VI вв. до н.э.), Ашшурбанипал (ок. 660–627 до н.э.) — в Азии; Сиддхартхе Гаутаме (Будда, ок. 623–544 до н.э.) — в Индии; Гераклит (ок. 550–480 до н.э.), Парменид⁴² (ок. 515–445 до н.э.) — в Греции; Ли Эр (Лао Лай-цзы, род. в 604 до н.э.), Кун-цзы (Конфуций, ок. 551–479 до н.э.) — в Китае. Религия и философия — как атрибуты развивающейся культуры — возникают также практически повсеместно и одновременно. Расширяется

⁴² С Парменида «началась философия в собственном смысле этого слова» (Гегель).

социальный обмен, обретаются зачатки общесоциальной культуры, а значит — и социальных ценностей и социального сознания. Возрастает накопление опыта межсубъектных взаимодействий, развитие ценностных межличностных представлений, формирование сознания и его высшего проявления — совести, а значит — растёт способность не только к чувственному, но и к аналитическому мышлению. Изменились цели и методы ведения войны: количество жертв перестало служить мерилем боевого мастерства и предметом похвалы. Духовная революция Осевого времени сгладила опасный разрыв между новой технологической мощью и качеством прежних механизмов сдерживания. Она углубила и обогатила групповое сознание новыми социальными стереотипами и представлениями, уменьшила варварство в регулировании взаимодействия социальных субъектов, вывела на новый уровень развитие социальной структуры⁴³.

Не является ли Революция Осевого времени, да и само возникновение религии, свидетельством глобальной исторической попытки поработанного уже человека поставить себя в центр исторического развития социума, взять на себя ответственность за это развитие, стать его субъектом? Думаю, недаром политики твердят о «человеческих ценностях», теряя из виду человека, а религия имеет в виду *человеческую ценность*. То, что религия (не тотемизм, не язычество и шаманство, а интеллектуальная религия) пришла в Русь на 10 веков позже Европы — не является ли свидетельством того, что древние племена и народы, населявшие нынешние огромные российские территории, жили в более свободных и справедливых отношениях с Природой на 10 веков *дольше*

⁴³ Указанные стадии, хотя и с хронологическим отставанием, успели пройти также изолированно развивавшиеся культуры Америки. Имеются свидетельства того, что появление европейских завоевателей застало передовые общества обоих американских континентов в состоянии глубокого кризиса и в преддверии духовной революции аналогичной Осевому времени. Аборигены же другого изолированно развивавшегося континента — Австралии — сохранили образ жизни, культуру и психологию палеолита, не успев пережить верхнепалеолитического кризиса, неолитической революции и т.д.

западноевропейцев? И не значит ли, что в этом теперь — их главное конкурентное преимущество среди земных социумов? Иначе, если мы стремимся следовать траектории развития западной цивилизации, ждать и догонять нам осталось недолго — «всего-то» десять веков.

Снова в четвертом — социологическом — круге развития человек накапливает опыт групповых взаимоотношений в социальном обмене, опыт социальных отношений в регулировании взаимодействий социальных субъектов и лишь потом замыкает этот виток спирали, возвращаясь к индивидуальным потребностям собственной компетентности. Цикл освоения человеком социологического уровня его бытия в групповом, социальном и индивидуальном масштабах завершился, человек включил его в индивидуальную, групповую и социальную пространственно-временные и сущностные структуры бытия.

Социальный уровень. Повсеместный пышный блеск «элиты» на фоне повсеместного ужасного существования рабов вечно длиться не мог: человек уже постиг социологический уровень взаимоотношений. И даже «справедливые» отношения патрициев и плебеев уже угнетали, фрустрировали потребности развивающегося человека. На рубеже IV–VII вв. н.э. в Европе началось “переселение народов”, приведшее к крушению Римской империи. В нападениях варварских военно-племенных союзов на Римскую империю вместе с германскими племенами приняли участие и племена, продвинувшиеся в Среднюю Европу под давлением гуннов с востока. «Потомки скифов аланы вместе с вандалами и свевами во второй половине 4 — начале 5 веков совершили грандиозное переселение из Средней Азии в Испанию и Северную Африку. Многие европейские народы оказались сдвинутыми с места и начали переселяться, тесня соседей» [История Др. мира, Т3, с. 261]. Север Европы — это нападения язычников-викингов на Англию, Шотландию, Ирландию. В результате переселения народов на всей территории Западной Римской империи возникли варварские государства вандалов, готов, франков, бургундцев. Пришли в дви-

жение другие племена, резко увеличилось количество военных конфликтов, смешение племен, противостояние веры и язычества. Все предвещало упадок и длительное катастрофическое существование европейского социума при его детерминации только внешними обстоятельствами. Переселение народов⁴⁴, сочетавшееся с крупными восстаниями и народными движениями во многих странах Европы, не прекращалось на протяжении длительного периода средневековья в V–IX вв.

Фактически этот период предопределил позднейшую религиозную и политическую систему взаимоотношений в Европе. Культура и искусство «темных веков» переживали упадок, начался сложный процесс взаимопроникновения античной культуры и культуры варварских народов. Эпоха крестовых походов XI–XIII вв., непрекращающиеся набеги варварских европейских и тюркских племен — все это приводило к феодальной раздробленности, упадку хозяйства, морали, культуры. Голод, эпидемии, постоянная угроза безопасности, невозможность даже относительного удовлетворения базовых потребностей наносят психике человека и социума жестокий удар.

Восьмой период человеческой истории начался на рубеже V–VII вв., когда практически одновременно оформляются относительно обособленные и централизованные крупные государства — Византийская империя, отделившаяся (в конце IV в.) от Римской империи — в Европе. В Азии — Китай с успешной внутренней и внешней политической династии Тан, Япония после объединения и реформ императора Котоку, Арабский халифат. Достигают апогея поселения и города-государства майя в Америке. Население Земли к V в. н.э. достигает численности 130–150 млн. человек. Интересно, что именно к этому периоду относит-

⁴⁴ Чрезвычайно интересным представляется объективное исследование «переселения народов» с точки зрения переселяющихся «варваров». Вероятно, в причинах такого переселения непредвзятый исследователь отметит фрустрацию базовых индивидуальных и социальных потребностей «варваров».

ся расцвет мировых религий. Христианство к VI–VII вв. распространяется далеко за границы прежней Римской империи⁴⁵. Буддизм возник в Индии в VI–V вв. до н.э., а к середине I тыс. н.э. распространился в Юго-Восточной и Центральной Азии, отчасти в Средней Азии и Сибири. Ислам, возникший в Аравии в VII в., послужил созданию теократического Арабского халифата (VII–IX вв.) и в результате арабских завоеваний распространился на Ближнем и Среднем Востоке, а затем в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки. Все эти три мировые религии рано или поздно становятся религиями государственными, а многие государства — теократическими. Это усиливало и власть, и церковь, их взаимное «элитарное» влияние на индивидуальное и групповое поведение и психологию, способствовало единению и сохранению социальных структур. Военные завоевания и походы, географические открытия, торговля резко расширяют хозяйственный и культурный обмен в социуме. Экстенсивный рост индустрии и сельского хозяйства начинает отставать от бурного роста численности людей, подбиравшейся к XV веку н.э. к 1 млрд. человек. Проявляются все признаки очередного эволюционного тупика. В XIV в. чума погубила более трети населения Западной Европы, но не переломила сложившуюся тенденцию. Вновь техно-гуманитарный кризис. “Внутреннее” — сознание, творческая направленность человека, уже познавшего социологический уровень взаимодействий, и его групповые, социальные и индивидуальные потребности, долго терпеть этого не могли. Постепенно вырабатывались механизмы, обеспечивающие расширенное воспроизводство, и гарантирующие от произвольного имперского вмешательства. Ими явились системы независимых самоуправляемых городов внутри целостной империи [Дьяконов, 2007, с. 52]. Потребностью социального уровня взаимодействий в групповом масштабе становится *саморе-*

⁴⁵ Пятикнижие создано в IX–V вв. до н.э., христианство как религия возникло в I в. н.э. и вплоть до конца Римской империи распространялось преимущественно в ее пределах.

гулирование взаимоотношений групп и их корректировка на основе возникновения или создания новых категорий или корректировки группового сознания. Социологические группы, вырастая и накапливая опыт межгрупповых отношений, создают новые социальные стереотипы и представления, устанавливают новые границы социальных групп, новые границы их взаимодействий, и новые межгрупповые стратегии.

Наиболее показательной и поучительной для *девятого периода человеческой истории (XIV–XVI вв.)* оказывается история Европы⁴⁶. Эпоха Возрождения (XIII–XVI вв.), начавшаяся спонтанно и повсеместно в Европе, ознаменовалась укреплением экономических и общественных вольностей городов. Духовное брожение привело в итоге к Реформации и Контрреформации, Крестьянской войне в Германии. Начала формироваться абсолютистская монархия (наиболее масштабная — во Франции). Географические открытия, изобретение европейского книгопечатания, открытие гелиоцентрической системы в космологии, развитие философии, математики, физики, медицины, металлургии и пр., бесценный опыт межкультурных взаимодействий “темных веков”, привели к культурному и научному “взрыву”. Локомотивом развития мировой цивилизации становится Европа. Тот же путь прошла и Россия. К сожалению, этой российской истории нас “учат” гораздо меньше, чем истории Средних веков или Возрождению.

⁴⁶ Первые города возникают в Малой и Средней Азии (4–2 тыс. л. до н.э.), первая письменность и система счисления в Азии (Шумер, ок. 3 тыс. л. до н.э.), папирус и первые школы — в Египте, астрология — в древней Месопотамии, ирригационные сооружения — на Ближнем и Среднем Востоке. Все предрасполагало к тому, что именно этот центр древнейшей цивилизации станет локомотивом развития мирового социума. Но если посмотреть на историю через призму психики социальных субъектов и человека, то, вероятно, относительная замкнутость и степенность развития династических азиатских и дальневосточных цивилизаций, относительная замкнутость и количественная ограниченность культуры майя приводили к этой степенности и неторопливости. Базовые потребности социальных субъектов и человека были относительно удовлетворены, а внешние обстоятельства и опыт межкультурных взаимодействий подсказывали: должно быть так, как было раньше.

К XV веку в Западной и Восточной Европе (XI–XVII в.) налицо кризис сельскохозяйственной культуры с бесконтрольным экстенсивным ростом, повсеместной вырубкой лесов, разрушением экосистем, массовыми смертоносными эпидемиями. Экстенсивное развитие сельскохозяйственных технологий обернулось очередным эволюционным тупиком, как задолго до того — развитие охотничьих технологий. В течение XVI–XVIII вв. постепенно распространяются идеи демократии, гуманизма, возрастает социальное осознание ценности самого человека и его жизни. Дифференциация хозяйственной деятельности человека, миграция и демографический рост при экстенсивном хозяйствовании и сопутствующие этому экологические кризисы (нарушение экосистем, эпидемии), абсолютизм в межличностных и межсубъектных отношениях вызывает к жизни потребности *обеспечения безопасности и дальнейшего развития социальных структур* и самого человека, дальнейшего насыщения их базовых потребностей.

Десятый период человеческой истории (XVIII в.) или «промышленная революция» характеризуется появлением мануфактурного, а затем и промышленного производства. Превращение ростовщического и ссудного капитала в промышленный капитал, монополизация на этой основе многих видов промышленной и сельскохозяйственной деятельности (при очередном «общественно-экономическом» ограничении свобод человека) обеспечили интенсивное хозяйственное развитие и насыщение базовых потребностей человека, способствовали интеграции не только социологических групп, но и структурных социальных субъектов. Человеческие жизни начинают оцениваться не только по «количеству штыков» или происхождению, но и по вкладу, который человек способен внести в этот общий интегрирующий процесс. Население Земли к 1900 г. достигло 1,6 млрд. человек. «Промышленная революция» дала новый импульс демографическому росту, политическим амбициям правительств, а значит — *стала началом следующего кризиса.*

Десятый период человеческой истории включает в себя множество локальных войн, в центре которых находятся «передовые» державы, и первую мировую войну. Инструментом решения противоречий стали революции, национальные войны, внутренние перевороты, гражданские конфликты, а революционный период XIX в. привел к созданию массовых политических партий современного типа, требовавших социальных изменений. Роль крупных городов, и прежде всего столиц, многократно возросла, они становятся центрами социальной напряженности, а почти все революции XVII-XIX в.в. становятся городскими. Колониальная экспансия европейских держав и борьба за «свободные» территории сыграла приоритетную роль в возникновении первой мировой войны [История Европы, с. 5–6, 12].

И вновь обратим внимание на деятельность «элит». И.М. Дьяконов отмечает, что все социальные революции XVII-XIX в.в. выявляют характерную модель развития: резкая смена общеобязательной идеологии — развязывание агрессии и междоусобного истребления — переход власти к радикальным группам — личная диктатура [Дьяконов, 2007, с. 205]. Огромное ускорение технологического прогресса, побудившее веру в его неограниченные возможности, ознаменовали период тяжелейших войн с нарастающими людскими потерями и материальными разрушениями. Как отмечает И.М.Дьяконов: «поражает, какие тривиальные обстоятельства бывали непосредственными причинами войн XIX — начала XX в.» [Дьяконов, 2007, с. 222]. К концу 1913г. невиданная по разрушительной силе война уже нависла над Землей, но «сил мира» еще не существовало, а весь ужас заключался в том, что эта война всеми сторонами — даже освободительными национальными движениями — задумывалась как *наступательная* [Дьяконов, 2007, с. 242]. «Политики заключали явные и тайные союзы против соседних государств, а среди обывателей усиливалось нетерпеливое ожидание чего-то гипнотически чарующего: то ли «маленькой победоносной войны», то ли «революционной бури». ...На фотографиях, датированных августом

1914 года, мы видим восторженные толпы на улицах Петрограда, Берлина, Парижа и Вены, приветствующие решение своих правительств *об объявлении войны...*». [Назаретян, 2007, с. 80, с. 95]. «После мировых войн... доминантой массового сознания сделался страх перед тотальным ядерным конфликтом. В 50–60 гг. такой конфликт представлялся почти неизбежным, причем считалось, что большая часть человечества погибнет в первые же дни или недели, а оставшиеся вымрут в пораженной радиацией атмосфере [Назаретян, 2004, с. 27]. Насущной потребностью социального уровня взаимодействий в социальном масштабе становится *сохранение и развитие социальной структуры земного социума, выработка границ и норм мирного сосуществования*.

Но одновременно с глобальными социальными процессами параллельно идет и процесс развития человека. Начиная с эпохи Возрождения в геометрической прогрессии растет число блестящих ученых, художников, композиторов, промышленников, государственных и общественных деятелей, осуществляющих свои деятельности «не за страх, а за совесть», удовлетворяя собственные потребности самоактуализации. Одно только перечисление Нобелевских лауреатов за истекшие сто лет займет несколько страниц.

Противоречия развития человека на социальном уровне его взаимодействий порождают новые *потребности* в индивидуальном масштабе. Человек обретает в социальных отношениях систему координат, связующую его не только с другими, с группой, но и с Миром, он обретает в этих отношениях социальную систему ценностей, дающую ему возможность подняться над обыденностью, оценить окружающий мир и себя в нем и принять решение по его преобразованию. С освоением социальных отношений человек обретает и свое место в пространственно-временной структуре окружающего мира, и универсальный инструмент его оценки. Саморегулирование и саморазвитие человека и социума невозможны без аксиологического инструмента, позволяющего сравнивать и выбирать направления своей деятельности. Такое аксиологическое «техническое средство»

в виде системы *социальных ценностей* могло появиться лишь на этом — социальном уровне взаимодействий. Границы группового взаимодействия в рамках рода, племени или городского поселения на психологическом и социологическом уровнях позволяют приспособиться к внешнему миру и совместно выживать в нем, но ограничивают развитие. Интеграционные процессы социального развития человека расширяют границы группового взаимодействия до планетарного социума. Потребность к уменьшению энтропии, потребность собственного дальнейшего развития вместе с Миром приводит человека на социальном уровне к появлению потребностей *быть включенным в общий процесс социального развития, внести свою лепту в развитие социума, достичь независимости, свободы, уверенности и истины, осознать собственную миссию в мире; стать тем, чем человеку позволяют быть его собственный потенциал и сопутствующие социальные обстоятельства.*

Наступил и уже почти пройден очередной цивилизационный кризис — *одинадцатый период человеческой истории или «информационная революция»*. Человечеству понадобились две мировых войны, массовые жертвы ядерных исследований и взрывов, Карибский кризис и многолетнее противостояние «холодной войны» для того, чтобы привести его к обнадеживающим сдвигам в индивидуальном и общественном сознании. Эти сдвиги пока только обнадеживают, но не гарантируют от мировых конфликтов. Геоэкспансия терроризма лишь началась, и мер противостояния ей пока не выработано. Более того, для мировых экономических держав «нетерпеливое ожидание побед» и «поиск умеренно сопротивляющихся врагов» так и остались самоценными и нарастающими — события на Фолклендах, в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии тому подтверждение. Вектор направленности их властной и политической воли, к сожалению, пока расходится с общим вектором эволюции Вселенной. Однако у человека и социологических субъектов пока остается надежда на возможность контроля импульсивных посылов военной, финансовой и террористической

экспансии. Человек завершает освоение социального уровня взаимодействий с Миром в групповом и в социальном масштабе. Человечество приблизилось к завершению социального цикла своего развития. Но групповые, социальные и индивидуальные пространственно-временные и сущностные структуры бытия пока не отразили опыта развития человечества на этом уровне.

Большая часть земного социума лишь подталкивается групповыми и социальными потребностями социального уровня взаимодействий к осознанию социальных потребностей индивидуального масштаба. Пока и сама социальность, благодаря ее главным (пока — главным?) проводникам — властной и хозяйственной «элите», отторгает этого основного социального субъекта — человека — от общего процесса социального развития. Очередная дифференциация человека и его социологических групп приводит к тому, что практически всегда социальное предстает перед современным человеком как «это наше всё», чему способствует и политика социальных и государственных институтов. В этом «всё» уже давно нет места отдельному конкретному человеку, если только он не крупный государственный лидер, не политический функционер или не раскрученная «звезда» пиаровского небосклона. Человек на этом уровне взаимодействий становится отчужденным от общества и его целей. При всех политических экивоках и оговорках фактически здесь «нет людей незаменимых», а человек — лишь винтик социального механизма, — таковы нынешние реалии социальных отношений. Поэтому сапиентальные чувства и сапиентальные чувственные данные большей части «нас» воспринимают «их» как ницшеанские «гнезда чиновников», «центры власти», «центры денег» или «центры криминала», каждый из которых стремится к выражению и удовлетворению своей собственной воли. К этому есть и объективные предпосылки. Вероятно, важнейшей из них является та, что род Ното пока *не готов* к взаимодействиям на социальном уровне и совместному рачительному и продуктивному пользованию социальными отношениями. Он

только пытается овладеть этим пространством. Дальнейшее развитие человека, специализация его деятельности закономерно приводят, с одной стороны — к интеграции социологических групп в более крупные социальные образования, а с другой — к дифференциации самих социологических групп по деятельности и размерам.

На социальном уровне взаимодействий дифференциация социальных функций социологических групп приводит к их дроблению до уровня отдельных семей, а интеграционные процессы и специализация хозяйственных деятельности социологических групп выводит их взаимодействия далеко за рамки отдельных народов и даже государств. Здесь психологическое единство социологического уровня дополняется интегрирующей специализацией и обменом деятельностью, но масштаб этих деятельности теряет отдельного человека, его взаимоотношения и взаимообмен с окружающим уже не заметен социуму. Специализация деятельности приводит к усложнению самой социальной системы, ее структуры, к дальнейшему развитию многочисленных связей и отношений между группами, нового качества человека — социальности. Развитие социальной системы теперь направляется социальным требованием преобразования окружающего мира. К вящему сожалению, социальные структуры забыли о существовании такой малости, как отдельный человек.

Следствием постепенного накопления малых изменений «в практике взаимоотношений групп являются *межгрупповые конфликты, завершающиеся, как правило, кардинальным изменением принципов межгруппового обмена*. ...Как правило, этап разрешения конфликта завершается перестройкой взаимоотношений групп *вплоть до смены принципа устройства системы*» [Сушков, 1999, с. 248–249].

Очередными потребностями социального уровня взаимодействий в групповом масштабе становятся *потребности корректировки и модернизации категоризационной структуры группы и человека, модернизации группового и индивидуального сознания на основе нового осмысления групповых ценностей, вплоть до межгрупповых конфликтов*.

Как правильно отмечает И. Сушков, несправедливые взаимоотношения социологических и социальных групп направляют их усилия на перестройку принципа устройства системы. *Бесконфликтное будущее нам не грозит?*

Патологический феномен современного человека сводится к тому, что сознание и разум предоставляют ему свободу выбора своего дальнейшего развития на основании оценки. Но, то ли от недостатка знаний, то ли в поисках покоя и собственной выгоды, человек страшится ответственности за выбор, отказывается от мирного разрешения конфликта, усугубляя его последствия, и мешая другим проявлять то, что заложено в них Природой. Человек не использует свою свободу, нарушая границы незыблемых законов Природы и *нанося вред себе*. Насущной потребностью социума остается освоение новых пространств бытия. Пока можно только предполагать, куда пойдет его развитие дальше, но без удовлетворения этой насущной потребности человечество может и не увидеть дальнейшего горизонта собственного развития.

В приведенном выше «филогенетически-хронологическом» изложении периодов человеческой истории ясно прослеживается, во-первых, степенной рост численности человечества, во-вторых, степенное сокращение продолжительности периодов и циклов их развития на том или ином уровне взаимодействий, в-третьих, вначале — прогрессивная, а затем — переходящая в тормозящую и даже реакционную — деятельность «элиты» социумов⁴⁷. Уже продолжительность полного цикла, не говоря об отдельных системных изменениях, приближается к продолжительности жизни человека! Невозможно ничего (кроме комментариев) добавить в ис-

⁴⁷ Изучение первоисточников наталкивает на такую мысль. Осознание представленной выше этапности развития и удовлетворения индивидуально-социальных потребностей человека по понятным причинам свойственно вначале «элите» социумов, а лишь затем — остальным. Чаще такое осознание происходит на эмоционально-интуитивном уровне, значительно реже — на уровне научных знаний. «Средне-статистический» индивид любого социума в значительной мере лишен такой возможности в связи с результатами деятельности «элиты».

следование надвигающегося демографического перехода, выполненное профессором С.П. Капицей. Отметим это особо: исследование выполнено методами и средствами математики. Проанализировав рост населения Земли с системных позиций, осмыслив его с точки зрения исторической и демографической, он указывает, что социум — это единая структура, к которой неприменим редукционистский подход. Он живет, развивается и взаимодействует по определенным законам (социальной природы?), и явления, происходящие в нем, носят не элементарный, а феноменологический, обобщающий характер. Они не допускают «простого суммирования линейных причинно-следственных связей, наивного перехода от частного к общему. Альтернативой может быть только последовательно системный подход, когда все население Земли рассматривается как эволюционирующая и самоорганизующаяся система, существенно нелинейная в своем поведении. ...*Ни чередование лидирующих этносов, ни даже чередование биологических видов не отменяло преемственность долгосрочных изменений материальной и духовной культуры*» [Капица, 2000, с. 85–106].

Не биологические виды Номо порождали материальную и духовную культуру, а сама природа этих видов, подталкивая их во все места спинных частей, заставляла человека последовательно удовлетворять собственные групповые, социальные и индивидуальные потребности, среди которых — и материальные, и биологические и социальные, и духовные явления сущностей человеческого Бытия.

Скажем более определенно: природные потребности человека, последовательно развиваясь от физического уровня его взаимодействий к более высоким, изменяя масштаб их проявления от группового к социальному и индивидуальному, являются базой и основным мотиватором возникновения и материальной, и духовной культуры социума.

Недавнее сообщение (если только это не очередные «жареные факты» или свидетельства «палеоконтактов») о находке в Америке в золотоносных шахтах артефактов, относящихся к разумной деятельности и имеющих возраст 55

млн. лет (время существования динозавров!), наталкивает на мысль, что возможно филогенез разумных существ начинался раньше неоднократно, и уже заходил в тупик, прерываясь не однажды. Но законы Природы и природные же потребности выводили филу «разумных» из забвения. Стоит ли еще раз испытывать на прочность это высокое звание?

С.П. Капица приходит к выводу, что человечество уже стоит на пороге *двенадцатого периода человеческой истории — демографического перехода*, затрагивающего не отдельные страны, а весь мир единым образом, и означающего стабилизацию численности населения Земли на уровне 11–12 млрд. человек в течение XXI века, а также *переход к новой парадигме собственного развития*. Он указывает, что среднее время человека можно определить в 40–45 лет. Среднее же время изменений системных явлений внешнего мира приблизилось к 6–10 годам и продолжает уменьшаться. Человек становится неспособным постигать эти изменения, происходящие в мире. С.П. Капица пишет: «... по-видимому, разум человечества... натолкнулся на какой-то предел возможностей самого человека, и потому происходит изменение парадигмы нашего развития и в России, и в мире... Мне кажется, что... демографический императив играет ведущую роль в решении глобальных проблем. Ибо оказывается, что не ресурсы — энергетические, экологические, сырьевые — лимитируют развитие человечества, а его собственная внутренняя природа... На самом деле корни лежат в самой природе человека, которая внезапно уперлась во внутренний предел своего развития» [Капица, 2000, Вестник, с. 191].

Очередным «пределом развития», «демографическим переходом» или новым нарушением «техно-гуманитарного баланса» и следующим периодом человеческой истории становятся: тормозящая социальная деятельность «элит», избыточное потребление и нарушение пределов необходимого и достаточного, неоправданные надежды на научно-технологическое всеисие и «нано-развитие». И если правы в своих «гипотетических» выводах С.П.Капица — о внутрен-

нем пределе человеческой природы, В.Иноземцев — о «расколе современной цивилизации» на основе «информационно- и наукоемкого производства идей», то все это (пока — так же гипотетически) может привести к тому, что не только наука и технологии, но и властно-распределительные функции в утилитарном их восприятии будут требовать все более и более молодых людей, которые в силу возраста и необходимого и достаточного времени не смогут приобрести соответствующей социальности, и впору станет говорить о ювенальной «власти» и ювенальной «элите».

Заканчивается очередной — 11-й, конфликтный период нашей истории, принесший множество социальных катаклизмов человеческой цивилизации. Она уже вступила на наших глазах на порог нового демографического перехода. Физически ощущается идеологическое и психологическое противостояние не только «пранародов» и «феллахов» с «культурными народами» [Шпенглер, с. 869–908] и нациями, но и противостояние идеологий внутри наций. Физически ощущается снобистское, высокомерное отношение «высших» к «низшим», наций к пранародам и «феллахам», «элиты» к «прочим смертным». Ежедневно новостные блоки изобилуют информацией о конфликтах, истоки которых лежат не в Природе, а в человеческой психике и человеческих отношениях. Конфликты эти порождены прежней нерациональной деятельностью людей — как с той, так и с другой стороны. Ни человеческие группы из пранародов и «феллахов», ни человеческие группы из «цивилизаций(?)» пока не собираются делать шаги навстречу друг другу. Скорость приближения очередного демографического кризиса нарастает ежедневно, и сможет ли вскоре та или иная сторона контролировать ход и исход этого очередного конфликтного кризиса?

То, что ученые называют кризисами или демографическими переходами в развитии социума, есть переходы от одного цикла развития этой самоорганизующейся системы к следующему циклу ее развития. Этот кризис — перелом в устоявшейся обыденности — почти гарантированно приводил к конфликтным обострениям во взаимодействиях

отдельных людей, социологических и социальных групп, целых государств, к конфликтному разрешению возникающих противоречий. Эти кризисы почти всегда сопровождались трагедиями, войнами, уменьшающими население. Эти кризисы — до сих пор были средством и конечным пунктом разрешения очередных, постепенно нарастающих диалектических противоречий между существующими социальными обстоятельствами и потребностями человека и его групп, задаваемыми общим вектором развития Вселенной. Но из этого соображения следует: «хорошо» (т.е. необходимо и достаточно) все то, что помогает направлять и удерживать социальное и индивидуальное развитие в этом общем векторе развития Вселенной. И прав оказывается Маслоу: «Человек демонстрирует, что в самой его природе заложено стремление к более полноценному Бытию и более полному осуществлению его человеческих качеств в том самом натуралистическом, научном смысле, в котором желудь «стремится» стать дубом, а всякое животное «стремится» развить в себе все присущие его породе качества. О человеке никак нельзя сказать, что окружающая среда придает ему форму человека или учит его быть человеком. Роль окружающей среды состоит исключительно в том, чтобы позволить (или помешать) ему осуществить его потенциальные возможности, а не потенциальные возможности окружающей среды. ...Творчество, спонтанность, самостоятельность, способность любить, стремление к истине присущи роду человеческому как потенциальные возможности, так же, как присущи ему руки, ноги, мозг и глаза» [Маслоу, 2003, с. 101].

Описывать отдаленное будущее человечества — неблагоприятное занятие, находящееся между футурологией и нумерологией, астрологией и фантастикой. Для личной и социальной озабоченности вполне достаточны выводы С.П. Капицы: предстоящий демографический переход затронет десятую часть человечества, когда-либо существовавшего на Земле (т.е. около 10 млрд. человек). Отметим только: существуют оценки численности роста населения Земли, по которым 12-й демографический переход будет отмечен

достижением пика численности населения в 11–12 млрд. человек, а затем возможно *некоторое* (!) его снижение до уровня 6–8 млрд. человек (т.е. почти вдвое). Будет ли это вызвано глобальной тенденцией снижения рождаемости в государствах-аутсайдерах при достижении ими уровня насыщения дефицитарных потребностей, будет ли это последствием глобальных социальных катаклизмов — *неизвестно...*

Поэтому именно сюда должны быть сегодня направлены основные социальные силы и интересы, инновационные усилия социума. Человеку лишь предстоит понять, что органически присущим ему качеством является необходимость постижения своих возможностей, собственного предназначения, духовного роста, самоотверженность, солидарность с другими людьми, доверие к ним и забота о них. Только на этом пути может произойти полное раскрытие возможностей каждого человека, реализация всех возможностей социума, соблюдающего законы Природы. Только этот путь даст возможность выживания и развития человечества на перекрестках вероятных направлений развития Вселенной.

Так что же делать человеку?

Развитие вида Ното представляет собой жесткую, иерархически организованную “филогенетическую пирамиду” становления, направляемую его потребностями. Развитие человека в онтогенезе повторяет эту “филогенетическую” иерархию, что вполне очевидно связано с эволюционными процессами рода Ното и сформулировано человеком в соответствующем биологическом законе. Усложнение материальной структуры живой материи и ее внутренний структурный рост с каждым новым уровнем взаимодействия закономерно приводит к возрастанию “необходимых и достаточных” условий, обеспечивающих ее дальнейшее развитие. Эта закономерность сформулирована философией в законе возвышения потребностей. Эволюция человека направлена на овладение⁴⁸ новыми пространствами бытия.

⁴⁸ Этот термин в данном контексте следует понимать не как «обладание» или «присвоение», но как «освоение», «изучение», «бережное владение и рачительное пользование».

С развитием человека постоянно расширяется его единая пространственно-временная и сущностная структура, в которой человек взаимодействует с внешним миром и постигает бытие. Часть этого вновь освоенного внешнего мира, попадая на каждом новом уровне в границы взаимодействий, становится внутренней *сущностью* человека, вовлекается в его внутреннюю индивидуальную и надындивидуальную сферы. Человек, оставаясь целостной системой, продолжает свой духовный рост, не прибавляя к себе внешние части мира, а развивая и открывая *внутри* себя новые свойства, потребности и возможности.

В свете сумятицы хронологических датировок антропологических находок и их классификации достаточно очевидным является и то, что не «материальный» антропогенез, не усложнение биологических и физиологических структур, а идущий параллельно с ним внутренний рост «духовного» сознания и его атрибутов — рефлексии и трансценденции становится главным фактором развития человека, выводящим его на все новые уровни взаимодействия с Миром.

Читатель, знакомый «вскользь» с «пирамидой Маслоу» или прочитавший «по диагонали», как впервые и автор этих строк, «кое-что о Маслоу» скорее всего может заявить: «Я знаю, куда клонит этот парнишка, только у него ничего не получится: маркетологи, менеджеры по персоналу, и даже психологи критикуют Маслоу; не подтверждаются практикой его теории, увы, не подтверждаются».

Давайте разберемся.

Во-первых, описывая взаимодействия человека на разных уровнях, я намеренно старался использовать формулировку индивидуальных потребностей на каждом уровне взаимодействий в терминологии очень близкой к терминологии Маслоу: она объективно отражает действительность, а проявление этих потребностей человеком выявлено Маслоу и его последователями в эмпирических исследованиях. Другие дополнения в названии этих потребностей являются лишь терминологическими вариантами. Вся теория личности Маслоу, естественно, говорит о проявлении толь-

ко индивидуальных потребностей, хотя Маслоу постоянно подчеркивает мысль, что их формирование, становление, наполнение и удовлетворение зависят от окружения, общества и сопутствующих условий не меньше, чем от самого человека. Начиная с биологического уровня взаимодействий эти потребности проявляются человеком индивидуально, но формируются и наполняются им смыслом в окружении, в группе и социуме и носят групповой и социальный характер, поскольку присущи **всем** индивидам. Что касается потребностей группового и социального масштабов, то их терминология в основном заимствована из работы И. Сушкова [Сушков, 1999], а возникновение и проявление этих потребностей также исследованы и обоснованы автором результатами эмпирических и теоретических исследований. Надуманными или «высосанными из пальца» ни групповые, ни социальные, ни индивидуальные потребности уже не назовешь.

Во-вторых, вряд ли у кого-то могут возникнуть принципиальные возражения по изложенной нами историческо-филогенетической картине становления человека. Можно уточнять частности, формулировки или даты, нужно уточнять социальные факты, но этапы взаимодействий человека и этапы социального взаимообмена на разных уровнях и в разных масштабах проявлений от этого не изменятся.

А вот дальше мы должны развеять сомнения по следующим вопросам:

1. Если в наши рассуждения заложены неверные основания, то и все наши рассуждения не верны. Другими словами, докажи, что теория Маслоу работает.

2. Если все так красиво, как следует из нарисованной картины филогенеза, то мы очень скоро должны жить «у Христа за пазухой», слившись в «едином порыве» к освоению новых пространств Бытия, но объективная реальность свидетельствует о другом. Почему?

3. Исследования, проведенные И. Сушковым в наше время, вряд ли можно распространить на весь многомиллионнолетний филогенез человека. Тем более, что сам автор го-

ворит об исследовании психологии взаимоотношений групп в социальной системе, а не в стадах австралопитеков.

Другими словами, образ человека, вырисовавшийся из приведенной картины филогенеза, человека, стремящегося к самоактуализации и реализации собственной миссии в Мире, самоотверженного, думающего и заботящегося о других, никак даже не соприкасается с той действительностью, в которой живем сегодня мы — свидетели крайней точки филогенеза, подошедшие к демографическому переходу, и контактирующие ежедневно с такими человеческими «монстрами»...

Либо автор, мягко говоря, не совсем прав, передергивая и притягивая факты за уши, либо он не понимает, о чем говорит.

Ну что же, посвятим следующие главы ответу на заданные нами вопросы.

Только одно совершенно необходимое замечание к психологическому уровню развития человека. В уже освоенной человеком пространственно-временной и сущностной структуре бытия существует порог, отделяющий внутреннее, индивидуальное бытие человека от бытия внешнего, надындивидуального. Этот порог обусловлен разницей между нервно-психическим и психологическим в человеке. Это порог, разделяющий постоянные нервно-физиологические и нервно-психические связи «первосигнального уровня» от временных, по В.Н. Мясичеву [Мясичев], «второсигнальных» связей — психических отношений. Это тот порог, который мы определили ранее как, во-первых, грань между «биологией» и «психологией» в человеке, во-вторых, моментом отчуждения человека от природы, и в-третьих, как периодом овладения человеком языком и речью.

Э. Фромм, анализируя понятие «удовольствие» в связи с удовлетворением потребностей, вводит понятия «психологическая недостаточность» и «психологическая избыточность» и связывает эти понятия с продуктивностью человека, позволяющей ему преобразовывать себя и внешний мир. Физиологически обусловленные потребности (голод, сон и

пр.) вызывают болезненное напряжение и дискомфорт. Такое же состояние психики вызывается и иррациональными желаниями, не являющимися формой выражения каких-либо телесных потребностей, например, страстное желание славы, господства, или, наоборот, подчинения, враждебности или ревности. Фромм говорит, что эти иррациональные желания коренятся в структуре характера человека и почвой для их возникновения служат различные извращения и нездоровые изменения, наблюдающиеся у человека и связанные с дисфункцией психической сферы. И физиологически обусловленные потребности, и иррациональные желания Фромм относит к сфере психологической недостаточности. Это сфера непродуктивная. Здесь нет стремления к воспроизводству. Здесь человек лишь снимает психо-физиологические напряжения и дискомфорт, лишь обеспечивает «приятные» условия поддержания жизни, достигая гомеостаза.

Сфера психологической избыточности — это сфера продуктивности, внутренней активности, гетеростаза. «Но эта сфера, — говорит Фромм, — существует лишь там, где человеку не приходится работать ради хлеба насущного⁴⁹, на что он затрачивает большую часть своей энергии. Эволюция человечества характеризуется постоянным расширением этой сферы избыточности,... благодаря которому человек достигал гораздо большего, чем просто необходимого жизнеобеспечения.... Радость — это достижение, она предполагает внутреннее усилие, усилие продуктивной активности. Счастье — не дар богов, а создается усилиями собственной внутренней продуктивности... <они> спутники всякой продуктивной деятельности: в сфере мышления, чувств или поступков» [Фромм, 1998, с. 195–197].

Физический и биологический уровни взаимодействия живой материи ограничиваются жесткими рамками необхо-

⁴⁹ Сравните с теорией личности А. Маслоу: труд «ради хлеба насущного» — это лишь стремление к удовлетворению физиологических потребностей. Без их удовлетворения потребности следующих уровней для человека не актуальны. И не вина, а беда человека, вынужденного социальными обстоятельствами прозябать в нищете.

димого и достаточного, реализуемого по законам действия прямых связей. Овладение пространством психологического бытия и субъективной системой ценностей отчуждает человека от природы, уменьшает действие естественного отбора, а для человека открывает возможность произвольно обращаться с рамками необходимого и достаточного. Человек овладевает способностью проецировать свою жизнь в прошлое и будущее, теперь он может ставить перед собой личные или групповые цели, изобретать «технические средства» и овладевать ими. Но именно благодаря этому человек способен временно переступать жесткие границы действия законов Природы, произвольно обращаться с закономерностями психологического уровня и этим произвольно или непроизвольно вмешивается в естественный отбор, нарушает стройность и «справедливость» его хода.

Именно на этом психологическом уровне «властная элита», в абсолютном большинстве своем пользующаяся «социальными лифтами» в самых разных формах — от «кумовства» до прямой коррупции или политических подкупов и убийств⁵⁰, не освоившая поэтому опыт групповой идентификации и группового сознания, не овладевшая потребностями в принадлежности и любви, превращает народы и нации в «феллахов», ассимилирующихся с пранародами или другими нациями, либо в «табаки и бандерлогов», хватающих свою долю ренты и бегущих к другим «феллахам» или «цивилизациям». Всеобщее отсутствие действенного опыта психологических взаимодействий в групповом, социальном и индивидуальном масштабах как раз и приводит к тому,

⁵⁰ Поэтому и существуют до сих пор и относительно эффективные двухпартийные оппозиционные системы (например, в США), и абсолютно неэффективные «анти-оппозиционные» многопартийные «общественные кормушки». Поэтому есть элитные «семейства кеннеди» и «элитарные» «семейства бушей», поэтому есть де-голлы и есть саркози, поэтому «элита» ЕЭС никак не может договориться о принципах и путях спасения ЕЭС, а искоренение коррупции — невозможно даже в самых «демократических» странах; речь может идти лишь о ее «приемлемом уровне». Олигархия — как «власть немногих» определяет и ее замкнутость, и авторитарные отношения с обществом, и ее коррупционность — экономическую, политическую или психологическую и социальную.

что узурпируется и власть («властной элитой»), и распределение ресурсов («бизнес-элитой» под началом «власти»), а в групповом сознании зреет и разрастается «бог ужаса, который обитает в душе» [Юнг].

Противоречия, возникавшие во взаимодействии человека с Миром, порождали на каждом уровне свои потребности. На острие этих противоречий всегда находились понастоящему элитные (передовые, творческие, авторитарные или самоотверженные и заинтересованные, волюнтаристы или вовсе — ботаники) индивиды, произвольно или непроизвольно прозревавшие или интуитивно отыскивавшие объективно необходимые пути дальнейшего развития человека, которые позволяли удовлетворять зарождавшиеся и развивающиеся человеческие потребности. Это не выступления современного «креативного класса», измышляющего «из себя» зрелища и действия на потеху «социальному заказу». Это — тяжелый труд и нелегкая жизнь, замешанные на вдохновении и самоотверженности, ошибках и находках, потерях и остракизме соотечественников и современников, кровавом поте, достижениях и поступках. Но именно с этого — психологического уровня — начинается возможность зарождения элиты, живущей в сфере продуктивной деятельности. Именно с этого психологического уровня человек приобретает возможность стать Личностью, субъектом своего собственного и социального развития, если только он не упустит эту возможность. И для *продуктивной личности* уже не являются большой помехой даже не способствующие социальные условия.

Теории Маслоу необходимо учиться

«Есть ли объективный закон или закономерности в развитии человека?». На этот вопрос могут быть только два крайних ответа — да, или — нет. Никаких «нюансов», либо — закономерность, либо — случайная череда случайностей.

Если таких закономерностей нет, то бессмысленны любые теории — личности, экономических циклов или апперцепции, рассуждения о «добре» и «зле». Человек может поступать произвольно в соответствии со своими сиюминутными настроениями или желаниями (что мы и наблюдаем частенько в последнее время), а жизнь человека и организация социума должны направляться субъективными порывами, периодически отыскивающими наиболее верный и безопасный путь в этом штормящем «море случайностей» (чему мы также являемся свидетелями).

Если мы отвечаем на заданный вопрос — да, существуют, то человек, группы людей, социум, нарушающие такие законы, должны быть ответственны за свой субъективизм. Их произвольная и ошибочная деятельность, нарушающая эти законы и порождающая проблемы (распространяющиеся иногда далеко за срок их собственной жизни), социальные и экономические кризисы, военные конфликты, может быть объективно оценена на соответствие этим действующим законам⁵¹. Виновны в ошибках — субъекты деятельности, а не условия их жизни, и уж тем более — не законы.

У сторонников существования таких закономерностей гораздо больше естественно-научных и исторических фактов, чем у их противников, но принципиально вопрос не решен до сих пор. Единственным учением, рассматривающим «все формы жизни в их взаимной связи» и утверждающим не сам феномен жизни, а процесс жизни, «космическое распространение сознания», продлевающееся в «пространстве и времени беспредельно», является учение о ноосфере, наиболее известное для нас по трудам Т. Шардена и В. Вернадского. Труды эти широко цитируются, но практически чрезвычайно мало и фрагментарно используются современными учеными в их собственных теориях.

⁵¹ Попутно зададим вопрос читателю: какие законы важнее — те, что облечены законодателем в форму Гражданского, Налогового или Уголовного кодексов или законы Природы, не имеющие ни в одном социуме юридических оснований, но указывающие цели его возможного развития? Согласитесь, вопрос — элементарный.

В прошлой главе мы попытались проследить филогенетическое становление биологического вида Номо. Те же этапы становления и развития должен пройти каждый индивид. *Так должно быть, на это есть даже свой научный закон.* Однако организация деятельности современного социума и современные социальные отношения не позволяют ему этого сделать. Попадая в разные течения этих отношений, в разнонаправленные устремления и требования различных групп, пытаясь естественно вначале удовлетворить собственные дефицитарные потребности, человек иногда даже в течение всей собственной жизни не в состоянии понять ее смысла лично для себя, не в состоянии достичь ее вершины, понять свое предназначение.

- Человека никто не готовит к жизни в Мире.
- Человека никто не знакомит с социальными законами Природы.
- Человек остается один на один с кажущимся ему огромным, бесформенным, бессистемным, несправедливым и бессмысленным миром социальных отношений, подчиненном теориям «общественно-экономических формаций».

Человек остается отчужденным даже от самого себя.

Попытка объективной оценки современных социальных отношений в любой сфере жизни социума — экономической, политической, военной, медицинской, культурной, научной, этической, образовательной и пр., приводит к мысли, что социум не ставит перед собой цели развития своего главного богатства — человека, не обеспечивает необходимых и достаточных условий становления и развития человека на каждом уровне его взаимодействий с миром. Социум, дифференцируя деятельности людей и интегрируя их в специализированные функциональные конгломераты, отчуждает тем самым человека от витально-биологических и материальных природных факторов, обеспечивавших развитие рода Номо на физическом, биологическом и психологическом уровнях его становления. Современное социальное устройство, современные социальные отношения и сама

история нынешней социальности, организуемая и направляемая властными, государственными, экономическими и прочими структурными группами, объективно ограждают отдельного человека от взаимоотношений с Миром, превращают процесс становления человека в бесцельное и хаотичное движение с субъективно отыскиваемым направлением, отчуждают его от его собственной — человеческой природы. Однако эта же социальность объективно требует от социума планомерного, необходимого и достаточного обеспечения условий развития самого социума, состоящего, базирующегося и существующего благодаря этому «социальному атому» — человеку. Сможет ли человечество опомниться хотя бы на пороге очередного демографического перехода, и взять, наконец, управление собственным развитием в свои руки?

Вернемся, однако, к тем вопросам, которые мы поставили перед собой в конце прошлой главы.

Работает ли теория личности Маслоу?

В человеческой практике ни одна теория — физическая, экономическая или социальная — не работают «сами по себе». Если не принимать и не использовать положения этих теорий, понимая что и зачем ты делаешь, то и работать-то будет нечему. Любая теория, любой посыл реализуются в разумной деятельности человека. Если законы «точных» наук мы принимаем как данность, и не спорим с ними, то сегодня основной закон экономики и социума — произвольность человеческих действий (главное — сказать «надо!»). Несколько лет назад, пытаясь найти в Интернете что-либо новое о Маслоу, я наткнулся на статью, которая не стала для меня откровением, но которую необходимо прочитать сомневающимся — там достаточно четко и кратко дан ответ критикам-маркетологам. Вот всего несколько цитат оттуда. «В последнее время пирамида Маслоу вызывает все больше и больше нареканий со стороны маркетологов: дескать, не работает она в реальных условиях. Кто-то даже добавляет: в реальных российских условиях (подразумевая, что она, возможно, работает в США, где и создавалась)... если спросить, кто же читал работы Маслоу, утвердительно ответят едини-

цы. «А зачем? — спросил меня один коллега. — С пирамидой и так все понятно!». Понятно-то понятно, но весь фокус в том, что Маслоу никакой пирамиды не рисовал, и теория его не так проста, как нас учили... тому, кто читал работы Маслоу по теории мотивации, с первого взгляда на такие тексты-обвинения понятно, что их авторы сами работы Маслоу не читали... А вопрос всего лишь в корректности применения инструмента — применять нужно в тех областях, для которых инструмент предназначен. И критиковать, читая первоисточники» [<http://www.repiev.ru/articles/Maslow-Unknown.htm>]].

Что касается применения этой теории в антикризисном управлении или в управлении персоналом, то практика осознанного применения теории Маслоу, как соответствующего технического средства, подтверждает: она работает [Денисова, Бондарева; Трененков, Дведенидова]. Во введении к книге «Великие мыслители о великих вопросах» теист Р.А. Варгезе пишет: «...мы знаем без тени сомнения, что <истинные утверждения> являются истинными, поскольку так подсказывает наш разум — мгновенно, едва ли не инстинктивно, — но мы не можем доказать это, поскольку любые демонстрации заранее предполагают их истинность... Сапиентальные чувственные данные... не могут быть ложными, поскольку их ложность недоказуема, и не могут быть подвергнуты сомнению в рамках рационального мышления... Чтобы наука «работала», она должна опираться на сапиентальное чувство» [Великие мыслители, с. 20–25].

Мне кажется, что теория личности Маслоу не воспринята еще должным образом даже специалистами, что можно объяснить, во-первых, словами Варгезе: «Значительные различия во взглядах разных мыслителей, даже по наиболее фундаментальным вопросам, можно отнести на счет двух факторов: (1) склонность придерживаться взглядов и следовать школам мышления, принятым в данной интеллектуальной среде... и (2) нежелание доверять голосу сапиентального чувства» [Великие мыслители, с. 20–25]. Во-вторых, мы долгое время не имели возможности ознакомиться с пол-

ным объемом этой теории, а ее отдельные цитирования, которые черпались из различных источников, не дают должного представления о самой теории. Мы не доверяем своему сапиентальному чувству. Косвенно это подтверждается и ссылками отечественных авторов на работы Маслоу с отдельными элементами теории, и ссылками на цитирование Маслоу другими авторами, где также представлено лишь изложение фрагментов теории, часто не соответствующие оригиналу. Теперь отечественный читатель может с ней ознакомиться в полном виде [Хьелл, Зиглер; Маслоу, 2003А; Маслоу, 2003Б и др.]. Кроме того, теория развивалась автором в течение всей его жизни, а критикуются положения, высказанные Маслоу в книге «Мотивация и личность» еще в 40-х годах прошлого века. Недаром Д.А. Леонтьев пишет: «Мы попытались проследить развитие идеи самоактуализации в работах А.Маслоу, выделив пять последовательно переходящих друг в друга трактовок самоактуализации... Важно отметить, что между этими пониманиями нет противоречий, движение от первой трактовки к пятой отражает лишь обогащение идеи самоактуализации, более глубокое раскрытие сущности этого явления» [Леонтьев Д., 2000, с. 152–153]. Наиболее объективным рассмотрением основной части теории Маслоу — концепции самоактуализации в ее развитии, а одновременно и ее критики отечественными и зарубежными учеными является, как мне кажется, более поздняя статья Д.А.Леонтьева, который последовательно и уже длительное время возвращает нас к творчеству Маслоу. В ней он пишет: «Оценить истинный масштаб Маслоу и как личности, и как мыслителя позволяет взгляд на эволюцию его воззрений за три десятилетия... наиболее ярко творческая неуспокоенность Маслоу раскрывается в работах последних лет жизни, многие из которых были впервые опубликованы лишь совсем недавно, в вышедшем несколько лет назад сборнике ранее не публиковавшихся статей из его научного архива» [Леонтьев Д., 2002А, с. 37–38]. В этой статье даны исчерпывающие ответы на полный перечень «критики» теории Маслоу учеными, главные из которых —

В. Франкл, У. Норд, Д. Летбридж, Л. Геллер, а из отечественных психологов — Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник, Е.П. Ильин и мн. др.

В упомянутой статье Д.А. Леонтьев указывает, что наблюдается некоторое смещение взглядов Маслоу с потенциалистской, биологизаторской позиции в сторону экзистенциалистской ориентации. Так, Маслоу в последних статьях раскрывал понятие самоактуализации более полно, говорил, что главной и универсальной характеристикой самоактуализирующихся людей, присущей им всем без исключения, является чувство призвания или миссия: они реально включены в работу, которую они любят, а слово «труд» здесь даже не подходит. Согласитесь, что «миссия, истина, добро, справедливость» или самоотверженная работа — по Маслоу и, например, «самоутверждение» в изложении Ф. Котлера [Котлер, с.199], по которому, похоже, знакомилась с теорией Маслоу основная масса отечественных читателей — совершенно разные понятия. Сама теория Маслоу в наиболее позднем ее изложении свидетельствует не просто о смещении взглядов в сторону экзистенциалистских, а скорее об интеграции его взглядов в холистической сфере зрения, органически включающей и ноосферный «космизм сознания». Недаром Д.А. Леонтьев отмечает: «Теория Маслоу с учетом ее эволюции оказывается весьма адекватной новой психологии и задачам нового столетия; ...психологической науке ...еще предстоит открыть для себя нового Маслоу, уже не в первый раз опередившего свое время. Можно вполне согласиться с мнением Э. Хоффмана, что истинное значение работ Маслоу раскроется только в XXI столетии» [Леонтьев Д., 2002А, с. 42]. Теория личности Маслоу не просто работает, а открывает новые горизонты психологии, социологии, антропологии, вообще множества общественных наук, обогащая их новым пониманием старых положений.

Впрочем, об этом должны говорить сами ученые... Просто необходимо еще раз настоятельно обратить внимание читателя на гуманистическую теорию личности А.Х. Маслоу и порекомендовать изучить и осознать ее уже с точки зрения

другого понимания термина “потребности” — и это «другое» понимание следует особо оттенить. Д.А. Леонтьев в другой статье уже цитировавшего сборника пишет: «То, что представляет собой современная *психология мотивации*, трудно представить себе как целое в силу ее раздробленности... Несмотря на интенсивное и богатое развитие, в ней все еще доминирует аристотелево-картезианская картина мира, выражающаяся в преобладающем внимании к рациональным механизмам за счет иррациональных, засилии количественных методов в ущерб качественным, ригидной дихотомии внешнего и внутреннего, преимущественном внимании к структурам, а не связям между ними» [Леонтьев Д., 2002Б, с. 8–9]. В этой цитате смыслообразующим является слово «связи», точнее — *отношения*. В существующих теориях мотивации психологи выстраивали, выстраивают и пытаются изучать теоретические конструкты и их структуры (буквально «напичкано» такими конструктами и структурами, например — [Ильин]), но не отношения человека с Миром, что моментально ведет к упрощению и «двумерности» человека.

Вот что пишет Х. Хекхаузен, книга которого считается единственной обобщающей книгой по психологии мотивации, вышедшей за последние годы: «...мотив всегда остается так называемым «гипотетическим конструктом», т.е. чем-то мыслимым, а не наблюдаемым непосредственно. Оправданием рассмотрения какого-либо гипотетического конструкта служит только его ценность при объяснении и интерпретации эмпирических данных» [Хекхаузен, с. 38–39]. Почему-то некоторые ошибочно относят сейчас теорию личности Маслоу к непомерному массиву «теорий мотивации», что, по-моему, глубоко не верно. Быть может поначалу, когда Маслоу озадачился этой проблемой, он и исходил из предпосылок психологии мотивации. Это, впрочем, видно и из его первых работ на эту тему, из тех формулировок потребностей, из построения рассуждений и их оснований. Но мы сейчас говорим не о теоретических конструктах психологии — мотивации и мотивах, мы говорим о *потребностях* — явлениях, выходящих дале-

ко за теоретические построения психологии мотивации. Причем, как мне кажется, именно так понимал их в последних своих работах и Маслоу — не мотивы и мотивации, проявляющиеся «здесь-и-сейчас» для удовлетворения сиюминутных желаний или установления равновесия с некомфортными внешними факторами, доставляющими неудобства, и являющиеся «сложными мыслительными процессами, системными реакциями» [Ильин], а именно потребности, выстреливающие вас по утрам с постели и заставляющие проявлять деятельную активность не только благодаря «мыслительным процессам», но прежде всего — физиологическим, биологическим, психологическим и социальным детерминантам, возникающим в диалектических противоречиях самого процесса человеческой жизни и имеющим долговременные цели.

Безусловно, любое «онаученное» определение какого-либо явления обедняет понимание самого явления. Наиболее объективным из всех встретившихся определений потребности мне кажется определение, данное Д.А.Леонтьевым (цит. по [Ильин]). «Потребность — это соответствующее одному из модусов жизнедеятельности объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности». Хочется лишь уточнить это определение в свете предыдущих рассуждений: потребности — это, в отличие от индивидуальных «мотивов», индивидуально-социальные детерминанты и они обязательно направлены активностью субъекта на выявление и устранение объективных диалектических противоречий, возникающих в процессе жизнедеятельности. Не только рецепторы, нервные окончания или «мыслительные процессы», но и разум и совесть (если она есть) внутренне детерминированы потребностями субъекта и закономерно направлены на выявление таких противоречий. Дорос субъект до личности или остался «индивидом», переступил он порог психологического уровня взаимодействий, психологической избыточности и гетеростаза, и стремится действовать в групповом и социальном масштабе, или так и остался в

масштабе индивидуальном — от этого и зависят наполнение смыслом и уровень проявления его потребностей.

В теории личности Маслоу потребности это — не теоретические конструкты — мотивы и мотивации, рождающиеся «сложными мыслительными процессами, системными реакциями» [Ильин], а глубинные, отражающие человеческую природу и вытекающие из нее отношения человека с Миром. Ни одна «теория мотивации» не объяснит «на пальцах» — почему «элитные» генерал, академик или высокопоставленный чиновник, по определению являющиеся и высокообразованными, и способными вести «сложные мыслительные процессы», становятся коррумпированными казнокрадами. Или почему отстраненные от «сложных мыслительных процессов» самим укладом и ритмом индивидуальной жизни шахтеры, бюджетники или политзаключенные голодают и «разбивают касками мосты». Для построения «теоретических конструктов» теориям мотивации в каждом конкретном случае придется привлекать философию, интегральное счисление, логику, психологию и психопатологию, и много чего еще. Теория личности Маслоу объясняет все это на уровне арифметических действий: отсутствие опыта социализации и интериоризации, социальных взаимодействий и социального обмена в соответствующем масштабе их проявлений; неудовлетворенность базовых потребностей личности. Но не в этом даже ее ценность. Любые теории мотивации лишь объясняют и описывают поведение человека. Теория личности Маслоу — *предсказывает* его, одновременно раскрывая и горизонты развития социума.

В чем же грандиозность работ Маслоу? Он сам неоднократно говорил о том, что вся современная психология, начиная с революционных работ З. Фрейда, построена в основном на изучении больных людей, на изучении патологического «нездоровья». Что можно предсказать, изучая болезни? Только болезни. Маслоу задался другой целью — изучить проявления «патологического здоровья» человека в его отношениях с Миром на примере известных, признанных социумом и активно проявляющих себя людей. Ему это

удалось: вначале он выявил на их примере группы потребностей, а затем и изучал их в эмпирических исследованиях, к сожалению, не завершив этот колоссальный труд из-за преждевременной смерти.

Но, отойдя от предмета и метода психологии, насколько я представляю, Маслоу в этой своей работе перестал быть психологом в традиционном понимании. Предметом его изучения стали не болезни, а здоровье, не «факты и фактики» мотивов, а отношения здоровых и активных людей с Миром, их проявления в межличностных и социальных взаимоотношениях и взаимообмене, их предпочтения и устремления, их потребности развития в процессе жизни и деятельности, а не мотивы сиюминутного поведения, обусловленные нередко физиологическими или социальными болезнями, и не отдельные патологические факты и случаи существования.

Теория личности Маслоу — работает!

Вновь повторюсь — это архиважно — человек и только человек как индивид и как «социальная единица» социологических и социальных групп, обладая потребностями индивидуального, группового и социального масштабов, способствует сохранению и развитию социума, удовлетворяя собственные — данные Природой потребности. Говорить об индивидуальных потребностях в отрыве от потребностей групповых и социальных или наоборот — ошибки категориальные. Усилим это утверждение: индивидуальные потребности существуют как в индивидуальном, так и в групповом и социальном масштабах. Индивидуальные потребности не развиваются без удовлетворения потребностей групповых и социальных. Групповые и социальные потребности не возникают без удовлетворения потребностей индивидуальных. Не может голодный заниматься целями и задачами группы; любой «самодержец» или сверхбогатый олигарх, не удовлетворяя индивидуальных потребностей собственных «подданных», ведет свое дело к краху в достаточно коротком историческом промежутке. У любых «социальных инициатив» есть персональные авторы. И то, что авторов слишком много (когда инициатива приводит к достойному результа-

ту), или, напротив, удастся найти только «стрелочника», но не автора (когда за результат следует отвечать перед социумом), только подтверждает социальную направленность человека. Нормально и свободно развивающийся в социуме (и социумом) человек обязательно удовлетворит все свои потребности, сделав при этом социальный вклад гораздо больший, чем им затрачено на удовлетворение собственных индивидуальных потребностей! Человек, чья жизнь зациклена и заторможена обстоятельствами или им самим на том или ином уровне его развития, никогда не задумается о своем возможном будущем, о своих неудовлетворенных потребностях; он будет искать виновных в социальных отношениях, а социум будет считать его — обузой для себя. И короткая, но насыщенная история современной России, и ближневосточные и африканские события, и повсеместные проявления экстремизма, ксенофобии, фашизма, национализма в последние годы это отчетливо показывают. Именно поэтому критиковать теорию личности Маслоу в отрыве от анализа проявлений групповых и социальных потребностей человека — штука весьма недальновидная.

Теоретически человечество, «слившись в едином порыве», дошло в своем развитии до социального уровня в социальном масштабе, почему же объективная реальность — другая? Почему филогенез уже подвел человечество к возможности самоактуализации и исполнения индивидуальной миссии в Мире, а фактически среднестатистический индивид являет собой жалкий «помогите чем можете», или по-западному — «homo soveticus»⁵²?

Во-первых, если вспомнить прошедшую историю, то станет ясно, что на всем ее протяжении большая часть человечества (“угнетенный класс” в формулировках классовых теорий) была вынуждена бороться за выживание, удовлетворяя по минимуму дефицитарные потребности физического и биологического уровней, и лишь незначительная часть из них достигала возможностей взаимодействовать на более

⁵² Концепция личности *homo sociologicus* Р. Дарендорфа; означает человека, зависящего от государства [Мусский].

высоких уровнях. Исключение составляет, возможно, вторая половина XX века, да и то для развитых стран. Кроме того, как известно, любые новации, достижения, изобретения, социальные преобразования “замысливаются”, “проектируются” и организуются небольшой группой людей и лишь потом “охватывают массы”. О том же неоднократно в своих работах упоминал и Маслоу. Он говорил, что количество самоактуализирующихся людей не превышает 1%, объясняя это тем, что многие просто не видят своего потенциала, не знают о его существовании, не понимают пользы самосовершенствования. То есть, биологически и социально Природа человека, пройдя изрядную закалку и обучение в его филогенезе, уже предоставила ему эти возможности. Дело за малым — за активностью и продуктивностью самого человека, за тем, чтобы он сам осуществил эти возможности.

Во-вторых, Маслоу отмечает, что самоактуализация возможна лишь в способствующих условиях, а социум даже в “странах демократии” не предоставляет таких условий. Филогенез человека вывел и его возможности, и возможности его социальных групп на уровень, способствующий осуществлению сознательной кооперативной и взаимовыгодной социальной деятельности. Дело за “умом и сообразительностью” социума, прежде всего — его *структурных* групп, обязанных организовывать и обеспечивать «способствующие социальные условия».

Третье объяснение сводится ко второму, но при способствующих социальных условиях. Поэтому ответственность за него несут не только структурные социальные группы, но и в первую очередь — первичные социологические группы, где человек начинает свой онтогенез — семья, родители, родственники, школа, друзья, «досуговые» коллективы, а затем — профессиональные и общественные коллективы. Дело за активностью *социологических* групп, их самоотверженностью в выполнении собственной миссии при способствующей социальной политике структурных групп.

Еще одно сомнение: исследования, проведенные И. Сушковым в наше время, вряд ли можно распространить на весь

многомиллионнолетний филогенез человека. Тем более, что сам автор говорит об исследовании психологии взаимоотношений групп в социальной системе, а не в стадах австралопитеков.

Первая часть фундаментального труда И. Сушкова [Сушков, 1999] называется «Эволюционные основания развития взаимоотношений социальных групп» и посвящена, в том числе, рассмотрению человеческой группы как физического, биологического или социологического феномена в процессе исторического становления человека. Он прямо указывает: «...группы, как любая вещь, проходили эволюционный путь развития, характеризующийся закономерной сменой одного уровня организации универсума другим. ... В итоге, интегрируя в себе сменяющие друг друга ступени эволюции, группы становятся активными субъектами воздействия, определяя свое поведение тем внутренним духовным миром, который сложился в результате исторического и культурного развития этих групп» [Сушков, 1999, с. 34]. Обратите внимание на слова «внутренний духовный мир» и отсутствие упоминаний о формах собственности. Кроме того, следует помнить, что жизнь — это не явление, как она представляется отдельному индивиду, а непрерывный процесс, который постоянно пополняется «нашей надеждой и будущим» из родильных домов и из которого постоянно выбывают «заслуженные ветераны». Но для того, чтобы этот процесс не затухал или не прервался однажды на одном из очередных кризисов, чтобы он стал автоколебательным, мы должны постоянно прикладывать социальные усилия, сообразные условиям протекания этого процесса и намеченным целям. А регулятором сообразности, или обратной связью этого процесса должны выступать структурные группы и власть. Прекращение таких социальных усилий и, главное, отсутствие такой обратной связи, начиная с 70-х годов прошлого века привело российский социум к тому состоянию, который мы сейчас имеем.

Мы дали ответы на вопросы «почему?», но сразу появляются следующие вопросы: «как?» и «что?». Ответу на них посвятим несколько следующих глав.

ЛОГИКА СОЦИУМА И СОЦИАЛЬНЫЕ АКСИОМЫ

«Общество, способное использовать идеи, появляющиеся в сознании отдельного индивидуума, для роста возможностей общества как целого, и использующее рост возможностей общества как целого для формирования индивидуума, способного генерировать новые идеи, — будет обладать наиболее быстрым темпом роста возможностей» [Кузнецов, Кузнецов, Большаков].

Все так!

Казалось бы...

Вот изложение современного научного знания на эту тему.

Утверждается, что в развитых постиндустриальных странах формируется очередное социальное расслоение, разделяются работники интеллектуальной сферы и те, кто не способен включиться в информационно- и наукоемкое производство идей. Подчеркнем это: речь идет не о реальном производстве материальных ценностей, а о ценностях интеллектуальных — идеях. Утверждается также, что формирующееся неравенство проистекает из коренного различия базовых ценностей и несопоставимости интеллектуальных способностей членов общества, предопределенной *генетически и социально*, а нарастающая напряженность создает реальные предпосылки раскола современной цивилизации [Иноземцев, с. 43–44]. Причем, это может произойти и в пределах внешне стабильных и процветающих стран — лидеров нынешнего постиндустриального сообщества [Иноземцев, с. 44]. Это обосновывается тем, что создание материальных благ предполагает возможность отчуждения их от непосредственного производителя и перераспределения в пользу других членов общества, а эксплуатация базируется на таких отношениях и существует в любом обществе, основанном на труде, поскольку возмещение человеку не урезанного трудового дохода, как показали еще классики социалистической теории, невозможно [Иноземцев, с. 40].

И опять — все так, учитывая, что ученый описывает то, что он наблюдает сегодня и делает из этого соответствующие выводы.

В современном обществе в действительности постоянно воспроизводится конфликт между отдельными социальными группами (связанными именно этими конфликтными «производственными» отношениями) в связи с их взаимными претензиями на право на ограниченно воспроизведенную совокупность материальных благ.

Существует множество теорий общественного развития, а некоторые до сих пор практически используются в «бескомпромиссной революционной классовой борьбе», но все они, оперируя экономическими и политическими категориями, никак не наделяют отдельного человека атрибутами субъекта. По мнению авторов этих теорий, творит, организует и осуществляет изменения в социуме — класс собственников средств производства, в лучшем случае — передовой отряд этого класса в виде политической партии и/или представителей собственников средств производства, кооптированных во властные структуры или кооперированных с ними или нанятые ими интеллектуалы, все вместе — «элита».

На сегодняшний день — практически всё так, особенно в развивающихся странах. Однако на удивление следует отметить, что в последнее время ученые-теоретики «вдруг» перестали обнаруживать в постиндустриальном обществе правящий класс. Точнее, они не могут остановиться на той социальной группе людей, которую формирует складывающееся постиндустриальное общество и которую можно было бы назвать «правлящим классом». Кто это — капиталисты-олигархи, чиновничество, «белые воротнички», топ-менеджеры, бизнес, ушедший во власть? Социальные группы, в том числе и «угнетаемые», приобретают все больше степеней свободы, но к социальному равенству общество не приближается ни на миллиметр. Если коммунистическая теория считала «угнетаемыми» рабочих и крестьян — прежде всего социальной бесправностью и ущемленной фи-

нансовой оценкой их труда, — то теперь на этом основании к ним можно добавить всех, кто не относится к «правлящему» классу (к рабоче-крестьянским факторам угнетения при этом добавляется все больше и больше фактов социального и духовного угнетения). Но кто правит — неизвестно.

Носителем того, что В.Л. Иноземцев называет «способностью включиться в информационно- и наукоемкое производство идей», является человек, но как он идет к постижению и производству этого ресурса? Как этот ресурс может быть использован организационно? Появление этих вопросов без ответов понятно. Имея лишь разрозненные представления о закономерностях социального развития, протекающие процессы сейчас можно только толковать или строить какие-то теории на разрозненных фактах по прошествии времени. Остановите внимание на словах В.Л. Иноземцева о расколе современной цивилизации, «проистекающей из коренного различия базовых ценностей и несопоставимости интеллектуальных способностей членов общества, *предопределенной генетически и социально*».

Если утрировать последнюю цитату, то общественное развитие движется в сторону «просвещенного рабства», где хозяевами выступает малочисленный «класс интеллектуалов», «генетически и социально» (точнее — кланово) предопределенный создавать уникальные и невоспроизводимые продукты, новые знания, а рабами — все остальные. Вот только непонятно *кто* будет заниматься развитием и оценкой интеллектуального потенциала, *кто* будет пользоваться этими невоспроизводимыми продуктами, а *кто* будет заниматься реальным физическим производством — хотя бы для удовлетворения банальной пищевой зависимости «класса интеллектуалов»? И *почему* высшая и низшая страты отличаются интеллектуальным потенциалом и различными типами разделяемых ими ценностей?

Я начал эту главу с цитат, с которыми, в общем, согласен, но которые не проясняют путь человека от его инстинктивного животного страха к непобедимому героизму и гениальности в производстве идей.

О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков и В.Л. Иноземцев, исходя из разных предпосылок, пришли к тому же выводу, к которому приводят работы А. Маслоу и И. Сушкова в психологии и социологии — высшей потребностью социума является освоение новых пространств Бытия на основе индивидуально-социальных потребностей Личностей — призвания, миссии, самоотверженной работы для других. Они, по словам Маслоу, являются «главной и универсальной характеристикой самоактуализирующихся людей, присущей им всем без исключения». Вот только путь, приводящий социум к этим вершинам — либо неизвестен, либо, по словам В.Л. Иноземцева, грозит «расколом современной цивилизации».

Если учитывать, что мы стоим на пороге 12 демографического перехода с итоговым «возможным *некоторым* снижением» численности населения почти вдвое [Капица, 1999; Капица, 2000; Капица, 2000, Вестник; Капица, 2004], а история филогенеза человека изобилует конфликтами во время таких переходов [Назаретян, 2004], то «раскол современной цивилизации» не кажется невозможным. К нему предрасполагают еще и следующие обстоятельства. Ресурсно-властные полномочия уже давно находятся в руках «элиты» в любом обществе. Вся предыдущая история и нынешняя действительность свидетельствуют о том, что «элита» от своих полномочий и привилегий добровольно не отказывается никогда. В лучшем случае на смену одной «элите» (клану) приходит другая, не менее одиозная, но опять — «элита» (клан). В то же время объективно — ни «элитарность», ни принадлежность к «власти» не являются гарантией потенции в производстве беспрецедентных и жизненно необходимых социуму идей, а тем более — гарантией гениальности: эти идеи, как показывает история, производили и смиты, и ползуновы, и демидовы, и форды, и королевы. Кроме того, учитывая, что период смены научно-технических парадигм приближается к своему временному пределу (4–6 лет), изучить и постичь эти приходящие на смену изменения скоро смогут лишь люди возрастом до 25 лет, а в 30 — они уже

становятся «лишними», поскольку их «интеллектуальные способности» начинают устаревать. Но что тогда делать с геронтократией? И не тут ли могут крыться основные социальные конфликты? И поэтому вопрос организации отбора, овеществления и оборота беспрецедентной интеллектуальной собственности, безусловно, может стать конфликтным. Тем более что вызревание «революционной ситуации» уже заметно: «верхи» — *пока* не могут ни отбирать, ни производить объективно необходимые социуму идеи, а «низы» — *уже* не хотят сидеть у моря в ожидании обретения человеческого достоинства. Это показывают социумы и Центральной Америки, и Северной Африки, и Европы, и Азии.

Если, с другой стороны, оглянуться на историю становления и развития человечества, то мы увидим, что даже подталкиваемый своей физиологической и биологической природой, человек осваивал новые для него пространства бытия методом антинаучного «тыка». Ну а если, все же, попытаться понять логику социума и максимально подготовить и социум, и человека к началу грядущего демографического перехода, то, может быть, «масштабного классового конфликта» удастся избежать?

Рассмотрим онтогенез человека на тех же пяти уровнях, в тех же масштабах, при тех же свойствах, но за время, не превышающее время индивидуальной жизни. Базироваться будем на работах А. Маслоу и И.Сушкова, давая соответствующие цитаты (выделения текста в цитатах могут не соответствовать авторским) и ссылки на источники.

Физический уровень. Современный человек, не ведая того, является в Мир сразу на всех уровнях и во всех масштабах. Он уже занял приготовленную родителями колыбель, периодически настоятельно требует накормить его и поменять подгузники, взять на руки и покачать; социологические группы в виде сослуживцев родителей уже подарили ему не всегда необходимые подарки, а факт его рождения уже занесен социумом в официальную «Книгу записей актов гражданского состояния». Конечно, он не может пока ни осознать, ни изменить социальной действительности,

но его родители — уже чувствуя ответственность за нового гражданина — по-другому проявляют себя в групповом и социальном масштабах (хотя и не всегда!). Ни один серьезный ученый не отвергает проявления — уже у младенца и даже раньше — *потребностей в поступлении энергии извне (в пище, утолении жажды), сенсорной стимуляции, физической активности и отдыхе от усталости, потребность в сне, сексе, защите от экстремальных условий среды обитания и т.п.*

Эти потребности физического уровня возникают в индивидуальном масштабе еще до рождения ребенка и будут сопутствовать ему, изменяясь в привычках и пристрастиях с освоением каждого нового уровня взаимодействий, развиваясь или деградируя, но влияя на него абсолютно и непримиримо всю его жизнь⁵³. Он будет их не замечать, если живет в относительном достатке, или, наоборот, они станут его главными жизненными потребностями, как у голодных детей и взрослых некоторых африканских стран.

Биологический уровень. Почти одновременно с индивидуальными потребностями физического уровня в просыпающемся сознании младенца начинают отпечатываться образы (и зарождающиеся на их основе категории) мягкой колыбели, заботливой, склонившейся над ним матери; процесса еды — в виде куска черствого хлеба и кружки воды в руках или ножа, вилки и салфетки, позже — образы воды, огня. Вырастая, уже на первом году жизни, человек начинает понимать где он, а где — не он, где его родители, а где — «другие», где «его» группа, а где — «чужая», чем отличается «его» группа от других, чего хочет группа от него, и что — он от группы; все это — *категоризация и самокатегориза-*

⁵³ В одной из ТВ передач об освоении Крайнего Севера и работе (в советское время) дрейфующих станций СП ветеран таких работ рассказывал, как во время одной из очередных аварийных ситуаций они с товарищем вынуждены были растянуть случайно не ушедший под лед трех-четырёхдневный паек на несколько недель. Он — человек научный и интеллигентный — постоянно ловил себя на мысли о еде, и только культурные ограничители-категории не позволили ему красть еду у его товарища, который, впрочем позже признался в том же.

ция, объем и содержание которой зависит от социализации человека окружением. Это — потребности биологического уровня развития в групповом масштабе взаимодействий человека. Категоризация начинается с усложнением структуры нервной системы, с осознанием и усвоением человеком символов, знаков, движений, слов, отражающих внешний Мир и взаимоотношения.

Категоризация — это признание индивидом его принадлежности к совокупности людей, обладающих некоторыми общими для них признаками. Самокатегоризация становится первым этапом формирования межгрупповых отношений. Категоризация себя членом определенной группы (самокатегоризация) означает не сходство с остальными, а отличие от всех остальных людей и социальных групп, и согласие на дальнейшее совместное взаимодействие этой выбранной совокупности индивидуальностей. Она отражает процессы разграничения людей в группе по их индивидуальным признакам, но способствует созданию единства группы, осознанию групповых границ.

Социальная идентификация превращает категоризацию в мотивирующий и значимый процесс, который проходит на основе социального сравнения, связанного не с превосходством группы над другими, а со смыслом ее существования [Сушков, 1999, с. 253]. И. Сушков абсолютно точно подчеркивает: «...бесспорно, группообразующую роль категоризация играет не тогда, когда она *предъявлена индивидам извне*, а когда она *принята* этими индивидами и превращается в самокатегоризацию» [Сушков, 1999, с. 251–252, с. 273]. Ребенок гораздо глубже усвоит умно и по-доброму преподнесенный ему «когнитивный диссонанс» между его «хотелками» и «должным», чем периодическую порку отцовским ремнем. Большинство социумов забыты жесткие преследования за «недостаточно громкий плач по ушедшему вождю», но во всех, даже в «демократических», остались пресечения «нелояльности к власти», иногда не менее жестокие. «Социальная природа заставляет групповые субъекты принимать как данность общедиффе-

ренцирующие процессы, толкающие их к необходимости категоризации и оформлению в самостоятельные элементы социальной системы ... Сохранение, а в некоторых случаях *специальная поддержка категоризационных признаков*, — необходимое условие сохранения групповой культуры, так как они представляют собой те границы, отражаясь от которых группы получают возможность рефлексировать, понимать себя по отношению к другим, а следовательно и развиваться» [Сушков, 1999, с. 274]. Заметьте: не «отбор» или хуже — наказание, не «предъявление извне», а поддержка! Смысл — абсолютно идентичен работам Маслоу, утверждающим, что человеческая природа «не так плоха, как о ней принято думать, и что нужно всячески поощрять ее и давать ей выход наружу, вместо того чтобы подавлять, поскольку эта внутренняя природа легко становится жертвой привычки, давления окружающих или неадекватного отношения» [Маслоу, 2003Б, с. 3]. «...мы приходим к выводу, что человеческая природа чрезвычайно податлива, ...что культура и среда с легкой небрежностью угнетают или даже убивают в нас присущий нам генетический потенциал, но они не в состоянии породить его или усилить. ...Человечность как принадлежность к человечеству должна определяться не только в терминах бытия, но и в терминах становления. Мало родиться человеком, нужно стать им. В этом смысле младенец — не более чем возможный человек, ему еще предстоит дорасти до человечности, и в этом ему должны помочь семья, общество и культура» [Маслоу, 2003А, с. 8].

Поэтому отслеживание и поддержание прогрессивных общественных инициатив, рожденных «внизу», гораздо ценнее партийно-административного ресурса, оказания властного давления на общество, или «законотворческое» их ограничение, показывающие «наблюдающему» электорату, что его в очередной раз обувают в лапти. Гораздо ценнее — *создание* категорий-образов современного гражданина, способного обеспечить общественное и социальное спокойствие. А судя по российским СМИ, кино- и ТВ-экрану, образ современного россиянина (по крайней мере — так его

воспринимает большинство юных граждан) — это «прикид», парфюм, тусовка, недвижимость, Канары, и власть, дающая неограниченные возможности. Весьма недалеко от этого ушли и так называемые «демократические страны». По-видимому, вместе со мной презрительно относятся к такому образу современного «русского» и миллионы «национальных окраин» моей родины!

Эти «антигосударственные» соображения подтверждаются и научными выводами: «...для формирования негативной категории требуется гораздо меньше примеров, чем для ее устранения... информационный шум затрудняет категоризационные процессы... Подобный эффект... могут создавать... сложность категоризационного контекста или его неопределенность, которая случается при очень быстрых изменениях социальной структуры... В социальной среде это будет вести к усилению дихотомизации категорий и росту негативных межгрупповых чувств» [Сушков, 1999, с. 267–268].

Несколько отступая, следует сказать, что основой «китайского феномена» — и в экономике, и, к примеру, в спорте — являются не только трудолюбие и несметность китайского населения или не отмененная до сих пор смертная казнь. Фундамент этого феномена — достаточно быстрый, но не мгновенный, без ретивости и информационных неопределенностей, своевременный, постоянный и тотальный разворот идеологической политики КПК. От массового уничтожения воробьев и выплавки чугуна в семейных домах идеология китайского социума уяснила, что следует наплевать на цвет кошки, если она ловит мышей, и перешла к *специальной поддержке категоризационных признаков*, к созданию и сохранению группового сознания и групповой культуры. Слова Дэн Сяо-пина, произнесенные в 1973 г., стали в 1980-х девизом реформы, выведшей Китай в мировые лидеры по росту национальной экономики и расселившей молодых китайцев по всему миру — всего-то за 25–30 лет.

Человек пожизненно и произвольно, «инстинктоидно» занимается категоризацией, дополняя, корректируя или ликвидируя личные категории сопутствующих ему

окружающих групп, интегрируемые его собственным сознанием и позволяющие ориентироваться в Мире и социуме. Кем будет человек — исполнителем «социальных ролей», оправдывающим те ожидания, которые окружающие сложили в своих намерениях и требованиях к этому человеку? Или, приобретя жизненный опыт и знания, он разовьется до лидера этого окружения, предложив новые идеи, знания, практики — сие зависит от пока неизвестного человеку будущего, от его деятельности и «настырности», от социальной структуры, социального окружения и социальных действий государства. Именно эти согласованные действия социальной системы имел в виду и Маслоу, говоря о «способствующих условиях» личностного развития.

Для современного человека в его онтогенезе категоризация практически сразу, на первом же году жизни, опосредованно начинает пересекаться с потребностью биологического уровня в социальном масштабе взаимодействий — постижением *социальных норм и ценностей*. Именно на основе сопоставления и оценки категоризационных признаков разных групп происходит самоидентификация человека. Полностью разовьются эти потребности позже, сейчас же маленький человек лишь знакомится с тем, что «можно», что «нельзя», а что — «если нельзя, но очень хочется, то — можно». Лишь ближнее окружение, не всегда надеясь на понимание, говорит (или молчит) о прекрасном или лживом, о принятых нормах поведения среди людей, о понятиях, несущих ценностную окраску, преподносит ему (или лишает такой возможности) образцы высокой культуры, и вовсе не обязательно — классической. Не стоит заблуждаться, считая, что отдельный человек не выходит в своей деятельности в социальный масштаб. Уже на этих — физическом и биологическом уровнях взаимодействий мы видим, что каждый (!) человек не только сталкивается с социальной категоризацией, с социальными *нормами и ценностями*, но и активно влияет на них, проявляя взаимодействия в привычном ему окружении, принимая или не воспринимая их, развивая собственную культуру и культуру своего окружения или, напротив, убивая ее.

С первых месяцев жизни человек приступает к отражению Мира. Рождаются взаимосвязи с окружающим, развивается «второсигнальная» система, сознание; маленький человек приобретает возможности к психическому отражению и оценке окружающего. Развивающаяся категоризация, необходимость в принадлежности к «защищающей» группе, постоянная социализация и интериоризация пробуждают потребности биологического уровня в индивидуальном масштабе — *в физическом выживании, защищенности и безопасности, стабильности и зависимости от других (покровительстве), в защите, в ощущении порядка и структуры, в отсутствии страха, тревоги и хаоса, т.е. в стабильном существовании.*

Психологический уровень. Полностью удовлетворяющиеся потребности нижележащих уровней взаимодействий способствуют более раннему развитию ребенка. Уже к концу первого года жизни такое развитие приводит (или не приводит — в зависимости от окружения) к усвоению им категорий «Я–не Я», «Я–Они», «Я–другие», своей «ближней» группы. Индивидуальные потребности в защищенности и безопасности выводят маленького человека к осознанию — лично для него — ценности его ближайшего окружения. Он начинает длительный, практически пожизненный процесс идентификации и самоидентификации с окружающими его людьми и группами. На втором году развития он уже познает свою ближайшую группу, ее ценностные предпочтения, он уже способен соотносить события и давать им первичную оценку, делать выбор, осознавать и пользоваться усвоенными (социализированными и интериоризированными) категориями, осваивать их в своей деятельности, любить и ухаживать не только за собой, но и за другими, отличать ближайшее «респектное» окружение от окружения враждебного — даже только по интонации. Безусловно, это — зачатки объективных потребностей, они будут развиваться и, главное, наполняться смыслом, объемом и содержанием в развитии — в процессе социализации, интериоризации и экстериоризации, которые пока полностью находятся в ру-

ках внешних для него групп и обстоятельств. В их воле находятся возможности и обязанности развития человеческой «специфичности» и «развития всеединства». К сожалению, ответственность за исполнение этих обязанностей для современного общества сокрыта лишь «в отрывках» субъективно применяемого Семейного кодекса, но никак не распределяется на власть, бизнес, чиновничество, на культуру и науку, на другие *ответственные за это* социальные структурные группы. И вновь прав Маслоу, постоянно напоминая о «способствующих условиях» личностного развития. К концу второго года человек уже способен приступить к освоению потребностей психологического уровня взаимодействий в групповом масштабе — *потребностей в групповой идентификации и самоидентификации, в освоении группового сознания*.

И.Сушков отмечает проявление даже у 3–8-летних детей «ядерного фактора», присущего процессу образования группового сознания и групповой идентификации, это — фаворитизм. «Это та центростремительная сила, которая уравнивает центробежные тенденции индивидуализма, эгоцентризма человека. И назвать это ядерное свойство логичнее — социоцентризм». [Сушков, 1999, с. 279].

Концентрированные всплески итогов «роста негативных межгрупповых чувств», состояния общественного сознания и принятой стратегии межгрупповых взаимодействий мы наблюдаем уже слишком давно: в Грузии и Прибалтике — в начале 1990-х, чуть позже — в Среднеазиатских республиках бывшего СССР, в Буденновске и Волгодонске, теперь — в Северокавказских республиках России. Не минули результаты негативной категоризации и негативного состояния общественного сознания за минувшие десятилетия и Западную Европу, и Африку, и Америку, и Азию. В процессах категоризации и идентификации находятся основы нерешенных и уже нарастающих проблем терроризма, мультикультурализма и прочих «национальных» девиантностей.

Сам процесс идентификации заключается, во-первых, в осознании различия окружающих его людей и групп,

а во-вторых — в «отчуждении себя» в пользу каких-либо лиц или групп, в «деперсонализации» и конформности с ними, в осознании собственной принадлежности к ним. Идентификация содействует развитию человека, усвоению им образа мыслей и деятельности других людей и групп, усвоению группового сознания и системы групповых ценностей. Идентификация не является пожизненной привязкой человека к впервые избранной им группе. Как только человек осознает задержку собственного развития, как только он понимает, что избранные групповые ценности и цели, групповая культура лежат ниже уровня его объективно возможных притязаний, что идентификация с этой группой ведет к его индивидуальному застою или деградации, он пересматривает результаты идентификации. Если достанет собственного потенциала, человек будет сравнивать свою/свои группу/группы с другими и изменять групповые цели и ценности, способствовать росту группового сознания и групповой культуры. Если нет — станет идентифицировать себя с другими людьми и группами, обладающими необходимыми ему культурой, групповым сознанием, будет стремиться влиться в эти новые для него группы, обрести новых товарищей. Но только кто поможет еще не оформившемуся молодому человеку в этом осознании различий и выборе групповых ценностей и культуры? Не возобладают ли у него, отпущенного в «свободное плавание», центробежные тенденции индивидуализма и эгоцентризма? Процесс идентификации «...является центральным процессом, который включает индивидуальный человеческий материал в жизнь и развитие социального организма. Прямое воздействие на результаты межгруппового восприятия, к которым иногда прибегают при стремлении к социальной справедливости и социальному равенству, нередко понимаемым как одинаковость, может привести лишь к усугублению межгруппового кризиса. В анализе, в первую очередь, следует исходить не из социологической или политической оценки групповых стереотипов и реакций, а из причин их возникновения и функций, которые они ис-

полняют» [Сушков, 1999, с. 290, 292]. Ложно, не до конца понимаемые либо неправильно — выборочно — применяемые социальные нормы и ценности лишь усугубляют такие «разборки», включая и нормативно регулируемые судебные процессы. Поэтому важны и ненавязчивое обучение *социальным нормам и ценностям* для их персонального осознания, и их постоянная актуализация, поскольку, когда сама жизнь ставит индивида перед осознанием этих «отвлеченных понятий», написанных кровью и жизнью человечества, бывает зачастую уже поздно. Идентификация и постижение социальных ценностей пробуждают уже в ребенке понятия защищающей силы («папа, он меня обидел!») и общих закровов («мама, дай денег!»).

Как только человек приступает к настоящему групповому и межгрупповому взаимодействию, начинают пробуждаться потребности психологического уровня в социальном масштабе — *власть и распределение ресурсов* или освоение структуры групп. Эти потребности пока еще только в зачатке и полностью разовьются на вышележащих уровнях, когда усложнятся социологические взаимодействия человека, когда ему потребуется деятельность в больших группах людей, но даже и в одной группе «порядок клевания» устанавливается либо волевым родительским «Не смей!», либо предписанным «штатным расписанием», либо всеобщим признанием лидерских качеств. Главное: этот порядок, так или иначе, — есть.

«Власть связана с социальной сферой. ...Проблема власти по большей мере связана с межгрупповым уровнем взаимодействия, власть оперирует категориями людей, в то время, как доминирование более уместно... рассматривать на уровне поведения отдельных индивидов... цель <власти> не в сохранении вида в целом, а в сохранении социальной структуры, в пределах которой она существует. ...Рост сложности социального взаимодействия и социальных ориентаций требует статусных различий, задающих, выражаясь языком биологии, «порядок клевания» в социальной системе. И сам порядок бывает важнее, чем наличие или отсутствие какого-

либо материального ресурса... Власть, формируя иерархическую структуру общества, подчинена, в свою очередь, задаче сохранения единства системы⁵⁴ и, вероятно, является внутрисистемным феноменом, свойственным человеческой культуре» [Сушков, 1999, с. 299–301].

«В сфере политической морали <фаворитизм> выступает как патриотизм, шовинизм, национализм, расизм в зависимости от состояния общественного сознания и принятой стратегии межгруппового взаимодействия» [Сушков, 1999, с. 279]. Именно поэтому свойственный развивающемуся молодому гражданину фаворитизм воспринимает любые слова, поступки или действия любой «элиты», транслируемые и мультиплицируемые СМИ и Интернетом в самых разных ракурсах, как «предмет подражания». Именно поэтому «власть», задумывающаяся о состоянии «общественного сознания и стратегии межгруппового взаимодействия» обязана озаботиться государственной политикой категоризации и самокатегоризации подрастающих граждан, фактическими деятельностью и состоянием властно-элитарных структур. Процессы групповой идентификации, познания структуры и образа группы, группового сознания пробуждают следующие потребности психологического уровня взаимодействий человека с Миром. Как пишет И. Сушков, за счет идентификации человек как приобретает свойства других, так и видит в других все больше черт собственного «Я». При «способствующем состоянии» общества начинают возрастать потребности в защите других, становятся возможными истинный альтруизм и любовь, основанные на эмпатии, а не на прагматическом индивидуальном расчете. Человек начинает интегрироваться в окружающее, включаться в групповые отношения. Но эта интеграция, это включение в коллективную деятельность становятся объективно необходимыми для социума при одном условии: человек *должен обладать индивидуальными особенностями*. Стадо или толпа в своих инстинктивных порывах способны лишь творить беспре-

⁵⁴ При всей жизненно важной необходимости экономики и бизнеса основной задачей власти является сохранение единства системы.

дел, а организует группы только осознание необходимости и возможности раскрытия индивидуальных особенностей, удовлетворения индивидуальных потребностей в межличностных и межгрупповых взаимодействиях. Группы этому способствуют: одной из основных особенностей групповых взаимодействий является социальная дифференциация. Это именно то, что Шарден называет «зернистостью»: «С появлением рефлексивности, свойства в сущности элементарного (по крайней мере, вначале!), все меняется, и мы замечаем, что под более яркой реальностью коллективных преобразований скрытно происходило параллельное движение к индивидуализации. Чем больше каждая фила заряжается психикой, тем больше ее структура стремится к «зернистости». Значение животного по отношению к виду возрастает. Наконец, на уровне человека этот процесс ускоряется и явление оформляется окончательно» [Шарден, с. 179]. Шарденовская «зернистость», индивидуальность отдельного человека, потребность во множественности индивидуальностей, а не потребность дальнейшего стадного существования — как раз и являются основой объединения человека в группы. «Специфичность» человека становится основанием, с одной стороны — «развития всеединства», а с другой — «признаком меньшей его умаленности».

Человек, выйдя из животного состояния, разомкнул круг животного существования, и ступил на спираль социального развития благодаря качественному изменению его системных свойств, появлению таких базовых процессов, которые неизбежно выводят его в сферу социального. Согласно постулатам материализма, таким базовым процессом и основой формирования социальности являются труд и производственные отношения. Но тогда почему обезьяны, пчелы, муравьи или птицы, использующие орудия труда, разделение труда, обмен продуктами труда, так и не создали развивающихся социальных сообществ? Почему принципы устройства социальной системы человека отличаются от, например, схожей и в чем-то более справедливой «социальности» обитателей улья? Муравей поднимает вес, всемеро

превышающий вес собственного тела, и хотя бы поэтому трудится не меньше любого человека. Степень удовлетворения физиологических и биологических потребностей птенцов в популяции птиц не уступает таковой в большинстве человеческих семей, а любви, верности и самоотверженности многим из нас стоит еще подучиться у семей лебединых.

Не труд и необходимость материального взаимообмена его результатами, не властный окрик «Вперед!» толкают человека к групповым взаимодействиям. Индивидуальная психическая сфера человека, перерастая в надындивидуальные психологические отношения, становится его психологией, т.е. его знанием и собственной психики, и психики других, и его оценкой этих «надындивидуальных психик». Внутренние психические отношения человека, отделенные в его сознании от возбудившего их предмета, явления или действия, не только воспринимаются им как некая новая сущность, но — что гораздо важнее — становятся предметом обмена. Только интегрируя в собственной психике образы действий других людей, объясняя «внутри себя» этими образами психику других, сравнивая их с собственными категориями, человек сполна может познавать и себя, и других, и окружающий его Мир. Без дифференциации собственной психики, без ее «отчуждения в пользу других» и последующей оценки и интеграции «чужих психик в себе», невозможны ни психологические отношения, ни сама социальность.

Именно этот — психологический уровень взаимодействий позволяет человеку подняться над уровнем животного мира. Человек получает возможность возвыситься над действием природного закона дихотомии: «Я — не Я», «Мы — не Мы», «хочу — не хочу». Он постигает еще и другой природный, чисто человеческий закон *осознанной необходимости*. Здоровый человек не может существовать вне этого психологического уровня взаимодействий, а потому он не может быть «сервомеханическим» [Шихирев]. Только жестокие медицинские или социальные (в виде полного отсутствия индивидуального опыта социального обмена) болезни могут «опу-

ститесь» взаимодействия человека с Миром на нижележащий биологический уровень. Маслоу неоднократно упоминает в своих работах о гомеостазе и гетеростазе, об активности человека — непременно атрибуте самоактуализирующихся людей. Наиболее рельефно это сформулировано Э. Фроммом в его понятиях «психологической недостаточности» и «психологической избыточности», связанных с продуктивностью человека, позволяющей ему преобразовывать себя и внешний мир. Практически каноническое определение: человек находится в продуктивной сфере — «потребляя себя»⁵⁵. Но «потреблять себя» для себя это — нонсенс или самоканнибальство и социальная болезнь. Потреблять себя можно только для других, самоидентифицируясь, активно взаимодействуя в группах и «отчуждая себя» для других. Отметим и слова Фромма: сфера психологической избыточности существует лишь там, «где человеку не приходится работать ради хлеба насущного», т.е. человек должен удовлетворить вначале нижележащие потребности, и иметь время, свободное от работы «ради хлеба насущного». Ошибочная или депривированная категоризация, «предъявленная извне» или эгоистическая и кастовая самоидентификация, безусловно, затормозят дальнейшее развитие не только человека, но и тех социальных групп, в которые он войдет. Вновь «способствующие условия» личностного развития и обязательное и деятельное участие «окружающего»! В возрасте пяти-семи лет детская непосредственность, постоянное «удивление внешним» начинает сменяться постепенным погружением в логическую сторону жизни. Резко уменьшаются бесчисленные «что?» и «почему?», но начинают возникать вопросы «как?» и «зачем?», проявляться рассуждения «Если... — то...». Человек начинает структурироваться сам — в чувствах, мотивах и поступках и структурировать категории внешнего мира — себя, других, окружающей действительности и обстоятельств. Все потребности нижележащих уровней начинают приобретать рельеф и объем,

⁵⁵ Митрополит Смоленский и Калининградский, Владыко Кирилл в телеинтервью программе «Зеркало» 18.03.2001.

наполняться смыслом. Безусловной становится роль образования, незаменимость не произвольно сконструированной, а объективно необходимой Современной Школы. *Индивидуальные потребности во взаимной привязанности, в принадлежности, в любви и преодолении недружелюбия, одиночества и остракизма принуждают человека вступать во взаимодействия с внешним миром, с окружающими людьми, осваивать опыт социального обмена.*

Социологический уровень. Человек приступает к освоению потребностей социологического уровня взаимодействий в групповом масштабе — актуализации межгрупповых установок, выбору стратегии межгруппового обмена, к *социальному обмену.*

Мы уже отмечали, что не материальный обмен предметами или ресурсами, а обмен психическими отношениями становится основой социальности.

У людей давно сформировались соответствующие категоризация и самоидентификация, а их участие в «предъявленном сверху» групповом обмене посредством партийно-административного ресурса становится приемлемым либо для малоопытной и пока еще восторженной молодежи, либо для социологических групп, ищущих социальной выгоды, либо для групп корыстных политиков и чиновничества. И опять прав Маслоу — необходимы «способствующие условия» личностного развития, жизненно необходимо не словесное и организационно-распорядительное, а деятельное *фактическое* участие власти в поддержании инициатив, идущих снизу, в организации и сохранении единства *объективно необходимой* (а не «наличествующей») системы. Насущно необходимыми для развития социальности на этом этапе становятся групповые взаимоотношения, групповой и социальный взаимообмен, направленный не на увеличение материального и «вещного» потребления, а приводящий к развитию истинно социальных *групповых установок и стратегий группового обмена.* И в этом смысле любой неформальный «кружок бальных танцев» становится гораздо ценнее любого элитно-организованного «общества потреби-

телей», «электорального фронта» или «партии любителей пива». Провал в накоплении бесценного индивидуального опыта межгрупповых отношений, инспирируемый соответствующим поведением «элит», способен привести к невозможности раскрытия человеческой личности, а в социальном плане — к торможению развития, а иногда — и к краху культурной цивилизации. Многолетняя сытая жизнь за счет других (других наций — как, например, в США, или собственного, еще не родившегося поколения — как, например, в Греции⁵⁶), непонимание социальной взаимозависимости и взаимосвязи между соседями, между поколениями, между прошлым и будущим социальным обменом — без сомнения приведет и уже приводит к финансовому и социальному банкротству многие европейские, азиатские и американские нации.

Сложность технологии межгрупповых взаимодействий и процедур социального обмена, порождает и структурные проблемы. Появляются дополнительные социальные структурно-властные и элитарные группы, которые заняты не только перемещением материальных средств существования групп, но и формированием и поддержанием избранной стратегии межгруппового взаимодействия. Эти группы должны вырабатывать и осуществлять общесистемные ценности, контроль физических границ взаимодействующих групп, содействуя формированию ритуалов и церемоний протекания межгрупповых контактов. Существенно влияет на социальный обмен властно-элитарный «...способ распределения ответственности между группами за вклады и исходы, полученные в ходе взаимодействия...» [Сушков, 1999, с. 301–303].

⁵⁶ Концентрированным выражением социальных эмоций греческого социума, находящегося в экономическом кризисе и кредитуемого, прежде всего, за счет экономики Германии, является интервью греческого болельщика российскому ТВ после проигрыша сборной Греции команде Германии на чемпионате Европы по футболу 2012 г.: «Да, мы проиграли, но теперь мы поедem домой и будем пить пиво на пляжах, а немцы уедут в свою Германию, чтобы работать, работать...». Не все так хорошо и просто в Евросоюзе.

Развитие группового и социального обмена, самого человека в процессе этого обмена, противоречия социального масштаба взаимодействий социальных групп, выводят человека к следующей социальной потребности социологического уровня взаимодействий — потребности *в организации и самоорганизации взаимодействия социальных субъектов, в необходимости их межгруппового регулирования и саморегулирования.*

Стимуляция интеллекта, категоризация и самоидентификация, начинающиеся еще в детстве, а также структурирование личности в дошкольном возрасте, продолжают все отрочество и юность. Широко раскрытый внешнему миру человек возвращается в мир внутренний, индивидуальный психологический мир, постигая уже самого себя, становясь мотивирующей силой собственного внутреннего развития. Тот объем, рельеф и структура социализации и интериоризации, опыт экстериоризации, который им накоплен на физическом, биологическом и психологическом уровнях имеют решающее значение для дальнейшего развития личности. «А вырастет ли из почки дерево или из бутона прекрасный цветок, зависит от того, какие условия вы создадите для этого и как будете ухаживать за своими подопечными. По моему мнению, в развитии ребенка образование и среда играют большую роль, чем наследственность» [Ибука, с. 58]. Исключительное значение для дальнейшего успешного взаимодействия человека с Миром на психологическом и социологическом уровнях имеют процессы категоризации, самоидентификации и, главное, — те люди и их взаимоотношения, которые окружали ребенка в это время. М. Ибука, один из основателей японской «Сони», много лет посвятивший делу воспитания японских детей и основавший в конце 1960-х Ассоциацию раннего развития, говорит о стереотипизации — продукте процесса категоризации, о создании стереотипов социального мышления⁵⁷. «Часто говорят, что

⁵⁷ Это и есть один из процессов социальной стандартизации, который помогает возникновению шарденовской «зернистости» — появлению у человека индивидуальности.

человек — продукт общества и что он не может жить вне его. Но с другой стороны, им руководит не только инстинкт жить в группе, но и сознание своего “Я”. Таким образом, он всегда должен искать гармонию между общественным и индивидуальным. Если баланс не будет установлен, он не сможет приспособиться к обществу. Достижение этой гармонии во многом зависит от раннего развития. Я считаю, что его можно достичь только на базе рано сформированного стереотипа мышления, который включает право на уважение к себе и чувство ответственности по отношению к обществу» [Ибука, с. 109].

Подрастая и выходя за привычные границы ближнего круга, осваивая категоризацию и самоидентификацию, удовлетворяя потребности физического, биологического и психологического уровней, человек вливается в социологические группы. В каких-то из них он пока только осваивает групповые ценности, а какие-то группы он уже организовал сам. Человек набирается опыта группового и межгруппового взаимодействия. Быть может, поначалу это будет вытекать только из потребности индивида сделать карьеру, и это на каком-то отрезке времени будет главным для него. И если он в своем карьеризме не пошел по головам сослуживцев, то у человека, накопившего позитивные знания и опыт успешного взаимодействия на нижележащих уровнях, получившего опыт взаимодействия в группах, это непременно перерастет в другую потребность: выполнить задачи, намеченные им самим, как правило, превышающие ожидания окружения, и успеть оказать помощь другим. Таких людей считают «блаженными» или теми, кому «больше всех надо»: они живут «потребляя себя», они стремятся «быть избранными». Еще в начале прошлого века было сказано: «Обычно, говоря об «избранном меньшинстве», передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И конечно, радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на

себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя» [Ортега-и-Гассет, с. 19].

Опытный, самоорганизованный и обладающий знаниями человек прекрасно понимает: жить честно, жить «потребляя себя» — выгоднее даже экономически. Удовлетворенные социальные потребности психологического уровня взаимодействий (организация и регулирование взаимодействий субъектов) пробуждают индивидуальные потребности социологического уровня взаимодействий — *потребности в обоснованной самооценке, в уважении окружающих и самоуважении, в чувстве собственного достоинства, независимости, свободы, в уверенности перед внешним Миром, в достижении компетенции и признании другими, в собственной ответственности за свое развитие.*

Социальный уровень. Удовлетворив индивидуальные потребности социологического уровня, проверив собственные амбиции в умении взаимодействовать в социологических группах, а иногда — и управлять ими, человек выходит на более высокий уровень взаимодействий, точнее — его выносит туда уже сама жизнь: в нем пробуждаются групповые потребности социологического уровня взаимодействий — *потребности в саморегуляции и корректировке групповых взаимоотношений*, а социологические группы начинают признавать его авторитет. Человек начинает заниматься («по долгу службы», либо по зову сердца) взаимодействиями групп: уточнением пространственных и ценностных групповых границ, повышением эффективности ее взаимодействия с другими группами, регламентированием целей и действий по их достижению, корректированием усвоенных группой категорий, образов групп и группового сознания. Человек модифицирует или создает заново организацию, способную органически влиться в вышележащую структуру и внести свой вклад в достижение ее целей. Это относится далеко не только к политике или экономике, но и к профессиональной деятельности или «банальному» быту.

«Межгрупповое сравнение ...начинается с того, как только группы начинают ощущать неудовлетворенность процессом или результатом взаимодействия в целом. С этого момента социальная система вступает на путь саморегуляции. В групповом сознании формируются образы групп, отражающие неудовлетворительные групповые характеристики, мешающие взаимодействию. Благодаря этому ... социальная система и сохраняет за собой способность к более менее эффективному воздействию на взаимодействующие группы для того, чтобы заставить их за счет саморегуляции найти новое состояние динамического равновесия, способствующее достижению системной цели» [Сушков, 1999, с. 313]. В групповом сознании формируются образы противостоящих групп, отражающие групповые характеристики, мешающие взаимодействию. Взаимодействие стремится адаптироваться к новым условиям, группы вырабатывают новые категории и групповое сознание, и под влиянием новых состояний группового сознания стремятся выработать новую тактику взаимодействия с другими. Могут меняться размеры, границы взаимодействий, выполняемые социальные или производственные функции групп, но объективно — именно эта новая организация взаимодействий на основе новых групповой категоризации и группового сознания вносит новый вклад в социальность. Излишне говорить, что на этом этапе вмешательство со стороны структурных властных или элитарных групп в межгрупповой обмен, находящийся в поле действующих законов, возвышает одни группы и разрушает другие, нарушая тем самым естественные процессы социального обмена. *Саморегуляция взаимодействия групп* — это первый этап регулирования их взаимоотношений, он характерен для группового масштаба взаимодействий. Взаимодействия групп на этом этапе, даже конфликтные, не выходят в социальный масштаб. Хотя косвенно такие межгрупповые конфликты могут оказывать влияние на социум, например, созданием новых категорий-образов и границ взаимодействий в виде новых законов или обрядов и ритуалов, но они никак на-

прямую не изменяют ни структуру социума, ни структуру социальных отношений.

Мирное согласование и саморегуляция взаимоотношений социологических групп, создавая и структурируя организации, корректируя групповые категории, образы групп и групповое сознание, вырабатывая новые правила социального взаимодействия, вносит свой вклад в социальную структуру социума. Отыскание противоречий, предупреждение перерастания межгрупповых конфликтов в социальные потрясения, сохранение и развитие социальной структуры являются насущной потребностью и основной обязанностью структурных социологических и социальных групп. И основным катализатором тут должны стать не групповые эмоции, или «внятные сигналы партайгеноссе» любого уровня, а их причины. Зачастую такие «сигналы» превращающие теперь групповые взаимодействия в политический базар, прекращают и сотрудничество групп, и выработку согласованных позиций и целей. Разрешение конфликтов в сотрудничестве групп приводит к наиболее полному удовлетворению потребностей социологического уровня в социальном масштабе — *сохранению и развитию социальной структуры*. И вновь повторим уже приведенные выше слова И. Сушкова: «Прямое воздействие на результаты межгруппового *восприятия*, к которым иногда прибегают при стремлении к социальной справедливости и социальному равенству, нередко понимаемым как одинаковость, может привести лишь к усугублению межгруппового кризиса. В анализе... следует исходить не из социологической или политической оценки групповых стереотипов и реакций, а из причин их возникновения *и функций, которые они исполняют*» [Сушков, 1999, с. 290, 292]. Именно тут нужны не одиночки, а массовость, массовое движение «взваливающих на себя тяготы и обязательства» — тех, кто ищет причины тягот, а не только виновных в них; кто не митингует, а делает — исправляет, насыщая социум новыми объективными знаниями, а не только «обличает» и ищет популярности в скандалах; кто осмысленно вырабатывает новое груп-

повое сознание, новые цели и объективно необходимые пути их достижения. Но эта массовость «взваливающих на себя» возможна лишь при лояльной заинтересованности в этом «элит», их лидеров и их «свит, делающей своих королей».

Именно таких людей выводит сама жизнь на самый верхний — социальный уровень взаимодействий. Вопрос другой — всегда ли и везде ли «допускают» их на этот уровень «элиты». Подчеркнем это: мы говорим не о немереных представителях «элиты» или «власти», которые по определению находятся «наверху», не о туче представителей «смазливо-креативного класса», стоящего теперь в очереди на собственный самопиар на московских «болотных» и «сахаровых» площадях и проспектах, и стремящегося стать «новой элитой», не о толпе «золотой молодежи», которая всегда отмечалась только на «элитных» тусовках! Мы говорим об отдельных людях, «взваливающих на себя тяготы и обязательства», среди которых, впрочем, могут быть и те, которые мелькали в обозначенных выше социальных группах, но *никогда* не самоотжествляли себя с ними.

Групповая организация социума, по словам И.Сушкова создает у человека ощущение дистанции от всех прочих. Очередная дифференциация человека и его социологических групп, приводит к тому, что в социальном масштабе взаимодействий уже давно нет места отдельному конкретному человеку. Если сделать попытку объективно оценить этот уровень взаимодействий, то мы увидим, что отдельный человек сейчас становится отчужденным «элитами» от общества и его целей, отодвинутым в сторону теми самыми «элитами» и «креативными классами», «трансляторами их действий» и их интересами от насущных потребностей социума. Уже не гипотетические и не единичные примеры: «человек из низов», или как раньше говорили «от сохи», пришедший во власть или даже призванный к власти «элитой», непременно будет отодвинут кланом «свиты короля» от властных возможностей, от возможностей реализации насущных социальных потребностей демагогией о «социальной необходимости» или «социальном заказе» и «соци-

альных возможностях», будто бы в действительности социальные возможности находятся не в руках «элиты».

Высшей индивидуальной потребностью на социальном уровне взаимодействий для взваливающих на себя тяготы и обязательства становится *самоактуализация, потребность в достижении независимости и истины, осознание и исполнение личностью собственной миссии в Мире, поиск истины, смысла жизни, добра и справедливости, стремление к максимуму своего собственного потенциала.*

Это по Маслоу — метапотребности или потребности роста. Из многих публикаций Маслоу следует, что высших степеней самоактуализации — мотивов роста, сублимации — достигают далеко не все. Это обычно связано с обстоятельствами, окружением человека или депривацией его потребностей, поскольку потребности вызревают в онтогенезе человека, вместе с его постепенным становлением и развитием от уровня к уровню.

Поскольку современный социум не допускает свободного и полного развития на социальном уровне абсолютному большинству граждан, число самоактуализирующихся людей ничтожно мало. В связи с этими «социальными запретами» человек вынужден совершенствовать свое развитие на других уровнях взаимодействий, либо заменять его творчеством, духовным трудом, житнетворчеством — приспособлением к возможностям, которые открывает жизненная ситуация для реализации цели и индивидуального смысла жизни личности.

Мотивы роста зависят не от внешних обстоятельств, не от ожиданий окружающих и предписанных ими «ролей», а генерируются целями, которые человек ставит перед собой сам. Поэтому у метамотивированного человека вся избыточная энергия направляется не на обычно игнорируемое им потребительство, а на продуктивность, на созидание, на конструктивную и творческую деятельность во имя поставленных им самим целей. Происходит своеобразная сублимация избыточной энергии, ее переключение на постоянное собственное становление и рост, она направляется не на то,

чтобы «быть» и «иметь», а на то, чтобы «долженствовать» и «делать». Человек занят духовным — творческим и созидательным трудом, а не тиражированием известного. Духовный труд — труд прежде всего индивидуальный, личностный, труд «кота, гуляющего сам по себе», мотивированного собственными целями и интересами. Это та область творческого труда, где не действует его социальное разделение и социальная детерминация, где человек сам ставит перед собой цели и добивается их, где человек сам выступает субъектом творчества и самой жизни. Пусть впоследствии результат этого творческого духовного труда выступит для социума в виде материальной вещи, открытия, изобретения или произведения искусства, но для самой личности он навсегда останется духовным опытом его личного творчества, его достижения лично им поставленной цели, его преодолением жизненных коллизий, его вкладом в развитие Мира. Только в духовном труде его целью становится не материальная выгода, а другой человек, другие люди, их благо. Этот — духовный труд — нельзя путать с умственным трудом в материальном производстве, направляемом и детерминируемым целями социума.

Человек становится личностью, когда он осваивает не только знания, культуру, социальные ценности и отношения к ним, но и активно возвращает их другим. Безусловно, личность может существовать только в границах других социальных субъектов — социологических и социальных групп, но она — один из равноправных субъектов развития социосферы. И только на этом пути — предоставления личности права быть социальным субъектом — возможно замыкание самодостаточных систем, возможна иерархизированная интеграция личностей, социологических и социальных групп в единый социум⁵⁸. На стыках отношений между

⁵⁸ Здесь нельзя согласиться с мнением И. Сушкова, утверждающим, что качества личности — это «индивидуализированная проекция свойств, присущих группам, которые включают или когда-либо включали данную личность» [Сушков, 1999, с. 137]. Да, человек, развивающийся на уровнях до психологического — пока является «системой групповых проекций», но перешагнув порог социологического уровня взаимодействий,

социальными субъектами действуют личности. Формирование образа и ценностной сферы группы, развитие и реализация группового поведения происходят при непосредственном воздействии и участии личностей. Немалая доля вклада социологическими группами в социальное единство, в социальный обмен и саму социальность принадлежит именно личностям. Нередко решающая доля заслуг (а иногда — и вины) в ликвидации (или возникновении) крупных социальных конфликтов принадлежит личностям.

Источником противоречий, развивающих социум, являются противоречия в социальных отношениях, а их диалектикой — прежде всего психическое и «трансцендентное», позволяющее производство новых идей, всеобъемлющую связь противоречивых явлений, носителем и единственным «воспроизводителем» которого является Личность. Если, благодаря социализации и собственным усилиям, пространственно-временная структура бытия личности уже хранит образы социальных отношений, она может быть субъектом этих отношений. Для этого ей не обязательно быть включенной в социальную группу: она сама уже социальный субъект — носитель социального опыта, способный выражать свое отношение к социуму; она включена в пространственно-временную структуру бытия общества. Но для этого личностью нужно стать, пройдя школу продуктивных социально-психологических отношений, интериоризации и социализации в группе, накопив опыт социальных отношений, и вступить на порог потребности в самоактуализации.

Вначале общество помогает становлению личности, но общество и развивается Личностями. В этом встречном движении, встречном и взаимном размыкании общества —

полностью освоив взаимодействия психологического и социологического уровней, свободно развивающийся человек уже неволен остановиться в своем развитии, он сам становится социальным субъектом, производящим и воспроизводящим эти «групповые проекции» — опыт социальных взаимодействий, он становится Личностью, привнося в эту социальность нечто свое — новое и индивидуальное. Только так возможно социальное развитие.

к человеку, а личности — к обществу выявляются и получают разрешение возникающие социальные противоречия; в этом «вечном становлении и возвращении» общества — к человеку, а личности — к обществу кроются причины и возможности их дальнейшего развития.

Выразителем категорий новой культуры становятся отдельные личности, «лучшие люди», «избранное меньшинство», добавим: которое «благодаря» или «вопреки», но смогло удовлетворить свои дефицитарные потребности, поэтому их так легко спутать с «буржуа», «аристократией», «высшим классом» или «интеллектуалами». Представители этих «лучших людей» есть в любом «классе» или «социальном слое».

Знакомство каждого индивида с социальными отношениями происходит в осознании категорий и символов культуры, в социальной адаптации, в корректировке их внутренних ценностей. Только с помощью этих категорий и символов объединяются и отдельные индивиды, и группы, и социум в целом, поскольку эти категории и символы имеют для всех социальных субъектов общества гораздо больше сходств, чем различий. Культура и ее категории черпаются человеком из внешнего мира, адаптируются к сознанию человека его надындивидуальной психикой и становятся атрибутами его внутреннего мира. Но именно ввиду такой индивидуальной адаптации нация делится на специфические классы и слои. По И. Сушкову именно эти макро- и мезосоциальные группы — народ, этнос — являются носителем социального обмена, поскольку «социально-психологические отношения лишь объясняются разумом, но в большинстве общественных практик действуют на уровне эмоций... В этом смысле простые люди, не несущие на себе отпечатка высокого социального статуса... оказываются более пригодны к тому, чтобы передавать отношения, определяющие истинную групповую цель и создающие мотивацию группы. И лишь опираясь на отношения простого народа, авторитеты могут влиять на взаимоотношения групп ...Обращение к базовым потребностям — один из наиболее коротких путей нахожде-

ния оптимального решения для урегулирования конфликта» [Сушков, 1999, с. 307, с. 343].

А обратиться к базовым потребностям, понять истинную групповую цель, выработать на основе правильно понятых эмоций новые общественные практики и создать новую мотивацию групп могут только Личности и группы Личностей, зачастую — вопреки узкоэлитарным интересам. Только метамотивированные и самоактуализирующиеся личности, овладевшие знаниями и опытом взаимодействий на ниже лежащих уровнях, могут разрешить объективные потребности социального уровня в групповом масштабе — *мирное разрешение межгрупповых конфликтов, корректировку или изменение категоризационной структуры* межгруппового взаимодействия. Традиционное «обращение элит» к базовым потребностям электората мы видим при любых выборах «элит» — от местно-муниципальных до федеральных. Человек, имеющий позитивный опыт взаимодействий на всех ниже лежащих уровнях во всех масштабах, уже не способен пройти мимо несоответствий: он будет не кричать, а делать; не обличать, а исправлять; искать не крайнего, а причину. Именно так и зарабатывается уважение окружающих — не карьерная «узнаваемость» или «почитаемость», созданная служебным понуждением, скандалами или PR-акциями, и заканчивающиеся вместе с карьерой, а именно уважение и авторитет, основанные на «потреблении себя для других». Уверен, каждый может вспомнить таких людей, встречавшихся в вашей жизни. Их — немного, но те люди, которые непосредственно работали с ними, или слышали отзывы о них, помнят о таких «потребителях себя» очень долго. В моей уже не короткой жизни таких людей встретилось *менее двух десятков*, но я до сих пор помню каждого из них. К сожалению, их — немного. Далеко не каждому везет в жизни — с семьей и родственными отношениями, с детством, со школьным окружением и воспитанием, а в России — еще и с датой рождения, поскольку все «революционные» социально-властные «преобразования» прямо и непосредственно, чаще всего — негативно, отра-

жаются на полноте удовлетворения буквально всех потребностей физического, биологического и психологического уровней. За последние сто лет в России такие «преобразования» происходили с периодичностью *не реже*, чем один раз в десять лет! Откуда в «революционных ситуациях» массам людей набраться конструктивного опыта взаимодействий, когда «кухарки» меняются местами с «буржуями», а затем — требование «жизни по-западному» выносит на поверхность уйму «узких специалистов», но не остается кухарок для обслуживания новоявленных «буржуа». Все такие «революции» порождают и возносят на поверхность массу «пены», покрывающей своим влиянием все вокруг... «Ведь личность никогда не может развернуться, если человек не выберет — сознательно и с осознанным моральным решением — собственный путь. Не только каузальный мотив, необходимость, но также сознательное моральное решение должно дать свою силу процессу личностного развития. Если первое, т.е. необходимость, отсутствует, то так называемое развитие будет простой акробатикой воли; если отсутствует последнее, а именно сознательное решение, то развитие увязнет в тупом бессознательном автоматизме. Однако решиться на собственный путь можно только в том случае, если он представляется наилучшим выходом» [Юнг, с. 73]. Есть ли у человека возможность в «революционных временах» для осознанного выбора объективно наилучшего выхода, и не ведут ли такие перемены массу людей к тупому бессознательному автоматизму — простому выживанию в этих «временах»?

Осознанная необходимость — потребность, и осознанный выбор смысла личного жизненного пути, приводят человека к «потреблению себя» во имя общегрупповых целей. Но для осознания необходимости обязательны знания, опыт межличностных взаимодействий и группового общения на всех уровнях и во всех масштабах, а также время на это осознание. К нашему несчастью, на одного «взваливающего на себя тяготы и обязательства» приходится пятьдесят, и даже — сто тех, кто «не силится перерасти себя». Челов-

век, не имеющий возможности или не стремящийся к необходимым знаниям и опыту, человек, даже прилежный и честный, но пропустивший благодаря «социальным лифтам» действенный опыт межличностных и межгрупповых отношений, либо «увязает в тупом бессознательном автоматизме» в своих взаимодействиях на социологическом уровне, либо уходит в себя, занимаясь решением только личных жизненных проблем. Он не в состоянии уже постичь опыт взаимоотношений с Миром на социологическом уровне, он, «не силясь перерасти себя», уже оторван от нижележащих уровней взаимодействий, а потому уже обречен остановиться в собственном развитии. Говоря словами Э. Фромма, человек не стал продуктивным, он не достиг сферы психологической активности, психологической избыточности, он остался в состоянии гомеостаза.

Мало ли в современных «элитах» таких честных и прилежных «социальных лифтеров», перемежаемых «прочими», и способна ли такая гомеостатическая «элита» организовывать и возглавлять «перестройки, ускорения» и прочие программы «социальной эффективности»? И не потому ли в «элитарной среде» не прекращаются межгрупповые разборки, а в мировых социумах зреют и постоянно проявляются межгрупповые и социальные конфликты? Неспособность «элиты» всех уровней оправдать эмоциональные надежды «народов и этносов», ее неспособность выявлять и понимать превалирующие социальные тенденции, ожидания и потребности, неспособность увязывать, структурировать, организовывать и направлять групповые и социальные взаимодействия в объективно необходимую социальную деятельность приводят к возникновению групповых и социальных конфликтов.

«...противоречивые требования (самостоятельность, автономность в профессиональном отношении и большая согласованность, открытость действий) приводят к повышению вероятности возникновения межгруппового конфликта в процессе обмена и обостренной чувствительности к развитию взаимоотношений групп... взаимной агрессии, меж-

групповой подозрительности, повышенной регламентации групповых действий» [Сушков, 1999, с. 301–303]. С момента публикации труда И. Сушкова прошло уже более десятка лет, а его слова о повышенной регламентации групповых действий подтверждаются с каждым днем: неспособность «элиты» к организации объективно необходимых «социальных эмоций», к урегулированию межгрупповых конфликтов выливается не только в регламентацию и перерегламентацию индивидуальных алкогольных промилле (как во Франции или в России). Уже очевидны «...безграничные последствия разделения Европы на отдельные «лагеря» (и ... неравномерность развития, вызванная этим разделением); ...Средиземноморье, до сих пор находящееся на краю «цивилизационной войны», которую можно предотвратить; ... миграция и границы, все продолжающие умножаться, оцепенивающиеся запретами, вызывающими коллективное недовольство и теряющими свою основную общественную функцию [Балибар, Валлерстайн, с. 8]. Регламентируются уже и действия отдельных, неугодных мировой «элите», государственных лидеров, а в крайнем своем выражении этот «регламент» приобретает форму бомбежек.

К термину «межгрупповой конфликт» не следует относиться как к аналогу банальной и порядком надоевшей межпартийной или межэлитарной склоки. Вообще говоря, вся наша жизнь — это конфликт. Развитие любой целостности возможно лишь потому, что она включает в себе элементы или тенденции, непосредственно друг с другом несовместимые и противоречивые. Сами человеческие потребности есть инстинктивные или осознанные противоречия, т.е. конфликты между наличествующим и необходимым человеку для развития. В современной конфликтологии выделены пять стратегий поведения в конфликтной ситуации: приспособление, избегание, компромисс, соперничество, сотрудничество. Настоящим *разрешением конфликта* является лишь последняя стратегия — *сотрудничество*, поиск совместного преодоления противоречий, позволяющий настоящее развитие социума и разрешение его интересов.

«Социальное творчество. Основные конфликты — конфликты между интересами разных людей или групп людей... Творческий подход к разрешению подобного рода конфликтов, во-первых, наиболее актуален, во-вторых, *наименее естествен для обыденного мышления* и, в-третьих, наиболее сложен, поскольку при его реализации необходимо, чтобы оппозиционная сторона была настроена хотя бы на компромисс... Творческая стратегия заключается в нахождении принципиально новой формулы соглашения, не основывающейся на требованиях, которые выдвигаются сторонами, но основывающейся *на интересах, выражением которых эти требования являются*» [Леонтьев Д., 1990, с. 17–20].

Социальная жизнь неизбежно приводит к сравнению групп, определению степени вклада различных групп в межгрупповое взаимодействие, разворачивающееся в сфере социальной жизни на глазах у наблюдающего «электората». Следствием постепенного накопления малых изменений в практике взаимоотношений групп являются межгрупповые конфликты, возникающие, когда прежние взаимоотношения групп начинают восприниматься как несправедливые. Неизбежен процесс оценки и новой категоризации групп. Конфликт — это столкновение групповых сущностей, то есть социальностей, независимо от причины его вызвавшей. Наиболее полезной единицей анализа конфликта *служит групповая идентичность*: расовая, культурная, религиозная. «Длительный социальный конфликт возникает из-за отрицания некоторых социальных идентичностей, включенных в социальный процесс; отсутствия безопасности групповым ценностям; препятствия эффективному участию в политической жизни. ...конфликт... ставит целью воздействие на партнера для соответствующей изоляции или уничтожения его. ...А общим итогом конфликта служит изменение социальной структуры» [Сушков, 1999, с. 332–333].

Конфликт — это средство решения диалектического противоречия, возникающего из-за несоответствия условий существования социального субъекта его потребностям. Большинство конфликтов, в том числе межгрупповых, име-

ют под собой не только «субъективную» сторону, не только фрустрацию личных потребностей, приводящих к личностному конфликту, но возникают в результате объективных противоречий, имеющихсся во внешних условиях существования социума [Гришина].

Насущной групповой потребностью и насущной личной обязанностью «элит» теперь становится *модернизация группового сознания и групповых категорий на основе осмысления новых групповых ценностей.*

Но разрешением межгрупповых конфликтов деятельность социума не завершается. Социум — саморазвивающаяся система, поэтому потребностью социального уровня взаимодействий в социальном масштабе становится *освоение новых пространств бытия* земным социумом. Пока можно только предполагать, куда пойдет его развитие, но без удовлетворения этой насущной потребности человечество может и не увидеть дальнейшего горизонта собственного развития. Вполне вероятно, что с ходом истории у человека будут возникать и развиваться новые потребности во всех масштабах его взаимодействия.

Мы коротко изложили онтологию социальных взаимодействий человека.

Можно утверждать, что человеческие потребности — как разрешение возникающих объективных противоречий — проявляются, развиваются и удовлетворяются именно в изложенной выше последовательности: на каждом уровне взаимодействий возникающие и удовлетворяющиеся индивидуальные потребности проявляют потребности группового масштаба взаимодействий, а те, — развиваясь и удовлетворяясь, — в свою очередь, проявляют потребности следующего — социального масштаба взаимодействий, подводящие человека к новому уровню индивидуальных потребностей. Тем самым индивидуальные потребности личности, о которых говорит А. Маслоу, превращаются в индивидуально-социальные. Такая последовательность объективно необходима и присуща социуму, но в современных обществах это последовательное индивидуально-социальное развитие

прерывается, обычно — на уровне психологических взаимодействий.

Социальный масштаб взаимодействий воспринимается современным человеком как нечто отстраненное от него, труднодостижимое, а потому для него — малоинтересное. Пока эта сфера людских взаимодействий социального масштаба почти полностью отдана на откуп социальным *структурным группам*, но продолжаться вечно это не может: либо человек станет полноправным (пусть даже только периодически) участником этих взаимодействий, непосредственно влияя на социальную структуру, либо неизбежны социальные конфликты.

Рассмотрение двух теорий — теории личности А. Маслоу и психологии групповых взаимоотношений И. Сушкова в отрыве друг от друга (что и делают современные ученые «не желающие доверять голосу сапиентального чувства» [Великие мыслители]) не позволяет понять процесса становления и развития социальности индивидов. Объединение этих эмпирически подтвержденных теорий в единую логику социума дает возможность не только изучать, но и планировать, предсказывать и управлять объективно необходимым процессом развития социума.

Приводимая ниже мнемосхема проявления потребностей социальных субъектов — лишь подспорье для чтения и подробного, а не схематичного постижения природной Логики социума (см. схему на с. 179).

Необходимо сказать о социальных стандартах и индивидуальной стандартизации и унификации. Я — не о площади и расположении отхожего места в квартире, не о социальной норме жилья и даже не о пресловутом доходе на душу населения.

Любая сложная современная техническая система не может быть собрана в нарушение действующих физических закономерностей, а пренебрежение унификацией приводит к тому, что из-за отсутствия мелких деталей, изготовленных одной фирмой, в другой могут простаивать крупные промышленные комплексы. Даже уникальные узлы косми-

МНЕМО-СХЕМА проявления потребностей социальных субъектов

Время и место проявления		В онтогенезе человека		В процессе социализации и интериоризации		В филогенезе социума	
Уровни взаимодействия		человека				социума	
Социальный		Потребности в достижении независимости и истины, осознания собственной миссии в Мире, стремление к максимуму своего потенциала	↑	Модернизация (вплоть до групповых конфликтов) группового сознания и групповых категорий на основе осмысления новых групповых ценностей	↑	Освоение новых пространств Бытия	
Социологический		Потребности в обоснованной самооценке, в уважении, в достижении компетенции, в независимости и свободе, в ответственности за свое развитие	↑	Саморегуляция групповых взаимоотношений, создание новых категорий и социальных стереотипов, обусловленные ростом групп и границ обмена	↑	Сохранение и развитие социальной структуры на основе выработки границ и норм мирного сосуществования	
Психологический		Потребности во взаимной привязанности и принадлежности, в любви и преодолении недружелюбия	↑	Социальный обмен, актуализация межгрупповых установок для выбора стратегии межгруппового обмена	↑	Организация и регулирование взаимодействий суверенных социальных субъектов внутри их совокупности	
Биологический		Потребности в: стабильности, порядке, в зависимости и покровительстве, защите	↑	Групповая идентификация, постижение группового сознания, социализация	↑	Власть и распределение ресурсов для социальной дифференциации деятельности и интеграции взаимодействий	
Физический		Потребности в пище, сенсорной стимуляции, сне, защите от экстремальных условий. Физиологический гомеостаз.	↑	Категоризация и самокатегоризация для согласования общего поведения и целей	↑	Отбор и освоение коллективных норм и ценностей	
Уровни взаимодействия		индивид		первичные самоорганизующиеся, социологические и социальные группы		социум, структурные группы, сообщества, нации	
Масштаб взаимодействия		индивидуальный		групповой		социальный	

ческих аппаратов изготавливаются из стандартных деталей и материалов, прошедших стандартную проверку на прочность, экологичность, износостойкость.

Почему так? Человек стремится обезопасить себя от технических сбоев и катастроф, которые можно предусмотреть еще на Земле, на основе знаний и опыта унифицировать и стандартизировать свою деятельность, технические решения, узлы машин, электрические и электронные компоненты, или симптомы и признаки болезней для того, чтобы иметь возможность создать сложные технические системы, не теряя времени приступить к лечению болезней по результатам стандартных тестов. Для того, чтобы не изобретать велосипед, чтобы обезопасить себя от разного рода современных «митрофанушек», сконцентрировав предыдущий опыт, сократить затраты на подготовительную работу, необходимо знание действующих закономерностей, стандарты и надежные методы сравнения любых новшеств с ними: так человек значительно сокращает время разработки новых устройств и имеет надежные эталоны и методы сравнения с ними, защищающие человека от непродуманных и непроверенных технических решений, от потери драгоценного времени, от необходимости каждому новому поколению «танцевать от печки».

Все это — банально, когда мы рассматриваем технические, научные или санитарно-эпидемиологические и медицинские аспекты жизни современного общества. Но эта же банальность воспринимается «в штыки», когда мы переходим к социальным аспектам общественной жизни.

Любые законы, стандарты, технические предписания и регламенты пишутся буквально на крови и опыте предыдущих поколений. Речь идет, конечно, не о ежегодно меняющихся «чиновных регламентах», имеющих целью собственное спокойное существование, а о научно обоснованных выводах специалистов, сделанных ими на анализе фактов и явлений предыдущих ошибок, проб, катастроф. Именно проверенные опытом выводы специалистов становятся стандартами поведения в технических и научных отраслях деятельности. Но то, что такие стандарты жизненно необ-

ходимы и для социальных взаимодействий общества, человеку не просто невдомек: он ощетинивается от подобных высказываний, он считает, что ограничивается его «свобода», что его опять пытаются загнать за «железный занавес», сделать из него «стандартного совка», вернуть в «коммунистическое прошлое», поставить на поток производство тупоголовых «солдат революции».

Перечислю несколько примеров действия социальных стандартов и методов индивидуальной стандартизации, постоянное нарушение которых различными социальными субъектами в течение веков приводило к перманентным социальным катастрофам.

1. Ущемление, депривация базовых физиологических и биологических потребностей человека ведет к социальным катастрофам. В том числе и из-за этого распалась Римская империя, а большевики, интуитивно поняв это в конце XIX века, разработав методы и создав средства категоризации и самоидентификации больших социологических и социальных групп, исполнили объективно необходимые требования социального стандарта: базовые физиологические потребности, а также потребности в безопасности и защите должны быть удовлетворены, иначе социальная катастрофа неминуема. И вина, и беда РСДРП в том, что она стала новой «элитой», и остановилась только на первом необходимом шаге; в том, что уже в мирное время в ВКП(б) и КПСС не нашлось достаточного количества социально стандартизованных Личностей, способных постичь логику социума, создать новое групповое сознание и новую групповую идентификацию.

2. И Петр I, и Г. Форд понимали необходимость хотя бы профессиональной социализации специалистов на всех уровнях их взаимодействий, *принуждая* проходить их по всем ступеням служебной лестницы — от плотника или слесаря — до капитана и топ-менеджера. К несчастью, современные топ-менеджеры, не державшие в руках ни топора, ни гаечного ключа, управляют не людьми и их потребностями, а только денежными потоками, поскольку, не имея стандартной индивидуальной социализации, не в состоянии

постичь ни индивидуальные, ни групповые и социальные потребности больших коллективов. Широко обсуждаемая тема «социальных лифтов» напрямую противоречит стандартам социальной логики, лишает человека возможности индивидуальной стандартизации!

3. События в Ливии, Египте, Тунисе, Сирии и пр. — это не происки «мировой буржуазии», не только цветные и цветочные «заговоры» или «вызовы». «Захват Уолл-стрит», массовые выступления в европейских и средне-азиатских странах, уже массовые случаи применения огнестрельного оружия одиночками против мирных граждан, перманентные всплески активности боевиков⁵⁹, наконец, изменения социальных настроений в России в 2011–12 гг. — все это результаты депривации и фрустрации потребностей в безопасности и структуре, потребностей в групповой идентификации, потребностей в необходимости структурирования группового сознания; это — результаты бездействия структурных групп всех уровней в вопросах сохранения стабильности социальной структуры. Допущенное властными структурами беспрецедентное расслоение современных социумов не только по доходам, но прежде — по возможностям участия в социальном обмене; беспрецедентно несправедливая оценка деятельности социальных групп по их вкладу в социальные взаимодействия и социальную жизнь. Абсолютное засилие властных и структурных групп в социальных взаимодействиях при очевидном (часто даже — силовом!) вытеснении ими других социальных и социологических субъектов не только от власти, но и от социальных взаимодействий на периферию кухонь, улиц, площадей, Интернета или желтой прессы. В социальной жизни и социальных взаимодействиях уже нет социального обмена,

⁵⁹ Даже терроризм должен излечиваться обращением к базовым потребностям, поскольку и там «топ-менеджеры» лишь управляют денежными потоками, а массовость создает психологически обостренная этими «топ-менеджерами» (иногда — с применением психотропных практик) неудовлетворенность (депривация!) индивидуальных и социальных потребностей национальных, социологических и социальных групп обычных людей.

нет конвергенции между «низами» и «верхами», нет того, что И. Сушков называет «обращением к базовым потребностям» или «опорой на отношения простого народа». Есть лишь вакуум, охраняемый властными свитами и разбавляемый встречами с «избранным электоратом» или запоздалым участием в «непартийных акциях».

4. Опыт взаимодействия в разных по численности коллективах свидетельствует: если в них на ключевых местах сконцентрированы люди, прошедшие стандартные процедуры социализации и социальных действий, коллектив показывает слаженные, производительные, честные и самоотверженные социальные взаимодействия (не только в профессиональной деятельности). Им не требуется ни особого контроля со стороны, ни властных понуканий. Под воздействием этих «стандартизованных» Личностей коллективы начинают приобретать и групповую идентификацию, и групповое сознание, и групповые перспективные цели, которых они добиваются, коллективно преодолевая встречающиеся противоречия, меняя групповые установки, создавая новые категории и социальные стереотипы. К сожалению, совершенно недостаточные, но существовавшие в СССР зачатки социальных стандартов (в том числе и по отбору Личностей) не просто забыты, а разрушены, а «стандартизованные» Личности давно заменены узкоспециализированными «креативными топ-менеджерами», приближенными к «власти».

До тех пор, пока социальным развитием, включая экономику и политику, бизнес и культуру, юстицию и оборону, образование и пр., будут заниматься не стандартизованные Личности, а стандартно обученные посредственности — другому не будет. Посредственность не способна к анализу, синтезу, к объективным выводам и необходимым Поступкам, к убежденности и убеждению, к социальному влиянию. Она не силится перерасти себя, она, «заглядывая в рот начальству», лишь стремится исполнить роль шакала Табаки. А ее «креативные» порывы непредсказуемы, и чаще всего приводят либо к межгосударственным конфузам с «гастарбайтерами», либо к многомиллиардным катастрофам с элек-

тростанциями, самолетами, ракетами и спутниками, либо к крушениям океанских лайнеров в итальянских проливах, годящихся лишь для прогулок на весельных лодках.

Понимаю, что при сложившейся терминологической практике термины «социальный стандарт» и «индивидуальная стандартизация» неудачны, но лично для меня устойчиво-стандартные словосочетания «социальная норма» или «социальный стандарт жизни» звучат ровно так же, как фиолетовый размер воздуха. Да и не в терминологических изысках дело:

- под социальным стандартом я понимаю те условия, обязанность в создании которых лежит на социуме в лице структурных и властно-элитарных групп, и которые будут необходимыми и *достаточными* для развития как отдельных индивидов, так и всего социума на всех уровнях и во всех масштабах социальных взаимодействий при данном уровне развития;
- под индивидуальной стандартизацией я понимаю сознательный, управляемый социумом индивидуальный процесс с обратными связями, а под стандартизованной личностью я понимаю людей, которые накопили и продолжают накапливать опыт социализации, интериоризации и экстериоризации на всех уровнях и во всех масштабах социальных взаимодействий.

Эти стандарты и такая стандартизация — вовсе не попытка делать людей похожими на шайбы или гвозди, вылетающие из гвоздильного автомата. Эти стандарты и процессы такой стандартизации обусловлены филогенетической историей человека, они делают людей физически и морально здоровыми, социально предсказуемыми, социоцентричными, направленными на развитие и настоящую креативность. Многолетние эмпирические исследования Маслоу показали, что депривация и фрустрация потребностей человека ведут его к психическим и соматическим заболеваниям, нарушают целостность личности, приводят к социальным катастрофам. Каждый индивид в меру своих личных качеств, в меру своего умения, культуры, навыков, активно-

сти, прилежания, сопутствующих внешних обстоятельств проходит освоение социальных отношений строго индивидуально. Сами эти отношения, в среде которых протекает жизнь конкретного индивида, имеют свои различия и особенности. В силу этого, пока существует общество, были, есть и будут различия в индивидуальных и социальных потенциях индивидов, а значит и различия в общественно значимых проявлениях этих сил. Кесарю — кесарево? Если угодно, — да! — в совершенно определенном смысле. Мы уже привыкли к тестированию и предпочтительному отбору людей в профессиональной сфере деятельности, и нас это не пугает и не унижает. Но так же и в жизни: человек, не освоивший всей полноты социальных отношений, не прошедший их эмпирического освоения *на каждом уровне взаимодействия с миром* не обладает соответствующим уровнем индивидуальной организации, он не в состоянии руководствоваться этими отношениями и руководить ими, а потому сама жизнь «тестирует» и просеивает такого человека через свое сито. Индивид, пассивно отдающийся во власть конкурирующих рынков социальных отношений (труда, услуг, товаров, идеологий, властных посулов или меркантильных соображений) и управляющих ими частных интересов есть объект общественного развития. Он просто решает собственную жизненную коллизию: мне все должны, а государство — просто обязано... Гораздо сложнее задаться вопросом — как можно удовлетворить не корыстные частные интересы, а объективные социальные потребности, совпадающие с моими личными? Отказываясь от активного развития и собственного становления, человек теряется в этом «нашем всё», становится «социальной массой», объектом частных интересов и рынков. Но и общество с его социальными институтами, устанавливая нерациональные, неравнозначные и неравноценные социальные требования, нормы и устои, способствует растворению человека в этом «нашем всё». К этому есть и объективные предпосылки. Вероятно, важнейшей из них является та, что род Номо пока **не готов** (не умеет) к взаимодействиям на социальном уров-

не и совместному рачительному и продуктивному пользованию социальными отношениями. Пока он только пытается овладеть этим пространством, а «элиты» — не предпринимают никаких усилий для того, чтобы человек дошел в своем раннем онтогенезе хотя бы до психологического уровня развития.

Социальные аксиомы.

Из всего изложенного выше текста можно сформулировать принципы, имеющие характер тенденций, закономерностей. Интуитивно они понятны. Я назвал бы их социальными аксиомами. Они не моральны — мораль есть коллективный договор, рождаемый социумом. Они нравственны — нравственность порождает сама личность внутри себя. Привожу их в порядке обсуждения, но для меня их применение — вопрос однажды и навсегда решенный.

1. *Принцип соблюдения (не нарушения) основных законов существования органической жизни, законов общественного развития, законов развития Мира.* Любое нарушение этого принципа уводит человека и социум с пути развития на путь регресса, а значит объективно недопустимо.

2. *Принцип соблюдения (не ухудшения) достигнутого уровня существования.* Развитие человека есть социальный индикатор развития социума. Любое нарушение этого принципа означает, что возможный прогресс в развитии человека, личности или социальной группы сменился регрессом. Но регрессивное движение автоматически означает регресс в развитии социума и нарушение принципа 1.

3. *Принцип обратной связи* (воздействие результатов процесса на характер протекания процесса). Любое нарушение этого принципа ведет к катастрофам. Отсутствие обратных связей в искусственно созданных волей человека системах — всегда следствие отсутствия либо сознания, либо воли, либо их депривация. Нарушение этого принципа автоматически означает нарушение принципов 1 и 2.

4. *Принцип необходимости и достаточности* (соразмерности). Необходимость определяется наличием условий, без

которых невозможно существование человека или социума на уже достигнутом уровне. Достаточность определяется комплексом условий, которые способны обеспечить дальнейшее развитие человека или социума, достижение ими более высокого уровня существования. Снижение уровня необходимости означает регресс для всего социума. Превышение уровня достаточности означает развитие одной части социума за счет другой его части, или — нарушение принципов 1, 2 и 3.

5. *Принцип минимальной депривации* рационального в сознании человека. Любое нарушение этого принципа означает, что человек недополучает информацию либо получает ее в искаженном виде. Это означает, что социальный субъект не может использовать все условия для достижения возможного уровня существования и своего дальнейшего развития. Тем самым нарушаются принципы 1, 2, 3 и 4.

Эти пять принципов есть минимально необходимые запретительные условия деятельности любого человека во внешнем мире. Они не противоречат ни религиозным убеждениям членов любых конфессий, ни принципам гуманизма и неогуманизма, а в отличие от последних — не оскорбляют ничьих религиозных чувств, но приводят к тому же результату — соблюдению законов Природы.

Применение этих принципов уже сейчас необходимо и возможно каждым субъектом на всех уровнях его взаимодействий в рамках границ его деятельности, лежащих в треугольнике « $\Leftarrow$ потребности $\Rightarrow$ возможности $\Rightarrow$ целесообразность $\Rightarrow$ ». Любое нарушение любого из этих принципов в границах возможной деятельности есть нравственное преступление; любая мораль, идущая вразрез с этими принципами, есть морализаторство.

Первые три принципа теоретически ни у кого особых сомнений не вызывают, но четвертый воспринимается человеком лишь частично (только в отношении других), пятый — отторгается фактически, а все они не являются культурной нормой, поскольку, к нашему несчастью, не являются общепринятым способом мышления.

ВТОРОЕ НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ.

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОСТИ?

Что же предпринимает современный социум для того, чтобы онтогенез нынешних детей не повторял трагические зигзаги филогенетического развития множества колен их «прародителей»?

Философия, а вслед за ней и другие науки, прошли от досократовского онтологического этапа, изучавшего абстракции, через этап гносеологический, обслуживающий уже вещные потребности человека — цели и целеполагание, экономику, технику, средства. Нынешний третий этап — аксиологический — призван понять способы оценки: человека, его духовности, свободы, социальной и хозяйственной деятельности. Как ни печально, но этот путь развития философии: *что? — как? — почему?* — скопировал в своем развитии и социум. Нынешний отрезок развития человека и социума находится в состоянии «почему?». Объективное ограничение наукой сферы собственного интереса и деятельности до субъект-объектных или межсубъектных отношений, а также всевозрастающие экономическое, государственное или политическое давление («социальный заказ») на результаты ее исследований являются категориальными ошибками. Мы перестаем «видеть лес за деревьями», часто смешивая в своей деятельности суть самой ценности и ее оценку, сваливая в одну кучу субъект и результаты его деятельности.

Человек, формирующие его категории и общественное сознание — вот цель и мерило сегодняшнего развития общества. Развитием человека и объективно существующим общественным сознанием, его научной фундаментальностью, его массовостью и массовым применением в жизни, его самостоятельностью и его защищенностью Законом и государственной практикой определяется сегодня уровень развития общества. По сути, онтологические основы развития человека определены наличным состоянием трех составляющих общественного сознания, формирующего личностную сущность каждого: когнитивной (знания, технологии, власть), нравственной (мораль и этика, культура, идеология) и деятельностной (принятие решений, определяющих дальнейшее развитие, и деятельность по их выполнению). Объективно существующее общественное сознание есть результат развития всего общества. Психическое развитие человека в филогенезе проходило не под прессом наличного бытия, а благодаря челове-

ским потребностям, удовлетворяя которые, он изменял и наличествующее бытие. По своей форме общественное сознание должно быть психолого-идеологическим выражением господствующих в обществе традиций, чувств и эмоций, устремлений, действий, а также их рационального — теоретического обоснования, т.е. науки (включая философию, право, политику, анти-политику и пр.), культуры (включая мораль, религию, эстетику и пр.), техники (во всех ее аспектах, включая предпринимательство). Психолого-политическая корректировка общественного сознания крайне желательна особенно сейчас — в кризисный период социального развития — но при этом она должна иметь фундаментальное научное, а не политическое или политиканское обоснование. Не имея научно обоснованной, поддерживаемой и развиваемой социологическими и социальными группами идеологии (т.е.: «куда?», «зачем?», «кто?», «что?», «как?» и «почему?» — категоризации, а также ее носителя — фактических, а не «назначенных» Личностей), социальное сознание не в состоянии увидеть и наметить свой оптимальный вектор движения, а потому заикливается на чисто потребительском «где-почем?» или «кто-что-почем?».

НАУКА

Вне зависимости от социального устройства или принятой государственной идеологии конкретная социальная общность воспитывает (категоризирует и социализирует) человека, необходимого этой общности с точки зрения ее социального сознания, невзирая на объективные закономерности развития Мира. При этом в любом суверенном государстве одновременно существует множество социальных общностей с присущими им категориями и социальными сознаниями, имеющими иногда мало общего с объективным состоянием окружающего или научным знанием.

Мы сменили римские тоги и сандалии на профессорские и академические мантии, мы «не ждали милости от Природы», а ставили задачи «взять их у нее», но мы не стали, и, к счастью, никогда не станем властелинами Природы. Мы стали умнее и в чем-то мудрее, но мы вынуждены сейчас, и, вероятно — еще долго будем вынуждены двигаться в постижении своих знаний на ощупь параллельно развитию Природы и Мира. Современные тинейджеры свысока относятся к знаниям не только античных веков, но и к знаниям прямых своих предков — родителей, дедушек и бабушек. Только им стоит помнить, что точно так же к их знаниям будут относиться

и потомки: с их точки зрения, многие нынешние «знания» будут объективно оценены как верования — в силу ученых, в звучную научную школу, в наши технологические возможности или в силу государства. Объективные знания о действительности приобретают все большее и большее значение. Тем обиднее за реальное состояние дел социального научного сознания, принуждающего человека проходить эмпирическим путем то, что науке уже давно известно. От такого эмпиризма не застрахованы даже матерые ученые!

С.П. Капица, столкнувшись с проблемой интеграции различных областей знаний в собственном исследовании, пишет: «Одна из главных трудностей моего исследования состояла в том, чтобы преодолеть внутренние барьеры, которые есть в науке, понять, что имеют в виду демографы, историки, антропологи, математики. Все изучают человека, но каждый говорит на своем «птичьем языке» и даже не очень хочет разговаривать с другими» [Капица, 2000, Вестник]. Это говорит умудренный ученый! С одной стороны — частокол «внутреннего тезауруса», присущий каждому разделу науки, с другой — барьеры разговорного «птичьего языка», желание развивать только собственную «школу», отсутствие реальной связи с объективно наличествующим бытием приводят к постоянно возрастающему разрыву между знаниями конкретного индивида, получаемыми им в процессе социализации, и объективно необходимыми ему знаниями. Начиная с детского возраста, человек принужден постигать знания, помогающие ему лишь в бытовой жизни и профессиональной специализации в конкретной социальной общности, но нет учебных дисциплин, интегрирующих учебный курс и помогающих человеку в его социальной специализации в жизни, в Мире. Подразумеваемого новыми школьными стандартами и учебными программами интегрирования индивидуальных знаний и применения их в обыденной жизни не происходит. Но именно здесь — в раннем детстве и на подступах к самостоятельности — необходима подготовка человека к жизни в мире, к объективно необходимому преобразованию социума. Не хватает — и не только в России — научных знаний как одной из форм социального сознания, способных стать системой социальных и когнитивных ценностей, описывающих внешние границы возможного и необходимого развития человека в Мире.

Возникновение социума и развитие социальных отношений привело к дифференциации деятельности человека, к его урбанизации, к отрыву человека от Природы, к возникновению «второй

наследственной системы». Отношения человека с Миром невольно, но постоянно и во все возрастающем масштабе инвертируются в отношении человека с отдельной социальной группой или только с представителями отдельных социальных групп. Тем самым сама социальность в ее современном виде ограничивает одно из главных оснований человека — его направленность в Бесконечность. Человек становится одномерным, его внешние отношения стиснуты жесткими рамками современного социума, а свобода его отношений имеется только в возможности самоуглубления, *если он волен использовать эту возможность*. Вот тут могла бы сыграть свою роль наука. Этот род человеческих занятий давно уже превратился из индивидуальных интересов одиночек в мировой социальный институт, в огромные социальные группы, имеющие неопределенные границы, но от этого не переставшие подчиняться закономерностям социального развития.

Наука должна координировать и интегрировать развитие: системы знаний, системы обучения, самой науки, техники, социальных знаний и умений, вообще всей современной социальной культуры в самом широком смысле. Сама структура общества не может развиваться без развития науки, без применения объективных научных знаний. Вот в этом и заключается большой вопрос современной науки, поскольку она все больше и больше начинает зависеть от политики, интересов бизнеса, экономических и других процессов, часто переставая быть объективной и самостоятельной. Однако именно в сфере объективной науки отражается интеллектуальная, нравственная и духовная сила социума.

Возможности, потребности и целесообразности, способные привести общество к развитию, попадая в руки людей без интеллекта, безнравственных и бездуховных, перечеркиваются сиюминутными политическими или экономическими «необходимостями», становящимися их флагом, под которым социум заводится в тупик очередных кризисов. Любые благие намерения и цели, не поверенные объективными научными знаниями, становятся дорогой к очередному тупику. «В истории «мирной» гибели СССР существенная роль принадлежит отечественной науке. ...Идейной основой уничтожения гуманитарных наук стала вульгаризированная философия ... «истмата». ...наук естественных — вульгаризированная философия «диамата». ...Для уничтожения целых научных направлений собирали «сессии» — конференции с участием членов академий и профессоров» [Шноль, с. 8–11].

Наука несет основную социальную функцию: производство и поддержание в обществе объективного знания о мире, которое должно постоянно корректироваться вместе с развитием самой науки. А это значит, что именно наука ответственна за: 1) мировоззрение, господствующее в обществе, 2) рациональную (экологичную — понятно, но уже затерто, избито и заплевано, свежее — «ноосфероцентричную») человеческую деятельность и 3) рациональную технику и технологии (в том числе и социальные), позволяющие человеку дальнейшее развитие, но не поработщающие Природу. Наука и научное знание — это не панацея, решающая все наши жизненные проблемы. Человек, а не наука или научные знания, действует в мире, преобразуя его. Однако, не соотнося свою деятельность с объективным знанием, ограничивая объем сферы социальных отношений, субъект развития постоянно нарушает границы необходимого и достаточного, ложного и истинного, возможного и запретного — законы Природы.

А вот — бытующая у нас сейчас культура социально-научного мышления: «Во всем богатстве и разнообразии живой природы человек — единственное в мире биосоциальное существо... По своей биологической природе человек и сегодня остается таким же зверем, каким он был в момент своего зарождения. Он физически слаб, не защищен от внешнего мира, склонен к агрессии и насилию. В нем буйствуют властные силы завоевания и поработщания. Человек биологически лишен способности к сохранению себя как рода. Если биологические страсти человека освобождены от социальных ограничений, если в нем разжигается дух уничтожения, то действия его беспощадны... Снятие социальных запретов делает и сегодня жизнь россиян жертвой хорошо оплачиваемых киллеров. Происходит подобное и в других странах» [Абалкин]. Вероятно, академик был прав, говоря о человеке, находящемся на биологическом уровне развития⁶⁰. Я не хочу бросить тень на уважаемых ученых, но это — бытующая сейчас «наука», призванная научными знаниями освещать путь развития современного социума. Это — «научное знание», реально применяе-

⁶⁰ Вероятно, будучи членом ЦК КПСС и вторым лицом в Правительстве (1989–1991г.г.), членом президиума АН СССР, директором института экономики АН СССР, заведующим кафедрой социально-экономических проблем МГУ, можно было хоть как-то повлиять на социальное становление и развитие этого «зверя, склонного к агрессии и насилию». Безусловно, виноват не уважаемый академик-экономист, а недостаточность научных знаний о социуме.

мое в практической государственной и политической деятельности нынешних социальных общностей. Такова «научная» категоризация наших сограждан и «научное» становление их социального сознания. Напомню, что в нынешних Правительствах, так же, как и в бывшем Совете Министров — есть свои ученые-министры, но разработка российской «Стратегии 2020», о которой заговорили в 2005 году, не завершена и к началу 2012 г.

Фундаментальным парадоксом современного научного знания является его философский аспект. Сегодня научное знание состоит из разрозненных теорий, исходящих из разных предпосылок. Оно разрабатывается разными научными школами, имеющими разные предпочтения, и потому становится предназначенным для разных групп узких специалистов, а не для «экономически эффективного населения», которое в основном способствует становлению и развитию социума. При этом объективно необходимый минимум объема научных знаний, объективную «картину Мира» (социального Мира — прежде всего) ни среднее, ни высшее образование ни в одной стране человеку не предоставляет.

КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ученые, действительно радеющие о науке, понимая, что их наука, не способная проанализировать предмет ее деятельности и дать его адекватный, хотя бы и описательный, но научный прогноз, задумываются о методе и методологии науки.

Ф.Э. Шереги, еще в 1994 году, анализируя состояние проблемы предмета и метода обществознания подчеркивал, что социальные коллизии и неготовность как западных, так и отечественных социологов предсказать назревающие социальные конфликты, свидетельствуют не о кризисе идеологий, а о крахе апологетических социальных теорий, «ценность» которых с научной точки зрения одинакова в обеих полярных политических системах. Современная социология превратилась в псевдонауку, не способную создавать объективные гносеологические модели, не зависящие от массового сознания либо социальных институтов. Гносеологический кризис социологии вытекает из практической несостоятельности ее прогностических моделей. А принципами построения объективных научных моделей социологии он видит «два пути развития теории социологии — в опоре либо на объективные эмпирические, либо на феноменологические модели. Концептуальные контуры первых менее ясны... Более ясен подход к созданию таких феноменологи-

ческих моделей, которые уже сейчас пригодны для перспективного прогнозирования тенденций, направленности развития общества и его социальных институтов. Речь идет о категориальных моделях, в основе которых не общество, а личность как продукт биологического и социального развития последнего» [Шереги, 1994].

Если социология, и вообще общественные науки — псевдонауки, если они не позволяют прогнозировать изменения общества, высвечивать цели и оценивать результаты этого движения, то куда мы все движемся в последние годы (и даже столетия)? Ведь наука — это не бизнес, где потерю прибыли на одном продукте можно восполнить ростом цен на другой товар. Где мы, и кем мы становимся? Чем закончится это движение в «никуда»? Какой очередной кризис или коллизию, не предусмотренные наукой, но невольно организованные иррационально действующим человеком и обычно стыдливо называемые «вызов», нам готовит одностороннее развитие «онаученных» экономики, поп-культуры, бизнеса?

Являются ли так называемые «общественные науки» — наукой в буквальном понимании, если они, пытаясь возвышаться над фактами, лишь оценивают и толкуют их, т.е. оценивают прошлое и пытаются на этом основании толковать о будущем, причем, преимущественно — о материальном, «вещном» будущем? Если движение точки, ее будущее состояние под действием внешних сил в теоретической механике описывается некими уравнениями одинаково — и в «буржуазном», и в «коммунистическом» обществе, то будущее социума почему-то зависит от того, на каком континенте оно рассматривается.

Советские нормативная экономика и нормативная политика прощитывали не только цикл воспроизводства продукции, но и *цикл воспроизводства социальных отношений*. Это позволяло при относительно объективном планировании и не слишком бандитском распределении сохранять политическое и социальное равновесие. И не вина, а беда «социалистической» нормативной экономики, что в действие ее законов постоянно и на всех уровнях вмешивался нереплексивный, лживый, политизированный и вороватый человек.

В 1990-х мы с уничтожительной «научной» самооценкой намеренно занизили стоимость активов своей экономики практически в 400 раз, благодаря чему скоренько прошли бандитский период накопления и капитализации этих общественных активов в руках «назначенных» немногих, и с головой бросились в омут «рыночных отношений», красиво разрисованный для нас «чикагской

школой» экономистов. И опять «вляпались», потеряв собственную *производящую* промышленность и сельское хозяйство, *обеспечивавшее продовольственную безопасность*. Теперь — в условиях падения уровня социальной планки науки, культуры и техники — какие «островки безопасности», научные или «социальные лифты» и какие «долины нанотехнологий» способны вывести всю социальную общность из перманентного системного социального кризиса? Рынок и его «невидимая рука» уже привели к тому, что вся мировая экономика, в которую, как говорят, включена и Россия, есть одна большая пирамида по типу МММ. Ведь экономическая теория и социальная экономическая практика, благодаря мировой бизнес-«элите», давно уже стали «двумя большими разницами». Пока эта практика зиждется на ничем не обеспеченном бумажном долларе, распухшем в течение многих лет на эксплуатации чужих ресурсов и чужого населения, и в отношении которого другие государства пока делают вид, что эта зеленая бумага — пока резерв мирового развития. Не дай Бог, чтобы основные держатели этих «ценных бумаг» захотели одновременно продать свои акции этой пирамиды американскому правительству.

Человек в современном обществе уже давно отчужден от предметов своей собственной деятельности, связь человека с внешним миром уже давно опосредована внешними силами — властью, идеологией, социально-государственными институтами, потребностями работодателя или результатами чужого труда. Существующие социальные отношения, в центре которых, согласно «базису» марксизма-ленинизма, стоят прибыль и бизнес, «опредмечивают» отношения человека с внешним миром, делают из человека не творца собственной жизни, а запланированного и уже учтенного «потребителя» этих готовых предметов чужого труда. Взаимоотношения между человеком и внешним миром прервались, сузились до взаимоотношений с микросоциальными группами и урбанизированной «окружающей средой». В результате страдают, «сужаются» творческие способности человека, его связь не только с другими, но и с собственным родом, «сужаются» сферы его знания, культуры, сфера возможного развития и применения его индивидуальных способностей и умений. Человек постоянно отдалается от них на периферию социальных отношений, уходит в свой собственный узкий мир. Когнитивная, нравственная и деятельностная сферы общественного сознания отчуждены от конкретного человека и монополизированы узкими специалистами

ми. Индивид имеет возможность развития только в объективно свободных, не отчужденных от него нишах общественных отношений, сам невольно становясь при этом «узким специалистом». Уменьшение такого отчуждения возможно путем изменения социальных отношений, вначале — и прежде всего — обучением, воспитанием, настоящей социализацией и интериоризацией, если не в его отношениях с миром, то хотя бы — на первых порах — знанием о возможности таких отношений. Т.е. постепенным возвращением человека на подобающее ему место — в центр этих социальных отношений.

Состояние социальных институтов науки и культуры, их зависимость от бизнесориентированного и навязанного ему со стороны так называемого «социального заказа» свидетельствует и о кризисе целей, и о кризисе управления в этих жизненно важных для социума областях, и не позволяет надеяться, что научными методами и способами будет достигнуто новое состояние в «общепринятом способе мышления» — культуре и мировоззрении. Необходима реорганизация имеющихся, или подключение иных социальных институтов и социальных процессов, способных повлиять на это.

Удивительным фактом, на котором никак не акцентирует внимание ни одно правительство в мире, является то, что и наука, и культура, и техника, обладающие сомоценностью, давно уже стали лишь объектами и техническими средствами не общества, а бизнеса. Бизнес — экономическая деятельность человека, дающая прибыль (не путать с предпринимательством — добровольным принятием на себя рисков, связанных с реализацией новых идей!). Молчание множества мировых академий наук и министерств культуры на тему такого же множества «лженаук» и субкультур, иногда называемых «новыми форматами», имеет только два объяснения: либо уважаемые структурные органы ищут пути научного соприкосновения с «новыми форматами», либо наука и культура вместе с «новыми форматами» уже фактически стали «ничем личным, только бизнесом». Бездумное и повсеместно фактически поддерживаемое государствами и законами стремление к росту любой прибыли — причина «иррационального, беспланового и анархичного состояния общества» и «ошеломляющего отчуждения людей друг от друга, отчуждения каждого в отдельности от самого себя» [Адорно, с. 365, 367]. Главная причина «анархичного состояния» науки, культуры, образования, техники — кризис постановки целей и кризис управления этими сферами социальной

жизни. Испанский философ и социолог Ортега-и-Гассет еще в 30-х годах прошлого века говорил об испанском и западно-европейском обществе, что узко подготовленные «псевдоинтеллигенты» — наипривычнее представители «массового сознания» и что главной опасностью Европы 1930-х является «полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности». Человека массы вынудят жить для государственной машины, которая, высосав из человека все соки, умрет «самой мертвой из смертей — ржавой смертью механизма» [Ортега-и-Гассет, с. 20, 112–113]. Положение Испании в современном ЕЭС — известно.

Здесь, впрочем, как и везде, могла бы помочь совесть.

Российская, советская, и вновь российская школа мыслителей, философов и психологов внесла в понимание и этого феномена, и в методики его воспитания огромный научный и общепсихологический вклад. Их работы показывают, что совесть объединяет, цементирует и нравственность, и духовность, и человечность, и умение организовать окружающую жизнь в русле объективно необходимых социальных потребностей. Именно совесть может выступать тем психологическим «техническим средством», которое преодолет отчуждение человека от человека, от самого себя, от Мира. В совестливости и совести конкретного человека выявляется его сущность и индивидуальность. Совесть — не мораль, не стремление исполнить «социальные требования», а личностное восприятие бытия и социальное выражение этого восприятия. Н.А. Бердяев писал, что всякое известное ему общество враждебно свободе и склонно отрицать человеческую личность, что обусловлено ложной структурой, направлением сознания и ложной иерархией ценностей. «Личность, сознавшая свою ценность и свою первородную свободу, остается одинокой перед обществом, перед массовыми процессами истории. ...Свобода воли необходима для ответственности и наказания. Для меня свобода всегда означала что-то совсем другое. Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. ...Свобода моей совести есть абсолютный догмат, я тут не допускаю споров, никаких соглашений, тут возможна только отчаянная борьба...» [Бердяев, с. 305–307].

Совесть — это постижение конкретным человеком Мира, преломление этих персонализированных отношений через глубинную

антропоцентрическую и «родовую» память и возвращение личностного восприятия Мира другим людям. Возвращение, опосредованное совестливой деятельностью во благо не узкому кругу «своих», а гораздо большему множеству «других». Совесть, нравственность, духовность воспитываются в широко открытых, свободных отношениях человека с Миром, а не в предписанных государством законах. Только такие Личности способны развивать социумы.

«Состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности», «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны», «...без нравственного компонента любая система будет обречена», «...нравственность есть условие выживания человеческой цивилизации, — не больше и не меньше... хотим мы это признать или нет, но нравственность действительно лежит в основе всего». Все это — утверждения крупнейших экономистов, политиков, церковнослужителей, и возразить здесь нечего.

КУЛЬТУРА

По сути, культура и религия, наряду с наукой аксиологией, ставшие усвоенными человеком ценностями, выступают как внутренние дисциплинирующие условия деятельности культурного человека. Начиная с первобытнообщинных времен, с дифференциации человеческой деятельности, социальная общность не препятствовала, а потом и принимала как данность индивидуальное развитие «высшего класса». Цена этому индивидуальному развитию культуры избранных — фактическое социальное закабаление простолюдинов, доходившее до их абсолютного бесправия. Объектами этого индивидуального развития «избранных» стал интеллектуальный труд — наука, искусства, архитектура, литература. В противовес этому процессу вначале первобытные ритуалы и верования, а затем — и современные религии «окультуривали» социум, включая и простолюдинов. Однако религиозная ветвь культуры развивалась больше в сфере не материальной, а психологической, индивидуальной. Догматами веры религия задавала некий коридор развития социума, некую шкалу ценностей в индивидуальном поведении и общественных взаимоотношениях, способствуя развитию общей культуры. Но и «материальная» и «духовная» ветви развития культуры способствовали все большей дифференциации деятельности и поведения отдельного человека. «Культурная ценность» общности

растет, но культура индивида — ввиду все большей специализации его деятельности — падает. Индивид становится узким специалистом, намного превосходящим в своих специальных знаниях средний уровень знаний социума, но — благодаря этому же — становится нигилистом почти во всем, что не касается его специализации. И потому культура — не становится общепринятым способом мышления; им становится бескультурие.

Человеческая культура (не суб-, не масс- и не поп-культура) с момента своего зарождения отличается и от брачных танцев теремов, и от выбора вожака в львиной стае, и даже от соловьиных трелей. Она развивает и укрепляет высшие психические функции, но и требует от человека внутренних усилий, внутреннего труда и осмысления, т.е. того, что отличает человека от животного. То, что теперь называется массовой культурой или поп-культурой, воспитывает в человеке стремление к максимуму удовольствия при минимуме усилий. Она развивает и укореняет животный культ низших функций, закрепляя в человеческом сознании совершенно определенные, чаще — низкопробные категории Мира, взаимоотношений, жизни. Постоянное стремление «культурно расслабиться» является самым массовым и востребованным бизнесом, но ведет к деградации человеческой сущности. Традиционная народная и так называемая «классическая» культура⁶¹ требует включения высших психических функций человека.

Подогреваемое бизнесом и СМИ развитие самых разных субкультур, массового «чтива», кино и ТВ приводит не только к свободе от любой личной ответственности, но и к отсутствию, а порой и невозможности того, что называется «общепринятым способом мышления». Засилье капиталов считанных «продюсеров», обеспечиваю-

⁶¹ Кавычки на прилагательном классическая — вовсе не принижение этого вида культуры, а скорее удивление тем фактом, что человечество, считающее себя высокоорганизованным конгломератом, выделяет классику в некий “элитарный” вид культуры, доступный восприятию далеко не каждого. Но ведь это не так. Классическими являются и древние манускрипты, и стихи Пушкина или Асадова, и музыка Моцарта или Свиридова, и фильмы Чаплина или Меньшова, и творчество Высоцкого или “Битлз”. Классическим является и становится все то, что пробуждает в человеке высшие психические функции, мысль и заставляет сострадать. Сам этот факт, с одной стороны — выделения классики в “элитарный” вид культуры, а с другой — ее отстраненности от масс, свидетельствует лишь об анархичном состоянии общества, о том, что огромные массы людей не имеют действенного опыта индивидуальных и групповых взаимоотношений на всех уровнях и особенно в групповом и социальном масштабах.

щих экранное и телевизионное засилье эпатажной «избранной культуры» в угоду собственной прибыли уже привело к одностороннему развитию массово доступной эстрады, кино, телевидения.

О массовости религии — лучше и не упоминать. Государственное участие в массовом строительстве культовых сооружений, постоянные трансляции по ТВ политических и государственных мужей со свечами в руках на религиозных праздниках, стоянки лакированных «членовозов» возле церквей выглядят, с одной стороны — как замаливание, а с другой — как отпущение грехов. Грехов бывших, и возможных будущих. Но ведь религия — дело интимное. Людей действительно истово верующих — очень мало, и они этим не кичатся, а преподаванием в школе Закона Божьего их количество не увеличишь. То, что множество людей молодых говорит о собственной вере, но не связывает это напрямую ни с религиозными традициями и обрядами, ни с Богом, ни даже со знанием Библии — говорит о многом. И прежде всего, что такая вера — форма ухода от действительности в Бесконечность, от которой человека объективно отрешает социальная действительность.

Культура стала не средством развития человека, а *бизнесом*⁶². Снижение уровня социальной планки культуры привело, в том числе и к снижению уровня социального научного знания, и к культуре применения научного знания. Культура, в том числе культура взаимоотношений, — в смысле биологическом, родовом, общечеловеческом — не созерцание и внешние эмоции, а оценка и рефлексия; это не «браво-бис» на «дорогих» концертах, а внутреннее содрогание, собственные мысли и персональные изменения.

Налицо кризис общей заботы о культуре, кризис целей и управления, выражающийся в разнузданном жонглировании «свободой» без понимания огромной исторической ответственности за эту свободу. Уместно предположить, что западная «буржуазная» культура, обладавшая большей степенью свободы, даже в условиях классовой холодной войны изучавшая «коммунистические науки» и «коммунистическую культуру», ушла в своем развитии несколько дальше культуры «коммунистической», запрещавшей развитие некоторых разделов объективной внеклассовой науки и отрицавшая культуру «буржуазную».

⁶² Успех «Бурановских бабушек» (дай им Бог здоровья!) на конкурсе Евровидения моментально сделал никому до того не нужный самодеятельный коллектив востребованным бизнес-проектом.

ВЛАСТЬ

Первыми потребностями социального масштаба на биологическом уровне взаимодействий являются потребности в отборе и освоении коллективных норм и ценностей. Так или иначе, каждый человек может видеть и влиять на те ценности, которые воспринимает или отторгает его окружение: это происходит на глазах у человека и часто при непосредственном его участии или сознательном неучастии.

По сути, начиная с психологического уровня взаимодействий, человек невольно «отдает» формирование и реализацию потребностей социального масштаба на всех остальных уровнях в руки «других» людей — неких носителей властных функций. Этот момент филогенеза человечества — переломный, «судьбоносный», задавший направление вектора развития человечества на многие тысячелетия, и распространяющий свое влияние до сих пор. Именно поэтому мы обращаем на него такое внимание. Он не последний, впереди (если это «впереди» сможет быть обеспечено политической волей Элиты), человечество еще ждет подобные переломные моменты. Понимая, что, базируясь лишь на косвенных данных палео- и этнографических наук, мы можем сильно упростить фактическую прошлую реальность, все же следует попытаться понять процессы возникновения и трансформации властных функций в социумах. Весь предыдущий анализ подводит нас к мысли, что филогенез человека происходил по одним закономерностям во всех относительно обособленных группах и социумах. Пусть это развитие и различается временем, имеет свои частные характеристики, явления или особенности, однако основные тенденции человеческой социализации одинаковы, синстадиальны. Безусловно, при прямом контакте цивилизованный социум может оказать и оказывает влияние на группы «первобытных аборигенов», к примеру — на Новой Гвинее, в Австралии или при гипотетическом «контакте» землян с инопланетянами. Однако, насколько мощно такое влияние — по глубине воздействия на психику аборигенов, по глубине проникновения такого воздействия во времени и поколениях, по глубине социальных изменений? Говорят, что папуасы Новой Гвинеи до сих пор из поколения в поколение передают предания о Миклухо-Маклае, но стали ли они в массе хотя бы применять зубные щетки, пользоваться почтой и телеграфом? Утверждают, что «палеоконтакты» повлияли на наше развитие, что они изображены на наскальных рисунках и других артефактах мно-

гих континентов и имеют многотысячелетнюю историю. Но есть непреложный факт: человек вышел лишь в ближний космос всего пятьдесят лет назад, при этом ни один из земных регионов, имеющих «неоспоримые доказательства палеоконтактов», не может предъявить ни одного веского факта собственного безусловного лидерства в социальном развитии. Человек, отделившись от природы, сделав тем самым основным «техническим средством» своего развития не естественно-природный отбор, а социализацию, не в силах отменить или «перескочить» теперь уже не физические, а социальные законы филогенеза. После приобретения этой «второй наследственной системы», не внешние условия среды и создаваемой материальной культуры, не подаренная помощь извне, а внутренняя психическая и социальная работа многих «Я», их внутренняя духовная культура, передаваемая в социализации последующих поколений, способны развивать социум.

Мы уже упоминали, цитируя И.М. Дьяконова [Дьяконов, 2007], о возникновении в первобытных обществах преимущественно примитивного потестарного «народовластия» на основе родовых и семейных отношений. Учитывая сказанное выше, нелишне будет ознакомиться с анализом этнографических данных австралийских доклассовых обществ. Конечно, при этом необходимо учитывать, что жесткие социальные и религиозные нормы этих обществ регламентируют психику индивида, человек в значительной мере зависит от собственного окружения, а его сознание находится еще в начале психологического уровня.

О.Ю. Артемова, анализируя большой и разнообразный этнографический материал по Австралии XIX-XX веков, отмечает, что вопрос о лидерах у аборигенов вряд ли можно решить одной обобщенной формулировкой, поскольку локальные различия в культуре, размеры групп и формы их взаимодействий, функции и социальное назначение лидеров накладывают свой отпечаток. Все это многообразие, однако, можно свести к требованиям социальных норм аборигенов: признанные лидеры — главы общин «доминирующие в сообществе, опираясь на высокий авторитет»; руководители и хранители обрядов; руководители целевых групп. Кроме них существует еще один тип лидеров, не обусловленный непосредственно требованиями социальной системы — спонтанные лидеры, которые по собственной инициативе на время подчиняют своему влиянию окружающих. Чаще такие лидеры возникают в резидентных группах, реже — в общинах или их временных

объединениях [Артемова, с. 110–112]. Следует обратить внимание на три момента. Во-первых, лидеры опираются на высокий авторитет или/и специальные знания. Во-вторых, вопрос о лидерах в первобытных обществах тесно увязан с «требованием социальных норм аборигенов», а не с личными амбициями лидеров. Но уже на этом этапе филогенеза «власть», пока подчиненная требованиям социальной системы, начинает трансформироваться в соответствии с проявляющимися и развивающимися человеческими потребностями, в том числе индивидуально-социальными. Потому, что, в-третьих, «положение мужчины в обществе аборигенов... в немалой мере зависело от его семейного положения, от количества близких родственников, их пола, возраста и статуса», а этот фактор «начинал сказываться еще во время инициации: молодые люди, приходившиеся близкими родственниками самым влиятельным мужчинам группы, заканчивали обряды посвящения несколько раньше других, иногда их даже избавляли от некоторых... неприятных испытаний» [Артемова, с. 105]. Так что вопрос о «социальных лифтах» вовсе не нов... Однако, уже здесь «различия в индивидуальных характерах людей» имеют немалое значение [Артемова, с. 108]. Описание деятельности одного из таких лидеров аборигенов XIX века, Ялина-пирамурана, свидетельствует о том, что он пользовался непререкаемым авторитетом не только среди подчиненных ему групп, но и их соседей, а все его решения принимались без возражений не столько благодаря его властным качествам, сколько благодаря творимой справедливости, способствующей *развитию и единению социальной системы*. «В отличие от многих других австралийских лидеров Ялина-пирамурана вмешивался в ссоры мужчин, вызванные соперничеством из-за женщин, при этом действуя вразрез с традиционными нормами аборигенов, он разлучал мужей и жен или женихов и невест, не испытывавших привязанности друг к другу, и соединял любовников» [Артемова, с. 120–121].

При дальнейшем переходе от охоты и собирательства к земледельческо-скотоводческим обществам, т.е. к принципиально иным способам хозяйствования, «их социальные различия если и выявляются, то с ...большим трудом» [Бромлей, 1986, с. 244].

Однако, говорить о «справедливости», «равноправии» или «равноудаленности от власти» уже в первобытных обществах, по-видимому, не приходится. Скорее всего, первоначальные формы

эксплуатации возникают вслед за возникновением не частной собственности, а *властных функций*⁶³, позволяющих «подчинять человеческую индивидуальность». Первоначальная форма эксплуатации в виде патриархального рабства доступна «для наблюдения и изучения... в обществах Северной Сибири, Северной и Южной Америки, Меланезии, Тропической Африки, а также в многочисленных письменных источниках. ...в тех же или по крайней мере в синстадиальных⁶⁴ обществах выявляются все новые формы эндо- и экзоэксплуатации: внутриобщинное отчуждение прибавочного продукта экономически полноценных работников *руководящим слоем коллектива*, кабальничество, данничество» [Бромлей, 1988, с. 540]. С возникновением орудий из металла, человек, как рабочая сила, вследствие более высокой, чем раньше, производительности труда, становится ценностью. «Поэтому пленных не убивают, ...как раньше, а заставляют работать в хозяйстве победителей, превращая их в рабов» [Равдоникас, 1947, с. 307].

Вероятно, политогенез шел несколькими путями, во всяком случае, он определялся конкретно-историческими и экономическими условиями. Один вариант формирования предполитических структур — военная деятельность и «военная демократия», другой — аристократический, с институционализацией наследственной власти родоплеменной верхушки (Полинезия, Тропическая Африка), третий — плутократический, с ненаследствен-

⁶³ Можно обвинить автора в смешении понятий «власть» и «частная собственность», в хронологической ошибке дат их возникновения, в пренебрежении «общепринятыми» теориями. Действительно, более крупная частная собственность предоставляет и большие «властные» возможности, но и большие возможности собственного психологического развития, опережающие развитие «прочей массы». Почему доисторические «латифундисты» не окунулись с головой в создание «трансэтнических» первобытных «сверхлатифундий»? С одной стороны их ограничивали внутрисистемные потребности социального развития. Но с другой стороны — предоставляемые властными функциями возможности «валоризации» частной собственности и направления ее на удовлетворение личных потребностей разжигали «волю к власти», к подчинению других — «плебейских» индивидуальностей. «Вторая наследственная система», обусловленная произвольно понимаемым онтогенезом, вступила в свои права. Не ту ли самую картину видим мы и в современных «цивилизованных обществах», где «элита» подчиняет и изменяет человеческие индивидуальности в соответствии с господствующей «элитарной» идеологией?

⁶⁴ Синстадиальные общества — существовавшие в разное время, но в примерно одинаковых природных условиях и проходивших примерно одинаковую фазу общественного развития

ным лидерством богачей-бигменов⁶⁵ (Меланезия и Юго-Восточная Азия). При этом имеются данные, что власть военных предводителей и бигменов *имела тенденцию стать наследственной* [Бромлей, 1988, с. 544].

Ф. Коллар, французский историк и исследователь средневековых трактатов о ядах, в самом начале своей книги о власти и ядах пишет, что началом его повествования являются истории древнего Востока, Греции и Рима. Именно тогда зарождались и развивались «формы власти, сохранявшиеся потом тысячелетиями, прежде всего монархии династического типа, в которых установленный порядок отмерялся рожденьями и смертями государей», а особенно большой сдвиг произошел в период походов Александра Македонского, когда из Индии было принесено новое знание о токсических веществах [Коллар, с. 15]. Он констатирует, что «великие мира сего во все времена были готовы на преступления ради завоевания или удержания власти. Маленькие же люди точно так же всегда проявляли готовность поверить в насильственную смерть правителей. ...Отравление врагов случалось в истории отнюдь не только в правящих кругах. И все же в атмосфере дворцов и в окружении тронов оно приобретало особый масштаб. Как говорил один падуанский врач начала XIV в., именно здесь риск оказывался максимальным. ...Власть в <современное> время сильно обезличивается, что, впрочем, не мешает ей применять отравляющее оружие» [Коллар, с. 10–11]. Немало интересных фактов фальсификации истории, сговоров Церкви и власти или «иудохристианской цивилизации» и Церкви в прошедшей истории приведено в книге французского журналиста Э. Кассе [Кассе]. Не обошлось без этих «властей» создание и существование теократических государств.

Власть, особенно в нынешнее время, в действительности «сильно обезличивается», и часто понять поступки «облеченных властью» без знания их взаимоотношений с их широким окружением, включающим самые разные слои общества, просто невозможно, поскольку без этого знания невозможно понять: это «властное лицо» — самостоятельно, или над ним стоит какой-либо «кукловод». Родоначальник современных социологии и политологии

⁶⁵ Термин, используемый в этнографической литературе для обозначения мужчин, пользующихся большим авторитетом и влиянием в своих общинах.

М. Вебер в статье-лекции «Политика как призвание и профессия» писал, что «политика... означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает». А тот, кто занимается политикой, «стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает» [Вся политика, с. 34–35]. Причем, теоретические положения М. Вебера о легитимности власти, бюрократии и харизматическом лидерстве сохраняют наибольшее влияние на современную политическую социологию [Игнатьева]. Но «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти» выказывает вовсе не одна государственная бюрократия (в прямом и позитивном смысле слова), но и множество других людей, не облеченных властью, но способных влиять на этих первых, причем очень многие из них вовсе не обязательно руководствуются корыстными интересами. Напротив, без «внештатных помощников» в виде консультантов, советников, общественных движений, реальной и конструктивной оппозиции, научных фондов, «спонсоров»⁶⁶ и объективных (не апологетических) обществоведческой науки и СМИ власть существовать теперь не сможет. Как назвать всех этих людей, не относящихся напрямую к государственной бюрократии, но стремящихся и способных влиять на ее работу? В социологии теперь принято называть их «элитой».

«...сама по себе постановка проблемы особой роли верхушки господствующего класса ...имеет давнюю традицию, восходящую к Платону и Макиавелли. ...Элитой именуются: лица, получившие наивысший индекс в области их деятельности (В. Парето); наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство общества (Г. Моска); люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре); лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к свое-

⁶⁶ Зачастую теперь спонсорство диктуется либо стремлением стать кукловодом, либо — не стать осужденным.

му статусу (Л. Боден), наивысшим чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), ...меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); «бог вдохновленные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали в себе способность к лидерству (Л. Фройнд), харизматические личности (М. Вебер); творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элита — В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма); ...руководящий слой в любых социальных группах — профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города) — (Л. Боден). В любом случае дихотомия элита — масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры» [Ашин, 1985, с. 63, 65–66].

Эта длинная цитата приведена лишь для одного: показать, что «элитология» — уже «почти наука», но все приведенные определения лишь описывают разные стороны созерцаемого явления, и ни одно из них не отражает объективно необходимого содержания этого понятия. И автор процитированного текста, и цитируемые им ученые — так или иначе — уже ангажированы как минимум внешними обстоятельствами (политическим строем, собственным к нему отношением) и собственными эмоциями. Но нет научно обоснованной теории, или хотя бы гипотезы, парадигмы, «эталона», сравнивая с которым деятельность «элит», можно было бы выносить относительно объективное суждение об их деятельности. Поэтому и появляются «философские» обоснования об «избранности», «элитарной философии ценностей», «элитарной философии качества и иерархии», «философии избранности» и науке «элитологии» — «науке о дифференциации и иерархизации бытия, его упорядоченности, структурализации и эволюции» [Карабущенко, 1998; Карабущенко, 1999; Ашин, Курс].

Все эти «глубокие философские суждения» разбиваются вдребезги о факты истории: смена «элит» — это процесс структурного изменения общества, подчиненный внутрисистемным целям. Высокомерность сменяется большевистским напором, а партвальность — ново-русской олигархической нахрапистостью в те-

чение одного исторического мгновения, и бывшая «избранная, качественная, иерархически вышколенная и выстроенная, философски обоснованная» «элита», за редким исключением, уходит в политическое небытие вместе с ее «иерархизированным бытием», оставаясь, при том, на теплых казенных «доходных местах». В.Фишер, рассматривая историю Европы XX века, пишет, что европейское дворянство, «тысячелетиями находившееся на самом верху общества, в результате большевистской революции в России, свержения габсбургской монархии и вытеснения Турции из Европы было «освобождено от занимаемой должности» самым радикальным образом как раз в тех регионах Европы, где оно традиционно обладало наиболее прочными позициями» [Фишер, с. 77–78]. Однако «новые власти» (исключая СССР) не обидели «старую элиту»: дворянству так или иначе оставили их привилегии в виде части (или всего) имущества, компенсации или пожизненной ренты, возможности слияния с новой «элитой». «Повсюду в Европе становилось все сложнее точно идентифицировать социальную элиту» [Фишер, с. 78]. В зависимости от принятого критерия доля элитарных слоев Европы составляет от менее 1% (от 1000 до 5000 самых богатых семей) до 2–3% населения (руководящие чиновники и высший менеджмент, верхушка представителей свободных профессий), и даже до 5% (руководители, высшие служащие) [Фишер, с. 79].

Но из всех этих процитированных работ как шило из мешка выявляется одно: советский лозунг «Народ и партия — едины» был точной копией идеологической подоплеки сосуществования «власти» и «элиты»: они — едины. Одно не может жить без идеологического обоснования и поддержки со стороны другого, а это второе — без соответствующих привилегий со стороны первого, и не суть важно, что иногда первые меняются со вторыми местами: правила арифметических действий применимы и тут.

Если попытаться понять из множества рекомендуемых сейчас учебников и методических пособий по менеджменту или политологии — что же такое власть, то становится не просто ясной, а — закономерной упомянутая выше трансформация социально-направленной власти во власть аристократо-плутократическую, становящуюся средством достижения «эгоистических целей» или «наслаждения престижем».

Вот образчики таких «определений», позиционирующих себя как «новаторские и оригинальные», «современные педагогические и научно-издательские методы»:

«Власть — возможность и способность навязать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению. Суть власти не зависит от того, на чём основана такая возможность. Власть может базироваться на различных методах: демократических и авторитарных, честных и нечестных, насилии и мести, обмане, провокациях, вымогательстве, стимулировании, обещаниях и т.д. Она необходима для организации общественного производства, которое требует подчинения всех участников единой воле, а также для регулирования других взаимоотношений между людьми в обществе».

«ВЛАСТЬ (как властное могущество вообще) ... — социологически «аморфное» (М. Вебер), т.е. неуточненное, понятие, предполагающее способность каким-либо желаемым образом и многими приемами воздействовать на поведение других в самых разных обстоятельствах. Механизм власти — от убеждения... до давления, применения силы, принуждения... Предметом политологии являются «власть и ее носители» — Г. Лассуэлл; осуществление «власти господства... либо авторитета... — Р. Даль; а сама политика есть «властное распределение ценностей» — Д. Истон. Отношения власти подразумевают стабильность, постоянство, институционализацию, т.е. установленность. В политологии категория власти, при широком определении, нередко выступает синонимом «влияния» (см. ... «Словарь политического анализа»)» [Мельвиль, с. 559].

Очевидно, что такие, с позволения сказать, «определения», а точнее — категоризация будущих политиков, политтехнологов и менеджеров на утилитарном понимании власти как односторонней выгоды, на заскорузлых формах социальных отношений — способны воспитать только «эгократов»⁶⁷, но не эффективно необходимых социуму политиков и топ-менеджеров (Элиту), подчиненных «идеальным» целям (от слова «идея»). Совершенно верно подмечает В.Г. Ледаев, отталкиваясь от веберовского определения власти как «аморфного и неопределенного»: невнимание к концептуальным проблемам власти привело к тому, что «властью» стали именовать все, что связано с воздействием одних людей на

⁶⁷ Род извращенного бюрократического самовластия, неподконтрольного никому, кроме самого бюрократа. «Соответствующим понятию самовластие и созвучным термину бюрократия, часто используемого для обозначения людей власти, является термин «эгократия». ...Эгократия — всемирное бедствие» [Мишин].

других или со сферой политики. А в результате «власть» становится феноменом «надсистемным» — влиянием, принуждением, управлением, контролем, силой, авторитетом, господством, дисциплиной... [Ледяев]. Налицо именно то, что Ф.Э. Шереги назвал «теологическими и мифотворческими» прогностическими моделями обществознания, политологии, социологии [Шереги, 1994], получаемыми в результате «толкования» созерцаемой действительности. Но здесь необходимо не «толмачество», а объективная ретроспекция и *научный* анализ подобных явлений. И в этом смысле предпринимаемые усилия по освещению объективной социологии политики, права, предпринимательства, здравоохранения, и др. институтов власти, государственности, самосознания населения, включая их этнические, идеологические, возрастные, экономические, категоризационные, поведенческие, региональные и пр. стороны не просто желательны, но необходимы для их объективного изучения, анализа и верификации прогностических моделей обществознания [Шереги, 2002А; Шереги, 2002Б; Шереги, 2003А; Шереги, 2003Б].

Вероятно, мне сильно не повезло, поскольку — не встретилось ни одного *учебника*, где власть рассматривалась бы под углом естественной осознанной необходимости, вытекающей из внутрисистемных социальных потребностей и целей. Напомним: «... основным фактором появления власти... является сложность межгруппового обмена для достижения системной цели, *а не ограниченность ресурсов*. Власть, формируя иерархическую структуру сообщества, *подчинена*... задаче сохранения *единства системы* и... является *внутрисистемным* феноменом, свойственным человеческой культуре» [Сушков, 1999, с. 301].

Можно утверждать, что уже на этапе филогенеза позднепервобытных обществ «власть» и «элита», еще не познавшие закономерностей и опыта социального обмена, вступили в один из «кругов ада» — они подверглись испытаниям самой жизнью на профессионализм (формирование групповой идентификации и группового сознания) и моральную устойчивость (отбор и освоение коллективных норм и ценностей, удовлетворение групповых и социальных, а не своих личных потребностей). Онтогенетическая составляющая общественного развития еще тогда вступила в конфликт с филогенезом рода Номо, поделивший людей на слои и страты не только в соответствии с их естественными, природой данными качествами, не только сообразно их личным прилежа-

нию и трудолюбию, но прежде всего — *пропорционально их личной близости к «власти» и неудовлетворенным «властным» потребностям.*

«Прежде всего, я остался убежден, что гегемония господствующих классов, в конечном счете, основывается на их способности организовать процесс труда... воспроизводство самой рабочей силы в широком смысле этого слова... Другими словами, здесь идет речь о реальном подчинении ..., которое в «Капитале» Маркс сделал индикатором появления собственно капиталистического способа производства, то есть точки необратимости безграничного процесса накопления капитала и «валоризации», установления стоимости. Если вдуматься, это реальное подчинение ...означает нечто более глубокое, чем вовлечение рабочих в мир контракта, денежной прибыли, права и официальной политики — оно предполагает изменение человеческой индивидуальности, и это изменение проявляется повсюду: от обучения рабочей силы до появления господствующей идеологии, которую способны принять сами подчиненные. ...историю общественных формаций следует рассматривать не как историю перехода от нерыночных сообществ к рыночному обществу или к обществу всеобщего обмена..., но как историю комплекса «неэкономических» социальных отношений, объединяющих исторические сообщества индивидов...» [Балибар, Валлерстайн, с. 14–18]. Э. Балибару удалось подметить то, о чем молчит вся «элитология»: «вторая наследственная система» стала техническим средством «власти» и «элиты», позволяющим им дифференцировать, иерархизировать и подчинять уже не только трудовые отношения, рыночный обмен или воспроизводство рабочей силы, но и социальный обмен, и саму человеческую индивидуальность. Если попытаться перевести эти слова Э. Балибара на язык социальной логики, то это будет означать, что «элита», уже обладающая опытом социальных взаимодействий на психологическом уровне развития, превратно истолковывает групповую идентификацию как идентичность клана «элиты». Стремясь удовлетворить свои индивидуальные потребности, она узурпирует властные функции, и «реально подчиняет» человеческую индивидуальность «масс», находящихся еще на биологическом уровне взаимодействий индивидуального масштаба, а потому способных принять (или неспособных критически осмыслить) «господствующую идеологию» «элиты». Почему «элита» опережает в своем социальном развитии «массы», почему «элита» исполняет свои

функции по сохранению единства социальной системы «не полностью», почему из «элиты» выходят «эгократы», «политики», но и Философы и Мыслители, и как это происходит — все это должно стать предметом социологии институтов власти и государства.

Все вышеперечисленное говорит только об одном: налицо — кризис социальности — того единственного свойства, которое отделяет мир человека от мира животных, и того главного социального качества, воспитание которого должно быть целью Элиты. Социальность — это не та животная «стадность» или инстинктивная, биологическая и генетическая согласованность действий обитателей улья. Это — не отношения в русле «прав» и «обязанностей», или в русле «социально определенных ролевых установок». Социальность — это психологическое и уже социальное, а потому осознанное и сознательное признание равноценного существования «другого», его достоинства, его ценности для тебя. Это понимание невозможности существования моего «Я» вне множества других «Я», а потому невозможность моего — лично моего — существования вне гуманности и взаимовыручки, вне кооперации с этими другими. Это — осознание «зернистости», святости и независимости, «неприкасаемости» и суверенности каждого другого «Я», а потому — «определяемость моей личности изнутри, ...моя творческая сила, ...мое созидание добра и зла» [Бердяев, с. 307], и потому же — непреклонная верность своим принципам. Это — порядочные, совестливые *взаимо*-отношения с другими, Миром, его тенденциями, но и пропорциональное *отношение* к «спонтанной» антисоциальности.

Этот кризис социальности лишь отчасти можно объяснить амбивалентностью эмоциональной жизни человека, взаимодополнительностью его нейронных связей или «нормативным садомазохизмом», возникающим при длительной депривации «комплекса нейронов, которые ответственны за эмоции ярости, страха и т.д.» [Назаретян, 2007, с. 94]. Скорее такое состояние социальности свидетельствует о том, что современный социум в онтогенетической составляющей своего развития еще не способен предоставить возможности развития каждому человеку. В свою очередь человек, этот социум составляющий, не осваивает даже психологического и социологического уровней взаимодействий ввиду «иррационального, беспланового и анархичного состояния общества» и «ошеломляющего отчуждения людей друг от друга» [Адорно, с. 365, 367], человек пока не в состоянии приобрести собственную

«зернистость», направить свою свободную энергию на собственное развитие вместе с другими «Я», на самоактуализацию.

Если человеческая цивилизация хранит в своей исторической памяти (социальном сознании, научном знании) опыт филогенетического развития в виде социологических и социальных взаимодействий различных социальных групп, то современные общества в своем бизнес-ориентированном стремлении к дифференциации и узкой специализации, к периодическому пересмотру и ретушированию *социальной истории* цивилизации, игнорируют исключительную ценность этого *социального* опыта и таких *социальных* знаний. Онтогенетическая составляющая общественного развития не только не обогащает такими знаниями каждое новое поколение, а напротив — эти знания теперь выхолащиваются (не без участия ангажированной «элиты») у каждого нового поколения новомодным узкоспециализированным «современным образованием», «менеджментом» и «нео-младореформаторами», политическими «нео-либералами» и «нео-консерваторами», гламурно-«креативными» «общественными деятелями» или новыми всплесками старых «национальных идей».

ЭЛИТА И КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В фактах резкого снижения производственных показателей процветающих корпораций или даже их поглощения конкурентами, связанных с уходом из них «интеллектуального потенциала» В.Л.Иноземцев видит формирующееся неравенство, обусловленное коренным различием базовых ценностей и интеллектуальных способностей членов «постэкономического» общества. В свою очередь это различие обосновывается имущественным расслоением по признаку образования, углублением дифференциации по уровню благосостояния лиц с дипломами колледжей и тех, кто имел лишь среднее или неоконченное среднее образование (в 1993г. их заработки различались в среднем на 89 процентов, хотя еще в 1979 году этот разрыв не превышал 49 процентов). «В нынешних условиях слой высокообразованных людей составляет наиболее состоятельную страту постиндустриального общества и способен к устойчивому воспроизводству. ...Среди этой категории граждан более половины работают на административных постах в крупных компаниях или являются их консультантами, в то время как почти треть представляют практикующих юристов и врачей, а остальные 10 процентов — людей творческих профессий, включая профессоров и преподавателей. Эти люди создают реальные ценности для своей страны, и рост доли данной категории граждан в ее национальном богатстве (с 19 до 39 процентов между 1977 и 1995 годами), хотя и отражает нарастающее имущественное неравенство, представляется оправданным и непреодолимым. ...В то же самое время... возникает все большая конкуренция на рынке труда в сфере массового индустриального производства и примитивных услуг, и поэтому рабочие места для малоквалифицированной рабочей силы в промышленности сокращаются или оплачиваются по очень низкой ставке. ...В этих условиях лишь немногие из социологов могут позволить себе не согласиться с предельно категоричным заявлением Ф. Фукуямы, считающим, что «существующие в наше время в Соеди-

ненных Штатах классовые различия объясняются главным образом разницей в полученном образовании» [Иноземцев, с. 80, 90–92].

Так кто же прав — Э.Балибар, считающий, что историю общественных формаций следует рассматривать как историю социального подчинения «элитами» всех «прочих», или В.Л.Иноземцев, утверждающий, что классовые различия — это лишь «разница в полученном образовании»?

Очевидно, что понятие «элита» — более широкое, чем понятие «власть».

Некоторые определения и того и другого понятия были приведены выше, но следует еще раз акцентировать внимание на «элите». Это — та часть социума, которая способна и имеет возможности влиять на «власть».

Приведем те «энергетические», всем известные «азы знаний» о которых мы никогда не помним, или стараемся не помнить: «Труд — это средство увеличения и накопления свободной энергии на Земле. Производительным — в прямом смысле этого слова — является физический труд» и еще: «...труд — это затраты прежде всего мускульной силы человека, ...как же тогда квалифицировать труд умственный? ...любой интеллектуальный труд, будь это хоть труд гения, не может увеличивать аккумулируемую энергию на Земле, не оказывая влияния на рост производительности труда работающего, который и прилагает свои силы к новым изобретениям. ...для всех видов умственного труда единственный путь к увеличению количества энергии Солнца, удерживаемой на Земле, — путь, который с помощью более совершенных машин и технологий делает физический труд более производительным» [Кузнецов, Кузнецов, Большаков]. Приведем оттуда же то, о чем лишь упоминалось: «При величине «кажущегося КПД» жизненного процесса более 300% (выше мы называли это УКПД) пленника становится съедать НЕВЫГОДНО, и ему сохраняют жизнь в форме РАБА» [Кузнецов, Кузнецов, Большаков].

К сожалению, «элита», постоянно помня о КПД выше 300%, вспоминает о физическом труде лишь в связи с не-

обходимостью произнесения каких-нибудь дежурных слов к выборам или юбилеям, но, произнеся их, тут же забывает, что:

- прибавочную стоимость должен производить каждый человек;
- прибавочная стоимость производится посредством физического труда;
- задача интеллектуального труда (и прежде всего — труда Элиты) — генерирование и организация реализации новых идей, приводящих к повышению производительности физического труда, направленного на повышение энергообеспечения *каждого* человека⁶⁸;
- а провозглашаемые призывы и лозунги, запреты и предписания выполняются ровно настолько, насколько их воспринимают действующие субъекты в объективной действительности наличного существования.

Но «элита» прекрасно освоила методы и способы реализации «просвещенного рабства», когда, не прилагая собственных физических и умственных усилий, можно распределять и перераспределять общественно производимую «прибавочную стоимость» в любом ее виде пропорционально собственным запросам и потребностям. Средством и инструментом такого «распределения» служат «элитарные» государства, интегрирующие самые различные социальные институты, функционирование⁶⁹ которых обеспечивает «эгократия», ангажированная олигархией. Право, состоящее из законов, разрабатываемых «элитой», и штампуемых ею же в разного рода декоративных «конгрессах», «думах» и «парламентах», является юридическим обеспечением существования «просвещенного рабства», самой «элиты» и олигархии, производящей, как известно, не прибавочный продукт, а кор-

⁶⁸ Речь идет об Идеях, реально увеличивающих производительность реального труда, а не о новых методах перераспределения произведенного продукта, не о финансовых пирамидах и махинациях. Доходы и прибыли, полученные путем таких «перераспределений» и махинаций никак не влияют на социальное развитие.

⁶⁹ Это нельзя назвать деятельностью.

рупцию. Декоративной становится даже оппозиция, не способная производить новые идеи.

Вопросами производства прибавочного продукта «элиты» не занимается: она этот продукт отнимает и перераспределяет — иногда не только напрямую у граждан своего социума, но и опосредованно — через эксплуатацию (физическую, экономическую, финансовую, интеллектуальную и пр.) граждан других социумов. Товарные и финансовые пирамиды — «продукт» общечеловеческий, и этот «интеллектуальный элитарный продукт» обокрал уже посредством кризисов не один социум и даже не одно поколение. И если это — продукты «элитарного интеллектуального труда», то — грош им цена!

Но без производства прибавочной стоимости нет социального развития и движения, есть застой и загнивание, какая бы статистика, и какие бы заклинания не приводились «элитой». Современные человек и человечество не планируют производства прибавочных «социальных ценностей». Вместо них бизнес и государственные институты, ведомые отдельными группами «элит», освещенными корыстным молчаливым согласием «эгократии», нацеливают социум на получение экономической, финансовой и прочей кратковременной *материальной* выгоды. Именно это диалектическое противоречие становится причиной социальных (в том числе и экономических) кризисов. Дефицит государственного бюджета и инфляция — как проявление «экономических законов» — имеют под собой гораздо более глубокие и вовсе не экономические корни. Это, прежде всего, социологические и социальные ожидания людей (руководителей производства и потребителей), в совокупном спросе и совокупном предложении на «прибавочные стоимости», основанные на предыдущих тенденциях⁷⁰, а вовсе не жесткие экономикоматематические зависимости, которым до сих пор (!) учат будущих специалистов, ссылаясь на «мировой опыт». Это —

⁷⁰ Если относиться к экономике не только как к «науке делать деньги», ту же мысль можно почерпнуть, например, в [Долан, Кэмпбелл] или [Котлер].

попытка экономики следовать «коридором безразличия», не затрагивающим юридических законов социума и уголовной ответственности «эгократии», но обеспечивающим узкогрупповые экономические интересы. Инфляция это и: вначале — производство, а затем — уничтожение военной техники и оружия. Инфляция и дефицит госбюджета — это еще и плата граждан за политические амбиции и политическую близорукость «власти» и преступную, изощренную и явно выгодную ей самой пассивность «эгократии». Инфляция — это и плата человечества за использование не восполняемых и стремящихся к исчерпанию природных источников — воды, энергии, воздуха или социальных ценностей. Инфляция — это плата человека за фатальное и близорукое пренебрежение социологическими и социальными отношениями. Производство и экономика — лишь *средства для жизни и дальнейшего развития человечества*, но они превращены «элитами» в самоцель, в средство к обогащению сильных за счет слабых, *в средство производства потребителей для производимого продукта*. Название этому средству — бизнес, где рост прибыли происходит не за счет роста реальной стоимости бизнеса, а за счет его спекулятивных котировок на «биржах», за счет создания финансовых пирамид, в том числе и в виде «государственных займов», в виде выпуска «ценных бумаг», являющихся посулами отрезать кусок от не испеченного еще «общественного пирога». Более страшным становится даже не привычная эксплуатация человека «сильными мира сего», а то, что все большая и большая доля производимого социумом и присваиваемого «элитой» общественного продукта направляется в увеличение материального потребительства и духовного обнищания, а не вовлекается в так необходимое социальное развитие. Пестуемая «элитами» частная собственность и законодательно обеспечиваемая ее «неприкосновенность»⁷¹ основываются на самых нижних уровнях индивидуально-

⁷¹ «Неприкосновенность частной собственности» — это «базовое» понятие любой «экономической формации», однако оно является весьма относительным и иллюзорным: все зависит от точки зрения «элиты».

социальных потребностей и, скорее всего, являются временными этапами социального развития и не будут «вечными и неизменными».

«...Каннибальская предыстория человечества может закончиться только тогда, когда человек перестанет быть средством потребления для своего более сильного собрата. Только тогда может начаться собственно человеческая история. ...Раскаивались ли израильтяне в уничтожении более древних племен? А американцы в почти тотальном искоренении индейцев? Нет. Уже тысячи лет человек живет в такой социальной системе, где победителя не судят, ибо слово «власть» выступает синонимом слова «право». Поэтому каждому следует задуматься о преступлениях, совершенных нами и нашими предками. ...Но индивидуального раскаяния недостаточно, ибо оно не затрагивает преступлений, совершаемых группой, классом или нацией, а особенно — государством, которое вообще не подчиняется требованиям совести. До тех пор, пока мы не отважимся на «признание своей национальной вины», люди останутся в шорах стереотипного мышления: когда резко осуждаются преступления врагов при полной слепоте в оценке преступлений своего народа. И в самом деле, разве может отдельный человек всерьез начать жизнь по законам совести, если целые нации, претендующие на роль защитников морали, в своих действиях игнорируют нравственные заповеди?» [Фромм, 1998В].

Если государство — «это не власть и даже не форма власти, а лишь ее инструмент» [Шереги, 2003А, с. 7], то государственность — как целостная социальная система идей, взглядов и используемых на их основе технологий организации и деятельности социума — находится в таком же кризисе, как и сама власть. Нет новых идей, нет «требований совести и нравственных заповедей», нет достойного инструмента власти, нет самой власти. А ее перманентные «реформы», «перестройки» и «перезагрузки» представляют лишь «попытку бюрократии как класса ...перегруппировать свои ряды под натиском объективных изменений

в сознании масс, спасти источники своего дохода» [Шереги, 2003А, с. 21].

Так или иначе, а «социальный договор» (точнее — явный или молчаливый сговор «элит») существовал всегда — и в монархиях, и в коммунистических, и в «демократических» социумах. Государство имеет соответствующие обязательства перед обществом, у него есть и провозглашенные, и неявные цели своего развития. Уверен, что возникновению социального расслоения, а затем и государства послужили заложенные филогенезом рода Homo психологические и социальные свойства индивидов, по-разному осваиваемые ими в процессе онтогенеза. Удовлетворение потребностей в защите, потребностей в групповой (точнее — узкогрупповой) идентификации, развитие на этой базе властно-распределительных потребностей — у одних, при одновременном начале удовлетворения только потребностей в стабильности и покровительстве, в отсутствии страха, тревоги и хаоса — у других: одно это уже способствует устойчивому существованию определенной структуры социологических групп. Вполне вероятно, что у некоторых индивидов на нижних уровнях развития потребность в безопасности трансформируется в потребность к превосходству и власти в утилитарном их понимании. Теперь же функции власти призваны обеспечивать не только физическую безопасность членов группы, но и социологический, а затем — социальный обмен между различными группами, накопление и распределение материальных, технологических и интеллектуальных ресурсов группы или групп, стабильность и мирное выживание социологических и социальных групп на занимаемых территориях. Групповые потребности социального обмена, воспитания группового сознания и установления социальных норм и ценностей, распределения ресурсов диктуют насущную необходимость выделения властных функций в самостоятельный вид деятельности. При социальном разделении функций в социальных группах все это может быть обеспечено только концентрацией таких обязанностей в руках некоторой «милитаризованной» и на-

деленной определенными властными функциями группы людей. Особо подчеркнем, что действие сил естественного отбора и приспособления к Природе на этом этапе филогенеза рода Номо отходит на задний план, а потому уже возможно возникновение элитарности в дифференцируемых видах деятельности (гончары и писатели, архитекторы и художники), в том числе и в исполнении властных функций. Она может быть основана и на концентрации властных функций в одних руках, и на психологических качествах конкретных властных представителей, и на понимании ими существенной специфики и сложности этих функций.

Так или иначе, но государственная власть существует, как правило, в виде “элитарных групп”. Эти границы властной деятельности могут устанавливаться “социальным договором”, конституционно или диктаторскими намерениями отдельных личностей, но они всегда простираются ровно до тех пор, пока основная масса этого конкретного социума (сама или с помощью “продвинутых” членов) допускает такую деятельность.

Теоретически государство — это совокупность инструментов власти, которые должны обеспечивать интересы общества. Многие социологи считают, что государство всегда выступало носителем и защитником интересов господствующих классов или социальных слоев и групп внутри них, и это имманентно подразумевает “элитарность” власти. Однако длительное противостояние коммунистической и буржуазной идеологий, многолетние и повсеместные национально- и социально-освободительные движения вызвали посткапиталистическую трансформацию государственности, привели к изменению роли и функций государства в экономически развитых странах. Продолжая испытывать давление “элит”, допуская в структурных государственных органах лоббирование интересов узких “элитарных слоев” и групп, государство, тем не менее, все в большей степени начинает обслуживать интересы и потребности всего общества, усиливается социальная ориентация государственных

функций и их публичность. Напомним, что речь идет об экономически развитых странах.

Для того, чтобы понимать о чем идет речь, необходимо договориться о том, что мы вкладываем в термин “элита”, намеренно взятый нами в кавычки.

Советский энциклопедический словарь 1990 г. рассматривает этот термин прежде всего как лучшие отборные семена, растения или животные, полученные в результате селекции для дальнейшего размножения или разведения. Этому определению, в отличие от “элит” любого другого государства, в гораздо большей степени соответствовала советская “партийно-хозяйственная элита” среднего уровня, которая подвергалась действительному и достаточно прозрачному отбору и селекции, а также ротации для наилучшего исполнения государственных функций в установленных партийно-аппаратных рамках. Многие зарубежные авторы выдвигали и обосновывали различные теории “элит”, но подразумевали под этим термином самые разные социальные понятия. Возможно, такое разнообразие определений можно объяснить тем, что разные авторы в разное время и в разных странах видят различные черты, свойственные изучаемому явлению. Возможно также, что при объективном изучении современной российской “элиты”, выявились бы некоторые другие ее черты.

Конечно, говоря об “элитах”, социологи имеют в виду ту часть общества, которая имеет возможность или фактически влияет на изменение социальной, экономической, политической или государственной структуры общества. А вот как, какими способами, через какие рычаги и по каким закономерностям это происходит — уже домыслы их авторов. Внеклассовая эта страта “элиты”, или она исполняет “классовый заказ”, принадлежат ли ей основные средства производства и финансовые капиталы, или она — нищий камердинер общества, все это и многое другое определяется конкретными историческими, экономическими и социальными условиями. Но так или иначе, “теории элит” справедливы в одном: до сих пор в любом существующем (или

существовавшем и исторически известном нам) государстве социальные процессы определяли общественные страты: верхушка господствующего класса вместе с нанимаемыми “топ-менеджерами” и “трансляторами и проводниками государственных решений” (вместе — “элита”), а руководство государством осуществлялось в целях сохранения, а лучше — роста привилегий этой “элиты” при сохранении относительной экономической, военной и политической стабильности в остальном обществе. Не изменила такого характера руководства даже посткапиталистическая трансформация государственности: социальная направленность возросла, “элита” иногда даже пополняется своими обами⁷² и саркози⁷³ (хотя кто теперь скажет, что они — не «элита?»), но характер ее руководства в угоду роста собственных привилегий сохраняется.

Так что же такое «элита»? Нельзя, по-видимому, отнести к ней ни аристократию, ни «богему», которые по определению могут быть носителями некоторых культурных традиций, категориальных смыслов, их «воспроизводителями», но в силу абсолютной отстраненности от производительного труда, в силу невозможности восприятия всей гаммы социальных отношений, не могут напрямую влиять на общественные настроения и общественное мнение. Основная часть современной российской «элиты», в большинстве своем назначенная властью или «самоназначенная» и «пропиаренная», не может являться таковой хотя бы по одному признаку: она не признается большинством российского социума.

Если отстраниться от мало соответствующих действительности социологических «элитологий» и попытаться сформулировать это понятие с точки зрения здравого смысла, необходимо определить хотя бы основные критерии, которым должна соответствовать элита. Говоря об общественных отношениях и общественно-государственном управлении,

⁷² Обама — афроамериканец, президент США: 2008.

⁷³ Саркози (Sarközi — венг.) — еврей венгерского происхождения, президент Франции: 2006–2012 гг.

элита — не просто высшие страты общества, статус которых «назначен» или «завоеван» их экономическими, политическими, спортивными или научными достижениями.

Во-первых, это люди, которые научно и максимально объективно видят стоящие перед социумом проблемы на каждом конкретном этапе его развития. А это означает, что, пусть каждая в своей узкой области, но даже узкопрофессионально ориентированная страта элиты коллективно всегда сумеет выделить, проанализировать, сформулировать и поставить задачи, определить цели, пути ее решения и критерии оценки.

Во-вторых, это люди, которые объективно — своей профессиональной или общественной деятельностью (а не PR-акциями и не мельканием на ТВ экране) доказали свой статус, сумели увлечь своими идеями и достижениями значительную часть думающего и равнодушного общества. То есть, одним из основных критериев Элитарности является общественное одобрение, несущее в себе еще и моральный аспект — Элита становится легитимной, общественно признанной.

Пока гипотетическая, умозрительная элита, отнесенная нами к первому и второму критерию — это прежде всего “государственники” — руководители и представители высших ступеней социальных структурных и структурообразующих групп, совокупности институтов власти, ответственных за обеспечение интересов общества. Назовем ее госэлитой.

В-третьих, это люди, которые могут объективно, недвусмысленно, коллективно и гласно видеть и оценивать как возникающие «снизу» социальные инициативы, так и свою персональную и общую элитарно-коллективную деятельность, оценивать не по «коэффициенту цитирования», а по реальным результатам своей деятельности. Это означает, что элита обладает высокой нравственностью и ответственностью за свою элитарность, что дает ей и право на публичную «моральную казнь», и на собственное воспроизводство, реорганизацию или реформирование. Будут это «социальные лифты», плановая конкурентная ротация, выборочное

и сознательное репродуцирование или наследование, или их сочетание — не суть важно. Нравственная элита объективно смотрит на цели, задачи и результаты их решения.

В-четвертых, это люди, которые ангажированы не властью или «элитой», но социальными целями и стоящими социальными задачами, а значит кропотливо, самоотверженно и производительно трудятся на этом поприще (в идеале — не за «государственное содержание»), соотносят свою деятельность с многоликим общественным мнением и одновременно понимают и планируют: когда необходимо уйти и кому передать эту свою деятельность.

Наконец, *в-пятых*, это люди, наделенные реальными ресурсами (интеллектуальными, публичности и массовых коммуникаций, при необходимости — финансовыми, ресурсом доступа к ключевым «телам элиты», ресурсами проведения социальных исследований и референдумов и пр.), не зависящими от желания того или иного представителя «элиты», а уж тем более «эгократа». А это означает, что они реально являются общественным «техническим средством» контроля за действиями власти.

Такая же гипотетическая и умозрительная элита, отнесенная нами к третьему, четвертому и пятому критериям — это социальные и социологические, не структурные группы граждан, неподвластных «эгократии», способных и готовых взять на себя ответственность за прогнозирование социальных целей, смелых, нравственных и неподкупных, отстаивающих социальные цели. Назовем ее соцэлитой. Это — идеальная, толковательная модель элиты, но такими же являются и все реально существующие модели «элит» — описательными, разъясняющими вчерашнее их видение. По ним невозможно ни установить закономерность ее («элиты») деятельности, ни предсказать саму деятельность. Социологи употребляют еще один термин — «эрзац-элита», который реально отражает суть, смысл и действия властно-государственных структур, а также ангажированной и назначенной, или «пропиаренной» и «пригретой» ими остальной «элиты».

Во всех приведенных выше размышлениях можно усмотреть некое смешение разных понятий: и правит — «элита», и контролирует ее действия — тоже «элита». Да, это так, разные страты элит должны выполнять разные социальные функции, а в идеале в сильном социальном государстве между ними, а также между «элитой» и социумом должна быть ротация. Результаты деятельности российской «эрзац-элиты», к ее глубокому сожалению, являются публичными и находятся в пристальном поле зрения думающей и неравнодушной, хотя и очень небольшой, уже к нашему сожалению, и не имеющей достаточных ресурсов части общества.

Итак, в идеале госэлита и соцэлита должны бы в одной упряжке работать на одни и те же социальные цели и потребности, должны быть «приводным ремнем» социального развития, должны сохранять и развивать социальную структуру. Возможно ли это? Возможно. Но не у нас и не сейчас: в российской «элите» в очередной уже раз уже пройдена «точка невозврата», когда еще можно было бы что-то изменить.

Я приведу пространную цитату, а читатель может самостоятельно определить время действия и авторизовать персоналию под псевдонимом «Имярек»: «Друзья <Имярек>... Им можно все. И они крайне серьезно раздражают народ. ...это всего лишь маленький такой референдум, делающий выводы и принимающий решения ... Земляков <Имярек> море. ... Парни гуляют ... как по буфету, занимают любые должности везде, куда приезжают... Вообще, это очень любопытно: благодаря <Имярек> ... пришло новое, до сих пор не востребованное поколение. ... удалось вытащить на свет интереснейшую когорту профессионалов. ... Нередко, правда, бывает, что люди не справляются. Им становится крайне тяжело, они теряются. В этом состоит одна из многочисленных проблем команды <Имярек> — кессонная болезнь: эти люди очень быстро взлетели... А представители этой волны, несмотря на свои замечательные знания, не обладают должными умениями и навыками, необходимыми для успешной управленческой деятельности. ... Они не справляются со

структурой, напротив, структура начинает над ними доминировать. В то же время любую критику такого рода люди воспринимают как критику <Имярек>. Они говорят: “Вы что, нас критикуете? Вы с ума сошли!”... Если бы... существовала отлаженная система поиска кадров... то стала бы невозможной ситуация, когда ты можешь быть заместителем, кем угодно, но руководить структурой все равно будет человек, имеющий определенное отношение либо к самому <Имярек>, либо к его друзьям... ..всех волнует... кто против кого воюет. И это совершенно омерзительно — друзья <Имярек> не дружат между собой... Отсутствие такого рода контакта крайне опасно... Идет постоянная борьба... из-за того, кто будет назначен и на какую должность... Эта лихорадка крайне... губительна» [Соловьев, с. 155–161].

Согласитесь, что под псевдонимом <Имярек> можно подразумевать и А. Меньшикова⁷⁴ конца XVII века, и члена ЦК ВКП(б) начала XX века, и «пахана» районного масштаба начала 1990-х, и любого современного директора мелкого «муниципального унитарного предприятия», и «эгократа», и любого из «элиты». То есть вся структурная «элита» работает в соответствии с «сигналами», улавливаемыми ею от «самого», либо от его фаворитов.

На круглом столе Фонда “Либеральная миссия” в конце 2007 г. обсуждался вопрос “Элита в “вертикальном” обществе”⁷⁵. Материалы Круглого стола и приводимые социологические исследования свидетельствуют: «...в сознании тех групп, которые могут быть уподоблены элите, присутствует представление о необходимости модернизации страны. Однако эти представления носят чрезвычайно аморфный, размытый и неопределенный характер. Они лишены рациональной проработки, ...лишены характера политической стратегии или программы, подлежащей реализации в действительности... они являются «легитима-

⁷⁴ Остроумный балагур, выбившийся из прислуги в денщики, а потом — наперсники царя, фаворит Петра I, отличался непомерным корыстолюбием, неоднократно уличался в присвоении казённых средств.

⁷⁵ <http://www.liberal.ru/>

ционной легендой власти», частью идеологического антуража власти и околотовластных, обслуживающих ее, групп, которые и выступают в качестве заместителей элиты или признаются властью элитой, или на которые переносятся характеристики западной элиты... При этом все или почти все опрошенные нами полагают, что главным фактором инициирования модернизации, источником идеологии модернизации является нынешний президент... Вместе с тем, при видимом противоречии с уже сказанным, почти все (две трети опрошенных нами представителей российской элиты) считают, что у президента нет адекватной его политическим целям, настоящей и эффективной команды. Тем самым эти модернизационные представления не могут быть в полной мере реализованы. ...Элиты... — это инструмент контроля общества над властью... Вместо этого в наших условиях мы получаем людей, которые, с одной стороны, отождествляют себя с властью, а с другой — минимально отличаются от мнений и стереотипов масс... Критическая дистанция пусть будет, только нет возможности (или даже мысли) переводить ее в какое бы то ни было реальное действие, в политическую силу, в политическую партию, в политическое движение...».

В середине марта 2011 г. Левада-центр провел опрос 1600 россиян из 45 регионов страны о целях, преследуемых руководством страны⁷⁶. На вопрос, чем обеспокоены люди, находящиеся сейчас у власти, 27% опрошенных ответили: «Собственной выгодой», 42% респондентов назвали руководителей государства людьми, «озабоченными только своим материальным благополучием и карьерой», 14% — интересами развития страны, а 12% опрошенных сказали, что власть волнуется за безопасность крупных корпораций. Значит, 86% населения не доверяет «эрзац-элите», а 69% из них — просто игнорирует ее.

«...уже двадцать с лишним лет назад в КГБ были два крыла. ...Известно же высказывание бывшего первого замести-

⁷⁶ <http://dp.ru/100h2w>

теля председателя КГБ СССР ...о том, что у него в кабинете стоят два сейфа: в одном досье на тех, кто называет себя русскими патриотами, в другом — на тех, кто причисляет себя к демократам. И среди первых, и среди вторых есть и искренние люди, есть и платные агенты. Я думаю, что игра на две руки продолжается и сейчас. Ведь не изменилась ни система, ни идеология, ни ситуация. На меня сильное впечатление производит присутствие в российском правительстве в ранге министра человека... Двадцать с лишним лет назад я его знал как одного из активных участников люберецкой <криминальной> группировки... Это все повторение истории полковника Охранного отделения Зубатова, который считал политическую провокацию допустимой, который придумал идею рабочего социализма, который не меньше, чем Ленин, ответственен за революцию. Он сначала все это придумал, а потом застрелился, когда понял, какого монстра породил. Те, кто сейчас заигрывают с идеями фашизма, идут тем же путем»⁷⁷.

Весьма симптоматичным для современной России является название доклада Национального антикоррупционного комитета, размещенного на сайте НАК в 2009 г.: «Незаконный захват собственности с участием банков в ситуации финансового кризиса», в котором говорится, что последствия мирового финансового кризиса привели к тому, что на рынке сильными стали игроки, имеющие доступ к распределению финансовых ресурсов. У них и ангажированных ими государственных структур появился соблазн и инструменты для отъема активов у более слабых. Механизмы такого отъема стары как начало реформ: привлечение преступных группировок, принуждение к подписанию кабальных отступных документов, создание кризиса финансов у заемщика, стимулирование налоговых проверок, возбуждения уголовных дел в отношении заемщиков с использованием незаконной информации о надуманных нарушениях и структурной коррупции в государственных органах.

⁷⁷ Генерал милиции В. Овчинский. 29.12.2010. <http://www.svobodanews.ru/content/article/2262376.html>

В настоящее время действия руководителей предприятий или их владельцев, в особенности средних и малых, практически бесконтрольны. Традиционного для Запада распределения прав и обязанностей между правлением (исполнительным органом) и собранием акционеров в России нет, да и акционеры как массовая форма управления предприятием для России — уже раритет. Роль трудовых коллективов в принятии решений равна нулю, а единственный исполнительный орган — это владелец предприятия.

Поголовная мимикрия российской «эрзац-элиты» с неким невыразительно-серым, средне-дозволенным и неинтеллигентным «эрзац-элитарным» уровнем уже бросается в глаза и приводит думающее и старшее поколение россиян к запретным вопросам: «Чем сегодняшняя Россия отличается от России предперестроечной? Стоило ли ввергать россиян в болото двадцатипятилетних перманентных «реформ» ради беспрецедентного экономического, культурного, образовательного, политического, бытового расслоения общества?».

Разница лишь в одном — в объеме и качестве «свободы» для «элиты».

Коррупционные скандалы (не только в российской) «эрзац-элите» всех уровней стали уже общим местом. Например, разумные требования «не кошмарить бизнес» привели к тому, что отменили всякий контроль бизнеса. Теперь впору этот контроль восстанавливать, но стоит это будет намного дороже. Смысл неоднократных выступлений российского «тандема» на эту тему в последнее время сводится к усилению контроля всего и вся на всех уровнях. Скоро к каждому чиновнику-«элите» придется приставлять контролера-«элиту», а спустя время — свой контроль понадобится и для этих контролеров. Недаром разумные, в общем, сентенции бывшего министра образования РФ Фурсенко о том, что контроль качества образования на выходе должен привести к реальной борьбе с коррупцией — не работают не только в образовании, но вообще нигде: проблема слишком запущена и перешла в хроническую стадию.

Так только в России?

Хиросиму и Нагасаки оправдать невозможно, с огромной натяжкой можно только объяснить желанием скорейшего окончания войны американской «эрзац-элитой». Любые попытки передать в «руки КГБ» убийство президента Кеннеди уже никого не убеждают даже в Америке: сопутствующие обстоятельства и действия американской «эрзац-элиты» слишком очевидны. Попытку госпереворота в Италии в середине 1960-х годов предотвратила *итальянская мафия*, не заинтересованная в нагнетании напряженности и в превращении внутригосударственной политической борьбы в гражданскую войну. Мафия — сознательнее и социальнее «эрзац-элиты»? А организатором и инициатором госпереворота выступало ЦРУ США⁷⁸. Однако пусть и почти через десять лет, но Альдо Моро все же был убит. И если Президент и государственно-политическая машина США «не знали», об этом, то возникает логичный вопрос: «А кто же правит миром?». Все это, снова с огромной натяжкой, можно списать на деятельность сверхдержав в условиях холодной войны...

Корея, Вьетнам, Камбоджа, Афганистан... Конец XX века — Ирак, вновь Афганистан, уже *коллективные* поиски стран НАТО несуществующего ядерного оружия и «борьба с терроризмом», приведшие к резкому увеличению экспорта наркотиков из Афганистана. «Эрзац-элита» опять «хотела как лучше...». Мировой экономический кризис 2008 г. спровоцировала финансовая «эрзац-элита» одной страны, но где были национальные «эрзац-элиты» и этой, и других стран, не имевшие права и не могущие не понимать сути этих государственных финансовых афер? Набивали финансами собственные национальные банки? Или собственные карманы? Резолюция ООН по Ливии, допускающая лишь «контроль воздушного пространства», и фактическое вмешательство стран НАТО в начавшуюся там гражданскую войну — многое говорит не только о желании мести фран-

⁷⁸ Мафия на службе КГБ. Фильм о журналисте, офицере КГБ Л. Коломове. Телеканал «Россия-24», 30.05.2011.

цузской «эрзац-элитой», но и о не вполне альтруистских намерениях НАТО-вских «эрзац-элит». Теперь — Сирия...

В начале августа 2012г. спецпосланник ООН и ЛАГ по Сирии, бывший генсек ООН Кофи Аннан, подал в отставку со своего поста миротворца, назвав одной из причин «поиск виноватых и очернительство» среди членов Совета Безопасности ООН.

Непрекращающиеся, периодически перетекающие с континента на континент, от государства к государству финансовые, коррупционные, сексуальные, дипломатические и прочие скандалы и разоблачения, в которых замешана «эрзац-элита». Экс-«эрзац-элитам» стран бывшего соцлагеря отдали должное уже все и давно. Но лучше ли новообразованные «эрзац-элиты», любыми средствами рвавшиеся и рвущиеся в ЕС или к «национальной независимости», честнее ли перед своим народом? Не придется ли следующим, идущим им на смену «эрзац-элитам» опять переписывать национальную историю? Почему все они, кто перед, а кто вслед за российской «эрзац-элитой» спешат изучать и непременно внедрять у себя «идеальный пример демократического опыта» западных «эрзац-элит». Но все они не хотят видеть, что правление «идеального примера» — далеко не идеально, что их демократические общества — далеки от мира и благоденствия, что их народ — недоволен деятельностью их «эрзац-элит» не меньше нашего. Что забастовки и митинги их народа поутихли, но вовсе не прекратились. Что степень варварства их «эрзац-элит» ненамного лучше таковой у «эрзац-элит» доморощенных. Что их «эрзац-элиты», также, впрочем, как и наши, полностью уяснили только одно: для личного публичного успеха и благополучия необходимо отсутствие совести, поскольку даже экспринадлежность к «эрзац-элите» означает дальнейшее безбедное существование в течение оставшейся жизни, а за это стоит продать не только совесть, но и самого себя. Все вышесказанное характеризует не только «эрзац-элиты», но и государственность любой страны, поскольку она (государственность) находится под юрисдикцией, бдительным оком

и неусыпными трудами «эрзац-элиты». Но каков народ — такая и «эрзац-элита», какая «эрзац-элита» — такая и государственность.

«Эрзац-элита» не приобрела еще интеллигентности. Более того, в ней появляется все больше самоуверенных и самодовольных фонвизинских Митрофанушек, у которых дверь является именем прилагательным, «потому что она приложена к своему месту». Больно, например, слушать сейчас рассуждения новоявленных 25–30-летних интеллигентов-«историков» об «акциях КГБ» или «ужасах коммунистического режима», которых они сами не могли ни знать, ни видеть. Больно не за КГБ или бывшую страну, объективная история которых полна и бесславными и славными именами — как все наше общество. Больно не за новоявленных, самопровозглашенных и «пропиаренных» флюгероподобных «интеллигентов», готовых менять свои «суждения» сообразно «пожеланиям публики». Больно за те невосполнимые потери, которые эти «интеллигенты» наносят юному поколению, куролеса в собственной истории. Повторим еще раз для «интеллигентов», смыслом существования которых должно быть *разумное постижение действительности* и распространение такого отношения к действительности в широких массах: мы с детства и со школы поклоняемся чему-то — броским игрушкам, импортным кроссовкам и джинсам, средневековой западной культуре, а позже — культуре современного Запада. *Что мы знаем о своих богах, истории, религии, более чем 50000-летней культуре?* Почему современные Восточная Европа, Сибирь и Дальний Восток являются исторической пустыней?

Настоящей, выстроенной наукой и проверенной социально направленной экономикой идеологической власти в ее объединительном ракурсе не существует ни в одной «эрзац-элите»: любое общество состоит из множества экономически, идеологически, политически, культурно и т.п. разделенных слоев. В любом современном или когда-либо существовавшем обществе есть значительные по размеру слои бедных и богатых, безграмотных и ученых, культурных и социаль-

ных нигилистов, обласканных общественным вниманием и отвергнутых обществом. Речь идет не о единицах, а о сотнях тысяч и миллионах в этих слоях, а это значит, что власть и государство не выполняют главную свою обязанность — структурное объединение всего социума или хотя бы основной его части⁷⁹ общими задачами и целями.

Концептуальный ракурс любой власти теперь сосредоточен на экономике и бизнесе, разведке или войне, но никак не на главном — на человеке и его социуме. Ни в одной стране мира человек никогда не являлся и не является теперь центром государственной политики, что бы ни было записано в ее Конституции. Да, власти, например, США зачастую обеспечивают безопасность отдельного гражданина, посылая с этой целью авианосцы на другие континенты. Но безопасность — это только первые уровни потребностей человека. А потребности в социальной принадлежности? Потребности в социальном самовыражении? Потребности в социальной самоактуализации? Безусловно, только здоровая и развитая экономика может быть основой решения всех проблем человека, но точно так же не будет здоровой экономики без человека, понимающего, что последовательно решаются его проблемы, что социум развивается в направлении, ускоряющем развитие человека, а не развитие бизнеса, чиновничества или «элиты».

Главными проблемами современности (в отличие от результатов соцопросов) являются не дураки, не дороги, не коррупция, не экономические кризисы и даже не банкротство государств в ЕС. Концептуальный ракурс власти и «элиты» является наиболее критичным, и именно здесь власть и «элита» допускают основную категориальную ошибку. Теоретических разработок, предсказывающих или хотя бы описывающих дальнейшее развитие цивилизации или отдельного социума, просто нет. Марксизм-ленинизм, заглядывая в будущее, остановился в своих теоретических разработках на бесклассовом обществе, а высшая партий-

⁷⁹ Обычно это теперь называют «средний класс», но общего мнения о нем у социологов нет также, как и в вопросе об «элите».

ная власть на закате Страны Советов даже вынуждена была признать, что застой в развитии вызван, в том числе, и кризисом в советской социальной и общественно-политической науке. Теперь в России, в соответствии с западным опытом, объективные социальные и политические науки не являются приоритетом. Они отданы, по западному образцу, на откуп бизнесу или «ушли на самоокупаемость». Социальные, социально-политические или политические исследования могут проводиться по заказу партий, государственных органов, отдельных предприятий или целых корпораций и отражать в итоге все что угодно — от того, что по результатам экзит-полов побеждают все партии, участвующие в выборах, и до того, что самые востребованные марки любой техники в России — отечественные. Вот только насущно необходимые перспективные социальные исследования вряд ли уже возможны.

Еще немного материалов с круглого стола в Фонде «Либеральная миссия» (2007 г.): «Нынешняя элита предельно закрыта, просто абсолютно недоступна. Можно считать эту ее особенность одной из важнейших характеристик нынешней ситуации... Первоначально планировалось, что мы составим списки наиболее влиятельных лиц, а затем, опросим их, может быть, используя методику снежного кома. Но *технически это не удалось*, хотя мы вначале опрашивали людей только по личной рекомендации их близких, знакомых, потом вынуждены были перейти на квотные подвыборки».

Это откровение ученых вызывает сразу несколько вопросов: что это за «элита», герметично отгородившаяся от общества, и напоминающая своими действиями «братков» начала реформ? Кого, куда и как эта «элита» собирается вести за собой, если она не знает и не хочет знать ни потребностей, ни состояния, ни жизни общества?.. Если политика — это коллективная форма взаимодействия людей, направленная на реализацию целей и интересов всего общества, то эта политическая «эрац-элита» действует в собственной ограниченной — «элитарной» — среде, манипулируя обществом в целях реализации собственных целей и интересов. Этот

вывод подтверждают и результаты социологических исследований: две трети опрошенных представителей российской элиты считают, что у президента нет адекватной его политическим целям, настоящей и эффективной команды...

Среди мировой, как, впрочем, и российской «эрзац-элиты» распространено мнение, поддерживаемое прежде всего американскими «элитами», что современное общество не нуждается в механизмах централизованного социального управления, в единой государственной идеологии и государственной концепции, поскольку социальная конкуренция правит сама. Эти «рыночные» представления об управлении социальными проблемами навязываются еще со времен холодной войны и активно используются всеми «элитами» до сих пор, но в особенности — российской. Эти ошибочные представления основаны на ошибочном же утверждении, что социальный процесс — это процесс трудового воздействия человека на окружающее с помощью социальных технических средств, *в результате которого формируются конкурентные способности человека к востребованной социумом деятельности.* Тем самым отношения «человек — внешний мир» ограничиваются профессиональными занятиями или наличными условиями окружающей среды. Между тем сами американские «элиты» активно разрабатывают и используют социальные технологии как внутри своей страны, так и вне ее. Последние осуществляются не для изучения цивилизационных процессов, а с целью недопущения развития чужеродных социумов, усилению противоречий в их среде, их разрушению. Послевоенные социальные, этнические, расовые конфликты в США привели к наработке ряда социальных и маркетинговых технологий, обращению к этой теме серьезных и не всегда ангажированных ученых. Труды А. Тойнби и З. Бжезинского не без оснований стали бестселлерами. Американские технологии управления поведением потребителей, управления персоналом, PR-акций, технологии телекоммуникаций, маркетинга, рекламы, финансового управления социумом изучаются теперь по всему миру. При этом американское государство

финансирует социологические опросы, публикацию “идеологических” литературы и радиостанций. Приверженность американцев к своему флагу, гимну, гербу, другим национальным и бизнес-брендам, спланировавшим общество, теперь общеизвестна и берет начало из того времени.

Теория “мягкой силы” как способ манипулирования “эрзац-элитами” других стран используется американцами в совокупности с действиями их “неправительственных” организаций и фондов (в том числе весьма известных во все мире), напрямую финансирующих деятельность “эрзац-элит” других стран или их интересов. И зачастую эти действия американской “мягкой силы” с благодарностью воспринимаются мировыми “эрзац-элитами”. Дипломатическое и военное вмешательство в деятельность других государств, общественных организаций и фондов, военных блоков, подкуп, шантаж, организация переворотов, используются наряду с теорией “мягкой силы”. В активе практического применения этой теории — и участие в развале СССР, и ряд национально-этнических конфликтов уже в новой России, и всплески национализма в бывших республиках СССР. Это — государственная деятельность?

Важнейшей социальной потребностью социума и *обязанностью* государства является формирование общественного сознания и создание на этой основе единой социальной общности, основанной на общих целях, ценностях и убеждениях. Американские ценности и убеждения известны: индивидуализм, доллар, превознесение превосходства всего американского, презрение «чужеродного». Это — цели развития социума?

И социокультурные, и глобалистские теории развития цивилизаций представляют процесс дальнейшего общественного развития как прогрессивный переход от эволюционного развития земного социума к инновационной модернизации, характеризующейся быстрыми темпами развития всех его сторон. «Первичная» (или «органическая») модернизация обусловлена внутренними, вызревающими в социуме, органически ему присущими источниками и средства-

ми, самостоятельно подготовленными социумом в процессе предшествующего развития, и приписывается западным государствам. «Вторичная» (или «неорганическая») модернизация — догоняющая, стремящаяся ликвидировать отставание от западных стран, а потому привлекающая любые средства для этой цели, в том числе и мобилизационные. Но любые теории развития цивилизаций не предсказывают и не планируют цели и задачи развития социума. Во всех теориях будущее не предсказывается, а интуитивно «объясняется» и объективируется по мере приближения к нему. Но попытки рефлексивного «угадывания» происходящих сейчас перемен не могут служить основаниями для выработки перспективных целей!

Это — теории?

Недаром «теория модернизации» в современной России начала «воплощаться» и как догоняющая (в идеале — «обгоняющая»), и как неорганическая. Понятно, что модернизация в современной России объективно возможна только как мобилизационная (поскольку не подготовлены людские, интеллектуальные и технологические ресурсы) и только при жесточайшем и *не коррупционном* контроле «сверху». Возможно ли это в ближайшие годы?

Вся эта «государственность» всех современных «демократических» государств гораздо лучше объясняется теорией классовой эксплуатации (только классов всего два: «элита» и «прочие») и антропогенных кризисов и *больше именно на них и похожа*.

Для полноты картины необходимо добавить, что при этом простые люди, основная часть общества или то, что называется социумом, не могут не видеть, не понимать или не чувствовать накапливающегося негатива, не предчувствовать надвигающегося состояния тупика. И если власть не реагирует на эти изменения настроений социума (что чаще всего и бывает), со временем накапливается масса недовольства и недовольных, усталость и разочарование системой, состояние унижения и ущемленного человеческого достоинства. Не нужно быть пророком или экстрасенсом, чтобы

«угадать» сколько времени нужно для накопления критической массы такого негатива. Истории уже случившихся революций дают много материала для размышлений.

Государством может быть только общество, объединённое общими социальными, экономическими, культурными интересами, управляемое социальными структурными группами в целях получения наибольшей взаимной социальной выгоды от совместного проживания. Все остальные «государства» обречены на крах.

Мировые «эрзац-элиты», забывая это, пренебрегая исполнением концептуальной власти, превращая власть не в *инструмент государственности*, а в самоценную *форму собственного существования*, нарушая внутрисоциальный и общецивилизационный принцип взаимной выгоды, ввергают свои социумы в предкризисное состояние.

Баланс интересов между государствами — один из принципов (постоянно нарушаемый) дипломатии и межгосударственных отношений. Но попытайтесь назвать хотя бы одно государство, полностью соблюдающее баланс интересов между социумом и Природой (при всех красивых словах, законах и международных меморандумах). От Э. Фромма (30-е годы прошлого века) до И. Пригожина, И. Валлерстайна и У. Бека (середина-конец XX в. — начало XXI в.) множеством западных ученых в разных интерпретациях будируется мысль о несостоятельности идеологии капитализма и американской формы либерализма, о “модернизационных рисках”. О том, что в эпоху *рефлексивной модернизации* большое значение имеют политические процессы, протекающие *на уровне жизни отдельного человека*. О том, что эти американские парадигмы привели уже — через общество потребления — к «одномерности» человека, его индивидуализму, все возрастающему стремлению всестороннего обогащения (не только финансового) в ущерб другим потребностям, социумам, государствам, и самой Природе. Но прочие «эрзац-элиты» так и продолжают стремиться к «американской мечте»...

«...социальная система с помощью категоризации актуализирует в сознании людей определенные свойства множе-

ства, которое эти люди составляют, и которые необходимы для развития и сохранения системы. Не получается ли так, что в конкретные социальные группы попадают случайные люди, входящие в совокупность, случайно вовлеченную в поле действия системы? ... теоретическая возможность случайного включения индивидов в группы предоставлена большинством социальных систем, если только последние не обладают *особой социологической специфичностью*... Но этот путь был бы очень неэффективен для социальной системы, так как ...система, стремясь к эффективности, *вынуждена пытаться* отбирать наиболее подходящих... самый важный вопрос власти — это *вопрос социальных категорий*... Категории становятся теми ограничителями свободы, которые заставляют детали “социальной машины” вращаться в строго определенном пространстве и в строго определенном направлении. ...Регулирование степени проницаемости границ социальных категорий с помощью институциональных норм, традиции, идеологии — одна из главных проблем государственной политики. ...сильное влияние процессов категоризации на восприятие, трактовку причин социальных явлений и создание общественных настроений превращает категоризацию в *мощный инструмент социального управления*» [Сушков, 1999, с. 260–261, с. 270–272].

К сожалению, ученый оказался неправ в отношении «элиты»: «эрзац-элита» выбирает как раз самый неэффективный путь развития социальной системы: она стремится к эффективности исполнения собственных внутренних (а не социальных) целей; существующая система отбирает обладающих «особой социологической специфичностью», наиболее подходящих *для нее*, и ограничивает свободы «прочих». Какие категории-образы государства, власти, бизнеса и гражданина рождают в мозгу сограждан события и действия разных властей на Ближнем Востоке, в Иране и Сирии, или в Кущевской; постоянные междоусобные «разборки» силовых структур, международная коррупция и чиновный беспредел, бессовестная межпартийная «конкуренция», растущая скрытая безработица, «красивые» гос-

статистика и госсосопросы, похожие на бред, поскольку ни одна цифра в них не верифицируется?

«...один из главных признаков многих задержанных в своем развитии цивилизаций является существование каст. Излишняя искусственная категоризация (то есть вызванная потребностью самосохранения каких-либо групп, а не потребностью развития социальной системы), ...создает особые, элитарные группы, главной целью которых становится самосохранение, влекущее за собой торможение всех действий, направленных на развитие... К сожалению, игнорирование *естественного процесса* образования социальных категорий как структурных требований социальной системы не редкость в области принятия политических решений. Люди даже в искреннем своем стремлении к гуманным идеалам забывают, что социальные категории не могут быть продуктом произвольного конструирования. Подобное конструирование может наносить *невозполнимый вред человеческой культуре*» [Сушков, 1999, с. 272–273].

Вдалбливаемые СМИ в сознание наших граждан в последние десятилетия категории образа жизни, поведения, трудовых отношений, ежедневных чрезвычайных происшествий, навязанных культуры, поведения и пр. уже нанесли непоправимый вред как минимум двум поколениям россиян. О каком «особом российском» пути можно говорить? Независимо от честности помыслов и искренности порывов многолетняя деятельность структурной «элиты» уже нанесла и продолжает наносить невозполнимый вред человеческой культуре. Эти нарушения приводят не к интеграции однородных «специфичностей» в социум, а к выборочному и случайному объединению «средне-статистичностей» в разрозненные, почти ничем не объединенные и никак не соприкасающиеся группы (стада?, толпы?), разбавленные *специфическими* социологическими и кастовыми социальными группами.

Это — мировой кризис «элит», кризис власти, социальности и государственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью изложенных выше авторских сентенций является попытка понять: они — лишь стремление автора услышать: «Встречайте: это он — весь в белом», либо они имеют под собой хоть долю какой-то научной основы, социальной закономерности и обусловленности.

Если верно первое — то все прекрасно, и социальный мир эволюционирует, а земной цивилизации не грозит ни-че-го!

Если верно второе — то смотреть в будущее, не предпринимая никаких попыток для его сегодняшнего изменения, слишком тревожно.

Мы все отличаемся друг от друга, не только как «пранароды», «феллахи» и «нации», но прежде — своей культурой, историей, национальными характерами, восприятием окружающего мира и своим к нему отношением.

Мы все одинаковы, прежде всего — своей филогенетической историей и общей синстадиальной логикой *человеческой* культуры, «второй наследственной системой».

А.П. Назаретян говорит о необходимости техногуманитарного баланса, и он прав. Однако сила могущества и власти базируется не только на новейших научных, технических или военных технологиях. Сейчас человечество, прежде всего — его «элиты», подошло к краю другого по сути дисбаланса. Экологический дисбаланс человека с Природой — лишь незначительная его часть. Человек, оснащенный бизнес-технологиями, социальными технологиями, различными НЛП- и прочими психотропными практиками, уверовал в свое всеисилие. Он пытается теперь воздействовать не на окружающую Природу, а избирательно и целенаправленно — на психическую, социальную и даже генетическую природу другого человека, человеческих групп и отдельных социумов. Как всегда, это обязательно приведет к банальному «хотели как лучше...», поскольку наши знания о социуме — лишь в зачаточном состоянии, а нетерпеливый восторг обладателя «новых технологий» требует своего скорейшего разрешения вне зависимости от его последствий по вмеша-

тельству в действие «второй наследственной системы». Под угрозой целостность структуры социумов и даже единой земной цивилизации, под угрозой — возможности дальнейшего **прогресса** человека. Но обладателям новых — уже не материальных, а «идеологических» технологий, опять невдомек, что мир един, что действия и деятельность человека затрагивают не только его ближний круг, но даже его отдаленных потомков; что нынешнее существование цивилизации базируется на деятельности людей, произведенной много веков назад, и что его нынешняя деятельность выхолащивает человеческую социальность и делает невозможным дальнейшее развитие человека. Им невдомек, что власть и властные пирамиды, бизнес и его финансовые пирамиды — это лишь начало развития земной цивилизации, лишь необходимые, но временные этапы и средства такого развития. Жизнь человечества состоит вовсе не из этих ограниченных сфер деятельности, чрезмерное увлечение которыми ведет единую открытую саморазвивающуюся человеческую цивилизацию к дроблению, самозамыканию социумов. Если не установить необходимые и достаточные социальные стандарты на онтологическое развитие социумов, то и до общей «тепловой смерти» — недалеко. И возможности ускорения прогресса земной цивилизации кроются именно в заинтересованном, тщательно разработанном и пестуемом элитарно-государственном участии в онтологической составляющей общественного развития. Сюда должны быть направлены не «остаточное финансирование», не отдельно существующая «ювенальная юстиция», не разрозненное «социально-направленное законодательство», а главные усилия государств и нынешних «элит».

Человеческая цивилизация находится лишь на начальном — биологическом уровне своего развития. Учитывая, что род Номо пытается интуитивно отыскивать путь развития уже более 2 млн. лет, а на истинно «человеческий» уровень он вышел «каких-то» 10–15 тыс. лет назад (менее 1% пути!), впереди у человечества есть время для его Истории. Будет ли эта история действительной, либо она станет гипотезой?

тетической — зависит, прежде всего, от «элиты» и ее осознания сегодняшнего состояния социумов. Надвигающийся демографический переход, описанный С.П. Капицей, способствует этому. Хочется еще и еще раз подчеркнуть самую насущную на сегодня мысль, высказанную И. Сушковым: игнорирование естественного процесса образования социальных категорий как структурных потребностей социальной системы, навязывание произвольно сконструированной «элитарной» категоризации наносит невосполнимый вред человеческой культуре — «второй наследственной системе», деструктурирует социум, делает из социумов «феллахов». Синстадиальность социального развития различных социумов земной цивилизации лишь усугубляет это явление, а игнорирование государственного идеологического участия в онтологической составляющей социального развития загоняет проблему внутрь, тормозит естественные процессы удовлетворения социальных потребностей, ведет социум к социальным катаклизмам.

Давно назрела насущная необходимость научного постижения социологии человеческой истории и разработки на основе этого анализа новых социальных концепций, гипотез, парадигм и теорий. Их отсутствие делает развитие человека неуправляемым и хаотичным, подверженным волюнтаризму «элит». А «элиты» вольно и невольно пользуются неконтролируемой привилегией отстранения человека от его возможных и необходимых для его развития социальных взаимодействий. Напомним: «Переход к феодальному способу производства заключался не столько в отмене рабства, сколько в отмене свободы» [История Др. мира, ТЗ, с. 10]. Это можно говорить о каждом(!) техно-гуманитарном кризисе, преодоленном человечеством. «Элиты», вольно и невольно, вгоняют бескрайний мир социальных взаимодействий в искусственно сконструированные жесткие рамки «общественно-экономических формаций», постоянно уменьшая степень свободы Личности. «Вторая наследственная система» становится техническим средством «власти» и «элиты», позволяющим им дифференцировать, иерархизи-

ровать и подчинять уже не только трудовые отношения, рыночный и социальный обмен или воспроизводство рабочей силы, но и саму человеческую индивидуальность⁸⁰, вмешиваться в естественный (и так необходимый именно сейчас) ход гregarно-индивидуального отбора. Теперь «элиты» несут ответственность за ход социального развития постольку, поскольку ими монополизирован контроль и распределение всей гаммы социального обмена, а социальные отношения сведены и реализуются ими в социумах через отношения к собственности и власти. Очередным «пределом развития» или новым нарушением «техно-гуманитарного баланса» и следующим «периодом человеческой истории» становится *осознание социумами тормозящей социальной деятельности «элит»*.

Безусловно, изложенный выше текст — лишь попытка эскизного наброска концепции развития человеческой социальности. Это одностороннее изложение такой логики, поскольку мы подробно не касались множества аспектов социальной жизни: политики, экономики, бизнеса, науки, властных социальных функций, техники и социальных технологий, феминизма, гендерных отношений, культуры, образования, экономико-географических, мультирегиональных и мультиэтнических аспектов, проблем многонациональных государств и пр. и пр. Однако цель этого изложения — как раз логика возникновения *социальности*, присущей всем этим аспектам. Без нее не только невозможны, но и становятся излишними и политика, и экономика, и бизнес. Социальность — основа существования человеческих популяций, то единственное, что отделяет человека от остального животного мира и природы, а это означает, что все остальные человеческие деятельности не могут развиваться необходимо и достаточно без объективно необходимого развития социальности в каждом вновь рождающемся или уже

⁸⁰ В книге «Социология» Д. Томпсона и Д. Пристли убедительно рассмотрен вопрос не только «как дети рабочего класса получают работу рабочего класса», но и как дети «элиты» становятся «элитой» [Томпсон, Пристли].

живущем человеке. Это также означает, что центром приложения социальных усилий человеческих сообществ теперь должен стать процесс становления, воспитания и развития *социальности индивидов* в объективно необходимом взаимодействии всех других аспектов социальной жизни.

Автор понимает, что каждый упомянутый выше уровень и масштаб социальных взаимодействий требует подробной ретроспекции, теоретического анализа, обоснования и верификации. Автор понимает, что все это требует огромного труда и времени. Но, проведя даже поверхностный анализ развития человеческой социальности, автор абсолютно уверен, что в пестуемом «элитами» высказывании В.И.Ленина «если мы выиграем на финансовом фронте, то мы выиграем всё», «элитам» необходимо срочно поменять лишь одно слово: «финансовом» на «социальном». Автор уверен также, что не «нанотехнологии», не «информационно- и наукоемкое производство идей», помогающие избыточному потребительству, финансовому обогащению и бряцанью оружием, выводит социумы в лидеры цивилизационного прогресса, а бережное отношение к социальной структуре, разрешение конфликтов не «властью», а *влиянием* — в сотрудничестве социологических групп, в удовлетворении человеческих потребностей.

Поэтому автор понимает необходимость дальнейшей детализации этой темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

№	Источник	Ссылка
1	Абалкин Л.И. Смена тысячелетий и социальные альтернативы. // Вопросы экономики. 2003. №12.	[Абалкин]
2	Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике). Самара, Самарская гуманитарная академия, 2003, 168с.	[Агранович, Стефанский]
3	Адорно Т.В. О технике и гуманизме. // Философия техники в ФРГ. Пер с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989, 528с.	[Адорно]
4	Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. Учебник для студентов вузов по спец. «История». 6-е изд. М., АСТ: Астрель, 2007, 350с.	[Алексеев, Першиц]
5	Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., Наука, 1987, 200с.	[Артемова]
6	Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. М., Международные отношения, 1985, 256 с.	[Ашин, 1985]
7	Ашин Г. Курс истории элитологии. [Электронный ресурс]. Библиотека Гумер — Философия. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aschin/index.php	[Ашин, Курс]
8	Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., Логос, 2004, 288 с.	[Балибар, Валлерстайн]
9	Барулин А.Н. К аргументации полигенеза.//В сб. Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка/Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М., Языки славянских культур, 2008, 416с., с.41–58	[Барулин]
10	Бек Х. Сущность техники. В сб.:Философия техники в ФРГ. Пер с нем. и англ. М.,Прогресс, 1989, 528с.	[Бек]
11	Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память., Мн., Харвест, 1999, 1408с.	[Бергсон]
12	Бердяев Н.А. Самопознание. М., ЭКСМО-Пресс; Харьков, Фолио, 2000, 624с.	[Бердяев]
13	Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М., Астрель, Corpus, 2011., 480с.	[Бурлак]

№	Источник	Ссылка
14	Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры. // Природа, 1998, №9	[Бутовская]
15	В. Вундт. Проблемы психологии народов. В кн.: Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН, изд-во КСП+, 1998, 320с.	[Вундт]
16	Великие мыслители о великих вопросах. Современная западная философия. Пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000, 400с.	[Великие мыслители]
17	Величковский Б.М. Как люди воспринимают и познают окружающий мир. // В мире науки, 2003, №12, с.87–93	[Величковский]
18	Веретенников А.А. Онтологический статус возможных миров. // В сб. Язык, сознание, социум: Проблемы социальной эпистемологии. / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., ИФРАН, 2007, 180с.	[Веретенников]
19	Вишняцкий Л.Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры. Курс лекций. Изд. 2-е. Кишинёв. Высшая Антропологическая Школа. 2005. 396 стр.	[Вишняцкий, 2005]
20	Вишняцкий Л.Б. Новое объяснение натурализма пещерной живописи. // Природа, 1999, №5, с.117–118.	[Вишняцкий, 1999]
21	Вострикова Е.В. Ментальное содержание: узкое или широкое? // // В сб. Язык, сознание, социум: Проблемы социальной эпистемологии. / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., ИФРАН, 2007, 180с.	[Вострикова]
22	Вся политика. Хрестоматия. Сост. В.Д.Нечаев, А.В.Филиппов. М., Европа, 2006, 440с.	[Вся политика]
23	Выготский Л.С. Мышление и речь. М., Лабиринт, 1999, 352 с.	[Выготский, 1999]
24	Гвоздева И.А. История Древних цивилизаций. М., Изд. Лит. института им. А. М. Горького, 1998, 172 с.	[Гвоздева, с.15]
25	Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., Питер, 2000, 464 с.	[Гришина]
26	Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., Прогресс, 2000, 400с.	[Гумбольдт]
27	Деменко С. Споры разрешит ДНК. // Российская газета, Федеральный выпуск №5734 (61), 21.03.2012.	[Деменко]

№	Источник	Ссылка
28	Денисова Ю., Бондарева М. Лучший из лучших останется с вами // Рынок автозапчастей, 2004, № 1.	[Денисова, Бондарева]
29	Деревянко А.П. Человек идет по свету// Наука из первых рук. 2005, № 1 (4). Стр. 18–26	[Деревянко]
30	Долан Э.Дж., Кэмпбелл К.Д., Кэмпбелл Р.Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. Пер. с англ., Л., 1991, 448с.,	[Долан, Кэмпбелл]
31	Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Ч. I. Австралопитеки. Ч. II. Ранние <i>Ното</i> . Москва-Чита: ЗИП Сиб. УПК, 2002. 173с.	[Дробышевский, 2002]
32	Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Ч. III: Архантропы. Ч. IV: Гоминиды, переходные от архантропов к палеантропам. М., Едиториал УРСС, 2004., 344с.	[Дробышевский, 2004]
33	Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Ч. V: Палеоантропы. М., КомКнига, 2006., 264с.	[Дробышевский, 2006]
34	Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., КомКнига, 2007, 384с.	[Дьяконов, 2007]
35	Егоров Г.П. Воскресение шумеров. Чебоксары, 1993, 112с.	[Егоров]
36	Животовский Л.А., Хуснутдинова Э.К.. Генетическая история человечества//В мире науки», 2003, №7, с. 82–91.	[Животовский, Хуснутдинова]
37	Закссе Х. Антропология техники. В сб.:Философия техники в ФРГ. Пер с нем. и англ. М.,Прогресс, 1989, 528с.	[Закссе]
38	Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Под ред. И.М.Дьяконова, Ч 1., Месопотамия., М., Наука, 1983, 534с.	[Дьяконов, 1983]
39	Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., Языки славянских культур, 2006, 424с.	[Зорина, Смирнова, 2006]
40	Зорина З.А., Полетаева И.И., Резникова Ж.И. Основы этологии и генетики поведения. МГУ, 2002, 383с.	[Зорина, Полетаева, Резникова, 2002]

№	Источник	Ссылка
41	Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. М., 2004., 551с.	[Зубов]
42	Ибука М. После трех уже поздно. Пер. с англ. Н. Перовой. М.:Альпина нон-фикшн, 2011, 224с.	[Ибука]
43	Иваницкий Г.Р. Достаточно ли разумен гомо сапиенс.//Наука и жизнь, 1988, №3, с.114–118.	[Иваницкий]
44	Игнатьева О.А. Эвристический потенциал концепции политической власти Макса Вебера. Автореферат кандидатской диссертации. С-ПбГУ, С-Пб., 2012.	[Игнатьева]
45	Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб: Издательство «Питер», 2000. — 512с.	[Ильин]
46	Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М., Логос, 2000, 304 с.	[Иноземцев]
47	История Древнего Востока. Бухарин М.Д., Ладынин И.А., Ляпустин А.А., Немировский А.А. М., Дрофа, 2009, 1164с.	[История Др. Востока]
48	История Древнего мира т.2. Расцвет древних обществ. Под ред. И.М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М., Наука, 1983, 524с.	[История Др. мира, Т2.]
49	История Древнего мира т.3. Упадок древних обществ. Под ред. И.М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М., Наука, 1983, 276с.	[История Др. мира, Т3.]
50	История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М., Наука, 2000, 667с.	[История Европы]
51	История лингвистических учений. Древний мир. Л., Наука, 1980, 260с.	[История лингв. учений]
52	История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., Наука, 1983, 432с.	[История первоб. общества]
53	История первобытного общества. Эпоха классовообразования. Под ред. Ю.В.Бромлея. М., Наука, 1988, 568с.	[Бромлей, 1988]
54	История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. Под ред. Ю.В.Бромлея. М., Наука, 1986, 575с.	[Бромлей, 1986]

№	Источник	Ссылка
55	Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., Петербургское Востоковедение, 2006, 240с.	[Канева]
56	Капица С.П. Модель роста населения Земли и экономическое развитие человечества. // «Вопросы экономики», 2000, №12, с.85–106.	[Капица, 2000]
57	Капица С.П. Не умножая скорбь... // Вестник «Россия: третье тысячелетие». 2000, № 3.	[Капица, 2000, Вестник]
58	Капица С.П. Об ускорении исторического времени. // Новая и новейшая история, 2004, №6	[Капица, 2004]
59	Капица С.П. Общая теория роста человечества, «Наука», Москва, 1999, 190с.	[Капица, 1999]
60	Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. 1999. Электронный ресурс]. Либрусек–Книги. URL: http://lib.rus.ec/b/243938/read	[Карабущенко, 1999]
61	Карабущенко П.Л. Элитология Платона (античные аспекты философии избранности). 1998. [Электронный ресурс]. Библиотека Гумер — Философия. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/karab/index.php	[Карабущенко, 1998]
62	Кассе Э. Фальсифицированная история. СПб., Невский проспект; Вектор, 2007, 189с.	[Кассе]
63	Клёсов А.А. , Тюняев А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М.: Белые альвы, 2010, 1024с.	[Клёсов, Тюняев]
64	Козинцев А. Происхождение языка: новые факты и теории. // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания СПбГУ. СПб., Изд. СПбГУ, 2004, 656с.	[Козинцев]
65	Коллар Ф. История отравлений. Власть и яды от античности до наших дней. М., Изд. Текст, 2010, 440с.	[Коллар]
66	Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1993, 736с.	[Котлер]

№	Источник	Ссылка
67	Кошелев А.Д. О качественном отличии человека от антропоида // В сб. Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка/Сост. А.Д.Кошелев, Т.В.Черниговская. М., Языки славянских культур, 2008, 416с.	[Кошелев]
68	Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества. М., Философская Книга, 1999, 496 с.	[Кремо, Томпсон]
69	Лалаянц И. Ген речи //Знание — сила, 2003, №8	[Лалаянц]
70	Лалаянц И. Гомо сапиенс и геном.//Наука и жизнь, 2002, №7	[Лалаянц]
71	Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель: Пер. с англ., Л.: Недра, 1991, 256с.	[Ламберт]
72	Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. — М.: Политиздат, 1989. — 304с.	[Лебедев]
73	Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001, 383с.	[Ледяев]
74	Леонтьев А.Н. Индивид и личность. В сб.: Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Л.В.Куликов, СПб., Изд. «Питер», 2000, 480с.	[Леонтьев А., Индивид и личность]
75	Леонтьев А.Н. Формирование личности. В сб.: Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Л.В.Куликов, СПб., Изд. «Питер», 2000, 480с.	[Леонтьев А., Формирование личности]
76	Леонтьев А.Н. Эволюция психики. М., Московский психолого-социальный институт; Воронеж, Изд. МОДЭК, 1999, 416с.	[Леонтьев, 1999]
77	Леонтьев Д. Шанс для творчества (конфликты и стратегии их разрешения) // Конфликт в конструктивной психологии: тезисы докладов и сообщений на 2-й научно-практической конференции по конструктивной психологии. Красноярск, 1990.	[Леонтьев Д., 1990]
78	Леонтьев Д.А. От инстинктов — к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра.//В сб. Современная психология мотивации. Под ред. Д.А. Леонтьева — М.: Смысл, 2002, 343с.	[Леонтьев Д., 2002Б].

№	Источник	Ссылка
79	Леонтьев Д.А. Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу // Гуманистическая и трансперсональная психология / Сост. К.В. Сельченко. Мн., Харвест, М., АСТ, 2000, 592с.	[Леонтьев Д., 2000]
80	Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ. // Современная психология мотивации. Под ред. Д.А. Леонтьева. М., Смысл, 2002, 343с.	[Леонтьев Д., 2002А]
81	Ломов Б.Ф. Направленность личности. В сб.: Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Л.В.Куликов, СПб., Изд. «Питер», 2000, 480с.	[Ломов]
82	Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М., Амфора, 2001, 349с.	[Лоренц 2001]
83	Лосев К.С. Климат вчера, сегодня... и завтра? Л., Гидрометеиздат, 1985., 176с.	[Лосев]
84	Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., Мир, 1988, 520с.	[Мак-Фарленд]
85	Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., Питер, 2003, 352с.	[Маслоу, 2003А].
86	Маслоу А. На подступах к психологии бытия. Пер. О.Чистякова. www.koob.ru, К., PSYLIB, 2003, 138с.	[Маслоу, 2003Б].
87	Матецкая А.В. Социология культуры: Учеб. пособие / Ростовский гос. пед. ун-т, кафедра социологии и политологии. Ростов, 2006, 260с. (См. также федеральный образовательный портал http://ecsocman.hse.ru/search/index.html).	[Матецкая]
88	Медников Б. Происхождение человека// Наука и жизнь, 1974, №11	[Медников]
89	Мишин В.М. Механизм ответственной власти. // Под ред. Головки В.В. — Днепропетровск: Центр политического анализа, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://n-t.ru/ri/mi/mv.htm	[Мишин]
90	Мусский И.А. Сто великих мыслителей. М., Вече, 2000, 688с.	[Мусский]
91	Мясищев В.Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии. Личность и отношения человека. В сб.: Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Л.В.Куликов, СПб., Изд. «Питер», 2000, 480с.	[Мясищев]

№	Источник	Ссылка
92	Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., Изд. ЛКИ, 2007, 256 с.	[Назаретян, 2007]
93	Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции. //Общественные науки и современность, 1999, №2, с. 112–126	[Назаретян, 1999]
94	Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика — психология — прогнозирование). М.: Мир, 2004, 368с.	[Назаретян, 2004]
95	Немов Р.С. Психология. В 3 кн. Кн. 2. Психология образования. 2-е изд. М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995, 496 с.	[Немов]
96	Низовский А.Ю. 100 великих археологических открытий. М., ВЕЧЕ, 2002, 368с.	[Низовский]
97	Новые данные о популяции мамонтов в позднеледнистоценовой криолитозоне евразии. Ю.К. Васильчук, А.К. Васильчук, О. Лонг, Э. Дж. Т. Джалл, Л.Д. Сулержицкий//Доклады Академии наук, 2000. том 370. № 6. с. 815–818	[Васильчук, Васильчук, Лонг, Джалл, Сулержицкий]
98	Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Пер. с исп. — М.: ООО Издательство АСТ, 2001, 509с.	[Ортега-и-Гассет]
99	Павленок П.Д. Опонятийно-категориальном аппарате социологии //Социологические исследования, 2003, №4.	[Павленок]
100	Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., Наука, 1973, 659с.	[Павлов И.П.]
101	Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб., Прайм-Еврознак, 2003, 384 с.	[Палмер Д., Палмер Л.]
102	Пигалев А.И. Культурология. Волгоград: Изд. Волгоградского гос. Университета, 1998.	[Пигалев]
103	Политология: учеб./А.Ю.Мельвиль [и др.], М., Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004, 624с.	[Мельвиль]
104	Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., Мысль, 1974, 487с.	[Поршнев, 1974]

№	Источник	Ссылка
105	Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., Наука, 1979, 232с.	[Поршнев, 1979]
106	Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., Прогресс, 1986, 432с.	[Пригожин, Стенгерс]
107	Равдоникас В.И. История первобытного общества. Т.2. Л., Изд. ЛГУ, 1947, 395с.	[Равдоникас, 1947]
108	Равдоникас В.И. История первобытного общества. Часть 1. Л., Изд. ЛГУ, 1939, 286с.	[Равдоникас]
109	Резникова Ж., Пантелеева С. «Культура» у животных: факторы наследственности. Сайт reznikova.net. Опубликовано также в Ж. Наука в России, 2011, №6.	[Резникова, Пантелеева]
110	Резникова Ж.И. Когнитивное поведение животных и его развитие в онтогенезе. В кн.: «Теория развития», изд-во «Языки славянских культур», М., 2011., с. 279 — 315.	[Резникова, 2011]
111	Северцов А.Н. Эволюция и психика. М., Изд. М. и С. Сабашниковых, 1922.	[Северцов]
112	Система Природа—Общество—Человек. Устойчивое развитие. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека “Дубна”. Дубна, 2000.//[Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/rs/lib/pobisk/systema/ch2.htm#8	[Кузнецов, Кузнецов, Большаков]
113	Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М.Прохоров. 4-е изд. М., «Сов. энциклопедия», 1989, 1632с.	[Сов. энциклопед. словарь]
114	Соловьев В.Р. Путин. Путеводитель для неравнодушных. М., Эксмо, 2008, 416с.	[Соловьев]
115	Старостин С., Милитарев А. И вновь — когда возникли языки?//Знание — сила, 2005, № 4, с.81–88	[Старостин, Милитарев]
116	Старостин С.А. У человечества был один праязык.//Знание — сила, 2003, №8, с.39–44	[Старостин, 2003]
117	Сушков И.Р. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. 2002.	[Сушков, 2002]

№	Источник	Ссылка
118	Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. — М.: Академический Проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. — 448с.	[Сушков, 1999]
119	Тернер А. Большая энциклопедия доисторических животных. М., Оникс, 2006, 191с.	[Тернер]
120	Тинберген Н. Поведение животных. М.: Мир, 1978. 192с.	[Тинберген, 1978]
121	Тинберген Н. Социальное поведение животных. М.: Мир, 1993. 152с.	[Тинберген, 1993]
122	Титаренко Л.Г. Социология на перепутье (О 39-м конгрессе международного института социологии). // Социологические исследования, 2010, №3.	[Титаренко]
123	Тих Н.А. Формы сотрудничества и взаимопомощи в стаде обезьян. // В кн. Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005, 376с.	[Тих]
124	Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология. Пер. с англ. М., «Издательство АСТ»; Львов, «Инициатива», 1988, 496с.	[Томпсон, Пристли]
125	Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии. // Социологические исследования, 2002, №9.	[Тощенко]
126	Трененков Е.М., Дведенидова С.А. Диагностика в антикризисном управлении // Менеджмент в России и за рубежом, 2002. № 1.	[Трененков, Дведенидова]
127	Тюняев А.А. История возникновения мировой цивилизации — М.: Ин, 2008, 739 с.	[Тюняев]
128	Уитфилд Д. Ген речи. // В мире науки, 2008, №4, с.10–11	[Уитфилд]
129	Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. / Пер. с англ. СПб., Ювента, 1999, 318с.	[Фестингер]
130	Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914 — 1980. М., ВЛАДОС, 1999, 368с.	[Фишер]
131	Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М., Мир, 1990, 368с.	[Фоули]

№	Источник	Ссылка
132	Фромм Э. О любви к жизни. См в кн. Психоанализ и этика. –М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998, 568с.	[Фромм, 1998Б]
133	Фромм Э. Человек для самого себя. В кн. Психоанализ и этика.-М.: «Изд. АСТ-ЛТД», 1998, 568с.	[Фромм, 1998]
134	Хайнд Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. Пер. с англ. М., Мир, 1975, 856с.	[Хайнд]
135	Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд., Спб., Питер, М., Смысл, 2003, 860 с.	[Хекхаузен]
136	Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология: учебник. 4-е изд., М.: Изд. МГУ: Наука, 2005, 400 с.	[Хрисанфова, Перевозчиков]
137	Хьелл Л.А, Зиглер Д.Д. Теории личности. Изд. 2-е. Пер с англ. СПб, Питер, 2000, 608с.	[Хьелл, Зиглер]
138	Чувардинский В.Г. Букварь неотектоники. Новый взгляд на ледниковый период. Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН. 2008, 85 с.	[Чувардинский]
139	Шарден П. Тейяр де. Феномен человека. М.: Айрис-пресс, 2002, 352с.	[Шарден]
140	Шереги Ф.Э. Гносеологический кризис в социологии: от теологии к мифотворчеству.// Вестник РАН, 1994, т.64, №7, с.611–615.	[Шереги, 1994]
141	Шереги Ф.Э. Дети с особыми потребностями. Социологический анализ. М., ЦСП, 2003, 536с.	[Шереги, 2003Б]
142	Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. М., ЦСП, 2003, 688с.	[Шереги, 2003А]
143	Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. М., ЦСП, 2002, 448с.	[Шереги, 2002А]
144	Шереги Ф.Э. Социология предпринимательства: Прикладные исследования. М., ЦСП, 2002, 536с.	[Шереги, 2002Б]
145	Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+; Екатеринбург: Деловая книга, 2000, 448с.	[Шихирев, 2000]
146	Шноль С.Э. Гении и злодеи российской науки. М., Крон-Пресс, 1997, 463с.	[Шноль]

№	Источник	Ссылка
147	Шпенглер О. Закат Европы. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000, 1376с.	[Шпенглер]
148	Энгельс Ф. Диалектика природы. М., Партиздат, 305с.	[Энгельс, Диалектика]
149	Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.// Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М., Политиздат, 1986.	[Энгельс, Происхождение]
150	Юнг К.Г. Становление личности. В сб. Психология личности в трудах зарубежных психологов. Сост. А.А. Реан. СПб., Питер, 2000, 320с.	[Юнг]
151	Brown D. DNA from bone shows new human forerunner, and raises array of questions// The Washington Post, Thursday, March 25, 2010; A01	[Brown]
152	J.Krause, Q.Fu, J.M.Good, B.Viola, M.V. Shunkov, A.P. Derevianko, S.Pääbo. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. Advance online publication 24 March 2010.	[Nature, 24 March 2010]

Научное издание

Иванов Александр Викторович

ЛОГИКА СОЦИУМА

**Издатель: Центр социального прогнозирования
и маркетинга**

127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.

Тел. 482-18-47

E-mail: info@sheregi.ru

Подписано в печать 28.11.12. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 16,0. Тираж 250 экз.

Заказ

**Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.**